

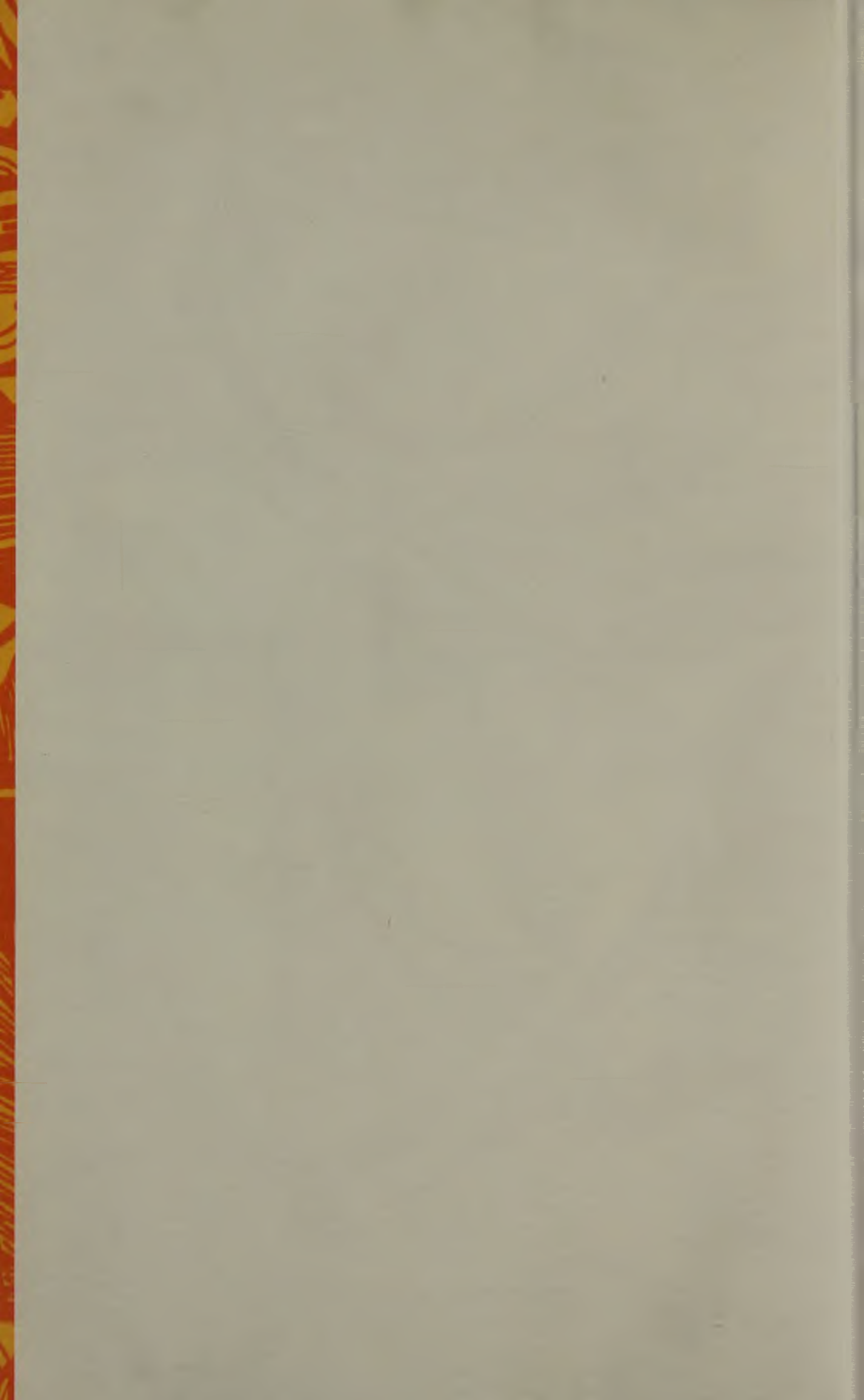
ИИ (2. Рос-Харт)
К В 12

МАРИЯ ВАГАТОВА

**МАЛЕНЬКИЙ
ТУНДРОВЫЙ
ЧЕЛОВЕК**

МАРИЯ ВАГАТОВА

МАЛЕНЬКИЙ ТУНДРОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

- 50795 - 3

Тюмень, 1996

Библиотека Марксовская
Книжная библиотека КО

ББК 84(2Рос=Хат)6 5
В 12

В 12 **Мария Вагатова**
(Мария Кузьминична Волдина)

Маленький Тундровый Человек: Стихи и
сказки / Предисловие В.Н.Соловар. — Тюмень:
«СофтДизайн», 1996. — 208 с.

- © Вагатова М. (М.К.Волдина), 1996.
- © Комитет по средствам массовой информации и полиграфии администрации Ханты-Мансийского автономного округа (издание), 1996.
- © СофтДизайн (оформление), 1996.
- © Кухтерин А.С. (иллюстрации), 1996.
- © Соловар В.Н. (предисловие), 1996.

ISBN 5-88709-048-0

ПОЭТЕССА ЗЕМЛИ ЮГОРСКОЙ

Обские угры, язык которых имеет общие корни с финнами, венграми, эстонцами, марийцами, с незапамятных времен кочевали в Приуралье и на севере Западной Сибири. На протяжении веков безымянными для всего мира оставались их родные озера и реки, неслышными — песни, непонятным — язык....

Иной сегодня стала древняя Югра, и прежде всего иными стали судьбы ее людей.

...Вряд ли поверил оленевод ханты Кузьма Вагатов, если бы сказали ему, что одна из его дочерей, Мария, станет учителем, а потом журналистом, редактором газеты на родном языке, первой поэтессой своего народа. Сам Кузьма Вагатов вырос в семье, где было 12 детей. Было, а вот в живых только он один... Остальных унесли тяжелые болезни, голод...

Оленевод Кузьма Вагатов не только не поверил бы в такое будущее дочери, но вряд ли даже представить смог бы, т.к. в их языке не существовало в то время слов «редактор», «поэт»...

Но вот по-новому зазвучали старые песни. Новые, радостные песни сложил народ...

Пройдет время, и Мария Кузьминична Волдина (Вагатова) напишет в стихотворении «Нерум» («Тундра»):

*«Там тропинка, где отец ходил,
Сердцу диктует слова...»*

От матери, отца, от родного народа идут в поэзии М. Волдиной самые душевные строки любви к родине, к земле...

С малолетства она любила слушать сказки, рассказы дедушки и бабушки. В зимние долгие вечера только этим и можно было успокоить шустрюю девочку. А когда охотники приносили в виде добычи хозяина тундры, она вместе с другими ребятами и со взрослыми спешила на медвежьих игрища. Во время этого праздника забывалось о том,

что на улице воет злой холодный ветер, метет жестокая пурга... Не раз потом всплывут в ее памяти живые картины далекого детства, живущие с тех времен образы, рожденные народной фантазией.

Как и многие поэты, писатели Севера, она окончила Ленинградский педагогический институт им. А.И. Герцена. Но к поэзии она пришла не сразу, а спустя многие годы. Любовь к родному языку, краю, народу зрела и крепла вместе с ее душой.

Мария Вагатова пишет в основном на хантыйском языке. Стихи, написанные ею, уходят корнями в прошлое, в фольклор. Это помогает создать такие образы, которые могут родиться только в хантыйском языке. Искренние, достоверные строчки автора дают читателю бесценную возможность понять мировосприятие народа, который умеет жить в гармонии с природой. Поэтесса видит близость северного человека к природе во всем.

Во многих ее стихах («Муравейник», «Тундра», «Ярась», «Плач» и другие) мы ощущаем глубокую, преданную любовь к своему суровому краю. Только для чужого глаза эта красота неприметна. Для нее же нет краше прозрачных, холодных озер, красных болотных кочек, нет лучше ягельных боров, населенных зверем и птицей. Ничто не ускользнет от зорких, внимательных глаз северянки: вот шагнуло к Оби солнце, умылось обской водой, потянулись прибрежные ивы, колыхнулся красивый девичий полог... Так настало утро. Глазами поэтессы мы видим ее земляков — рыбаков, охотников. Дети тайги — трудолюбивые, добрые, жизнестойкие, они чувствуют себя единым целым с Матерью-Землей. Стихотворение «Плач» болью отзывается в сердце: растрепали люди густые, кудрявые волосы Матери-Земли, поседали ее дивные косы, превратились в гнилые щепки, и лицо покрылось грубыми, страшными морщинами, иссохли синие глаза от слез... И в этом плаче страстная мольба, просьба не губить то, чем мы живем, чем дышим.

Читая стихи Марии Вагатовой, понимаешь, что они написаны женщиной, которая многое пережила, испытала,

пропустила через свое сердце. Поэтому они так близки нам. Поэтесса не отрывается от земли своих предков, в этом сила ее поэзии. Именно эта нерасторжимость связи с Югорской землей позволяет звучать песне звонко, иметь свою неповторимую мелодию.

Я не ставила перед собой цель написать обо всем творчестве автора. Оно богато, как жизнь. Более того, уверена, что многое Марии Кузьминичне еще предстоит написать.

Хочется, чтобы стихи хантыйского поэта открыли для себя многие, чтобы появились в печати не только произведения автора, но и новые хорошие их переводы.

А пока творческих успехов Вам, поэтесса земли Югорской!

Валентина Соловар,
кандидат филологических наук

МА АРИЕМ, АРИЕМ
— **СТИХИ**

В моем сердце вся природа,
Добрый нрав и ум народа,
Что ветвятся, как деревья,
Полны света и доверья.
Как березка золотая,
Я свечусь на склоне лета —
Ничего я не скрываю,
Мне б успеть отдать все это,
Все вернуть земле и детям,
Перетечь в сердца и души,
Нет на свете доли хуже,
Чем отдать всё это смерти.

И горда я, и красива!
Черный сах на мне искрится,
Белый сах на мне искрится.
Я поймаю трех оленей —
Серебром их шерсть лоснится,
Белым инеем дымится!
Запрягу я трех оленей,
Запрягу, украшу шеи —
Где других найдешь быстрее!
Мчатся нарты, точно птицы, —
И горда я, и красива!
Как бубенчик бьется, звонок!
Как у нарты полоз тонок!
И смеюсь я, как ребенок, —
И горда я, и красива!
Где олени шли гурьбою,
Следом снежной целиною
Я лечу, а за спиною
Вереница нарт за мною.
Целиною, целиною!
И горда я, и красива!
И не знаю я вольней
Тундры — родины моей!

ПЕСНЯ БАБУШКИ

За окном гнездо зиме
Ветер с ночью вьют.
Спой мне, бабушка, про жизнь твою.
— Песня, внучка, как Обь, длинна.
У людей зима, а мне все весна.
Я про первую жизнь вспоминать хочу,
Как любила я наш веселый чум,
Как шила, расшивала,
Как я пела, танцевала,
Била белку, мяла кожи
И богам молилась, — что же,
У кого просить участия?
Мы в урмане жили, в чаще
Годы девичьи прошли.
Помню, как-то зимней ночью
Руки мне связали, ноги,
В юрту мужа повезли...
Лицо скрывала, внученька,
Велел обычай мучиться.
Из бересты раз десять
Я колыбели шила.
Один живой, что делать?
Так мы прежде жили.
О добрый час! И в будни
В душе поет ручей.
И стала я как будто
Ровесницей твоей.

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

Как деревья бы листья имели?
Как бы они цветы распускали?
Если бы не было корней!
Если бы не было Земли!
Ласковыми глазами Солнце смотрит,
Пусть очень много тепла бы нам посылало.
Никогда не появились на свет бы дети
(девочки и мальчики),
Если на свете, на Земле, не было Матери!
Сердце матери!
Что это такое?
В нем тепла больше, чем у солнца!
Кровь краснее, чем красный свет!
С чем бы сравнить сердце матери?
Если дорога, то она бесконечна и широка!
Если сила, то другой такой силы нет на Земле!
Если цена, то нет дороже
Другой цены на свете!
Если честь, то без корысти!
Разве только с ценою жизни
Можно сравнить
Сердце матери!
Сюда старость не приходит,
И усталость не заходит.
Отсюда первое дыхание
Ребеночек берет.
Отсюда двери в белый день мы открываем.
Сердце матери!
Это совесть моя, твоя и Земли!

ЕСЛИ ПОШЛА ПЛЯСАТЬ ЖЕНЩИНА-ХАНТЫ

Люди, которые наполнили дом,
Их глаз вливается в танец,
Сердца их растаивают, как утренний иней.
Песня бежит оленьей рысью:
«Молодая Куриня, Куриня,
На полу, застланном гладкими досками,
Танец с быстрыми движениями рук,
Танец с проворными движениями ног,
Девушка-огонь, станцуй,
Девушка-огонь, спляши».
Как в страшную бурю сосна ветвистая
Качается из стороны в сторону (во все стороны)
И ветвями машет,
Так девушка кружится в танце.
Как молодого деревца ствол гнется в сильный ветер,
Так гибкая спина в танце вьется (изгибается),
Гнет свою спину девушка в танце.
Руки — крылатой птицы два крыла —
Облака гладят (поглаживают),
Руки — два плавника рыбы —
Воды плещут со звуком гребей.
Ноги женщины —
Земного зверя две мягкие лапы —
Землю мягкой делают,
ласкает женщина землю ногами.
Как набежавший большой ветер на лес
качает и кружит деревья,
Так кружится, гнется, извивается женщина
в быстром танце.
Как снежинки в большой снег (буран)
Мелькают, кружатся,

Так же женщины руки, ноги то тут,
то там успевают быстро

Появляться, меняться.

Песенка бежит бегом оленя:

«Это старинный танец,

Это танец, исполняемый отцами, дедами,

Его движения очень быстры, отработанны, красивы.

Это старинный ритуальный танец

Для высоких духом людей,

Пусть хоть их рост будет низким...»

Землю всю своим взглядом, взором

Женщина в танце окружит, осмотрит.

Когда кружится в танце, видит все углы Земли.

Высоту голубого неба женщина, танцуя, задевала

красивыми руками.

Если пошла плясать женщина-ханты,

Люди, которые наполняют дом,

Все косточки у них тают от танца,

Люди, которые живут на Земле,

Сердца у них зажигаются, начинают двигаться,

Наполняясь кровью и теплом, делать добрые дела

(побуждают жизнь вперед вести).

Аннэ

*Анне Митрофановне Коньковой,
мансийской сказительнице*

Издалека бегающий,
Оторвавшийся от стаи дикий зверь —
Это не я, Аннэ, так живу.
Издали шедший пугливо, трусливо,
боявшийся любого треска, шума, стука зверь —
Это не меня, Аннэ, такой на Землю жить посылали.
Людьми протоптанные тропы
Земли подобны месту, протоптанному
множеством оленьих ног,
Место, где проходила жизнь человека,
я издалека не кружила
от этого места, от этой земли.
Любимую, сильно впитавшуюся
в меня мансийскую землю
Я издали не проходила —
Мое, Аннэ, сердце
В мою землю влилось, втаяло.
Мою, Аннэ, печень я расстелила в том месте,
где мои люди
ходили и ходят (жили, живут).
Все корни моих мыслей —
каждой реки земли Конды, каждая проточка,
каждого дерева земли Конды веточка.
Все капли — глазки моей крови —
каждого дома огня искры.
В образе нарядной мансийской куклы —
Это, Аннэ, я такая смотрюсь (видят меня)
и живу, украшенная бисером и узорами жизни.
В косниках украшения — серебро моих волос —
Это, Аннэ, мой вид такой,

Это я так красиво живу.
Постаревшее мое большое, просторное сердце
бьется сильно, громко, звонко,
Как детское сердце.
Мои глаза, потерявшие свою зоркость,
Смотрят и все видят,
Как детские глаза.
Мою добрую землю в красивый,
узорчатый ковер вплету.
Все семь образов жизни, все семь дузов
мансийского народа
Я в сказках оживлю.
Большая Аннэ с высокими думами,
Я так пою.
Большая Аннэ, прожившая
по доброму нраву народа,
Я так сказ веду.

ДОЧЕНЬКА, ДОЧЕНЬКА!

Юрта, где я жила,
Днем светом солнца освещалась,
Ночью свет от луны падал на нее.
Жизнь (дорога жизни, продолжение времени,
отведенное мне дышать)

Я здесь прожила.

Доченька, доченька!

Руки твои руками стали,

Ноги твои ногами стали.

Научилась шить и делать украшение одежде.

Узоры из меха и сукна узнали руки твои.

Дом умеешь содержать и делать дому тепло.

Доченька, доченька!

Не я придумала это, до меня было так

и после тебя будет так же:

Встретишь однажды человека

(второго человека, кроме тебя),

Дай бог, чтоб был он высокий сердцем и душой.

Доченька, доченька!

Там, где ты будешь жить с ним,

Чтобы солнце лицом смотрело.

Там, где ты будешь идти с ним,

Луна пусть лицом была к вам.

Доченька, доченька!

Дом, где ты поселишься, постель будет твоя —

Где место для головы определишь,

Смех женщины бы не задел,

Смех мужчины бы не задел.

Доченька, доченька!

Лицо твое от солнышка чистое, похожее на него,

Лицо твое от луны чистое (не запачканное)

От людей твоего дома не прячь.

МИЛЫЙ ПЕТАР, МОЙ МУЖ

Милый Петар, муж ты мой,
Милый Петар, друг ты мой,
Позабыть ли мне то время,
Позабыть ли жизнь с тобой!
Это твой тынзян плетеный
Грел мне тело все больней.
Не забыть мне боли этой,
Как не знать тебе о ней.
Потому не знай и их,
Сыновей, детей моих.
Потому и звать не смей
Дочерьми моих детей.

Милый Петар, муж ты мой,
Милый Петар, друг ты мой,
Не качал ты детских люлек,
Мягкий пух не стлал зимой.
Ты не шил их из бересты,
Не сушил ты мох для них.
Это я вила им гнезда,
Мое сердце грело их.
Вот что помнит мое сердце,
Вот о чем пою порой,
Вот о чем хочу напомнить,
Ставши Матерью Большой.
Лишних слов я не сказала,
Лжи рассказ не знает мой.

Милый Петар, муж ты мой,
Милый Петар, друг ты мой,
Лишь одно еще скажу я,
Ставши старой и седой.
Без тебя мне день без солнца,

Ночь была бы без луны.
Это я не говорила,
Не могла до седины.
Есть у нас пять сыновей,
Есть у нас пять дочерей.
Это я не позабуду
В песне высказать своей.

Лишних слов я не сказала,
Лжи не знает песнь моя.
Я пою о милом муже,
С ним навек гнездилась я.
Десять жизней греет в чуме
Наш очаг, моя семья.

ХВАСТУН

Как сорока скок да скок,
Даже клюв от скока взмок.
Сбоку на бок голова,
Все сорит, сорит слова...

Хватит, хватит людям врать,
Уж давно пора понять,
Как береста в лютый год
Лопнешь вдруг, а кто доверт?

Ложь, как тот худой олень,
Мчит, бывает, целый день.
Упадет, и не поднимешь.
Вот беда!

ЯРАСЬ

Выйдет ли Ярась на тропу,
Выйдет ли Ярась на обласке,
Всякий удачен у Ярася путь,
Видно, на прочном поводке
Держит Ярась счастье свое.
И по-хантыйски Ярась поет,
И по-русски судьбу славит.
Руки — хоть рыбу ловить, хоть прижать
Девушку к сердцу — на все горазды.
Карие очи,
О как мне жаль,
К Ярасю совсем непросто добраться.
Нет, не гнетет превеликая даль!
На вертолете неторопливом...
Но вдруг не понравлюсь,
Что тогда
Ярасю счастливому из счастливых.

ХЕТТА

Тундра, по реке Хетта, моя земля,
Тундра, по реке Хетта, мое место,
Мне принадлежащие воды и земли.
Это место, где живет мое сердце,
Там я на свет родилась

(на глаза людям попалась).

Олени там паслись. И их

пастбища, следы их ног украшением стали.

Украшена эта земля и полозьями нарт,

Редких деревьев каждая ветка

На красивые рога оленей похожа —

Все это вены моего сердца.

Как я могу их забыть!

Как я могу жить без этой земли и воды!

Здесь я девушкой-птицей стала,

Здесь эта земля мне сына подарила.

Мать мне эту землю завещала любить и беречь.

Отец велел любить и беречь мне эти воды.

Тундра — живой ковер с глазами и сердцем.

Кровь живая красным соком

Течет по тундре, дышит, цветет.

Все это впиталось в мое сердце,

Из этого моя жизнь силы берет.

Тундра, по реке Хетта, моя земля,

Тундра, по реке Хетта, мое место.

Там живет мое сердце,

там я на глаза людям впервые попалась

(родилась).

МУЖЧИНА ПРОЕХАЛ

(По мотивам хантыйских песен)

Посвящаю отцу — К.Н.Вагатову

В упряжке, запряженной тремя
красивыми и сильными оленями,
На нарте с шестнадцатью ножками,
похожей на красивое,
плетенное из крепкой лозы, сиденье,
едет мужчина.
Мужчина на ней сидит и очень быстро едет.
Красиво бегут олени.
Мужчина так красиво живет
в пути и в дороге жизни.
Колокола (бубенчики) размером с маленький котел
На шее у оленей висят.
Под звон, звуки колоколов (бубенчиков)
размером с маленький котел
Мужчина едет и живет.
Мужчина похож на хорошего оленя-бегуна, вожака.
Лицо его украшают черные усы
и борода, похожие на мох,
который растет на стволе лиственницы...
А сейчас у него дорога кончается.
Мужчина надел шапку,
похожую на снежный ком,
который образовался на пне.
Борода и усы стали похожими
на мох, который растет на стволе ели.
Таким стал мужчина
после долгой, красивой и быстрой езды (жизни).
В упряжке, запряженной тремя
красивыми и сильными оленями,
на нарте с шестнадцатью ножками,
похожей на красивое,

плетенное из крепкой лозы, сиденье,
едет мужчина.
Мужчина на этой нарте сидит и едет.
Красиво бегут олени.
Мужчина красиво проехал (прожил),
Мужчина так красиво жил
и красиво уехал...

ЖИВЫ ОНИ

Металась...

Тело горело,

то холодело —

Стучалась беда...

И она мне руки

отшибала.

Пот холодный

лоб заливал мне.

Смоленные черные волосы

Рассекли серебристые полосы —

Следы мигом промчавшихся лет.

Казалось,

Старинное, черное емыл¹

Закрыло мне Солнца

свет...

Забыв про то,

Что есть врач —

друг,

Мужа бы сейчас

К постели позвать...

Он, как и тогда,

Посмотрит в глаза,

Тронет лоб

мне горячий...

И каждый, кто зрячий,

Заметит:

я улыбаюсь

Ему одному.

Забыв обо всем:

«Дитя бы ему

я сейчас родила....»

Сама удивляюсь,

удивляется врач:

Невесты, жены
Иль матери старой,
Родившей бойца.

А кто не вернулся
домой,

Он горько оплакан детьми и вдовой.

Те слезы в цветы превратились,

А бойцы в добрых духов обратились.

Спят они,

укрывшись тяжелым

земным покрывалом.

Слезы деревьев — желтые листья —

Медленно падают на них.

Плачут травы и цветы,

Роняя увядшие лепестки.

Родины плач

я слышу в музыке траурной.

Стою я у Вечного огня

Пискаревской земли.

Пламя выходит из глубины.

Смотрю, идет не дым от огня,

А живое дыхание их!

Живы они для народа!

Эта свежая рана в его сердце,

Врагами навечно оставленная.

Свято хранят

в каждом доме у нас

Память любимых мужей,

сыновей

и отцов...

...Старая женщина-ханты

Дрожащей рукой

в передний угол понесла

Первую пробу ею сваренной пищи:

«Пусть постоит...

Ведь духи их живы!»

Вот откуда у ханты

В каждом доме добрый дух.

И живет он,
пока огонь на Земле
не потух.

Люди подобны деревьям —
Не без корней они.
Ведь корни зажгли огонь жизни,
Вот и чтим мы их
В каждом доме,
В каждом сердце.
Это не горе наше —
Это сила наша.
«Она уводит нас от бед», —
Поучал меня старый дед.
Спасибо тебе, мой старый,
Добрый мудрец!
Не без корней мы.
Корни зажгли костер жизни!
И вижу, как вокруг он горит,
Вселяя в сердца
тепло и свет.

¹ Емы — закрытое лицо.

² Анас — аргиш.

Крылатый зверь пусть не догонит.
Зверь с ногами и руками
Пусть не поймает...
Длинным бегом бегущего оленя
Пусть мчится моя песня,
Быстрым бегом скорого бегущего оленя
Пусть бежит мое слово.

Я — СВЯТАЯ ЖЕНЩИНА-ОГОНЬ

Духом Ворт мне отданная
Добрая моя земля,
Где над ней искрится
(бросает искры огня) Солнце.
Я — святая женщина-огонь — выросла,
Я — святая женщина-огонь — живу.
В наружную сторону моего дома (жилья)
Если я выхожу, то сах, который надену,
Его узорчатая пола издали пусть колыхнется,
Поднимается, узорами играя.
Платок, который надену на голову,
Пусть его узоры и кисти передо мной колыхнутся,
Украшая взгляд людей издали.
Жизнь моей земли семи сторон
(семи углов, направлений)
Глазами беру, осматриваю.
Течения вод семи мелодий
Слухом ловлю, выслушиваю.
Так я — святая женщина-огонь — живу, хожу
Так я — святая женщина-огонь — езжу, живу.
Во внутреннюю сторону дома, которая имеет углы,
Если я вхожу (вошла) туда,
Где мое сиденье и я сажусь (села), то
Красивыми руками, похожими на плавники рыб,
Красивыми руками, подобными крыльям птиц,
Все множество узоров с их ветвями.
Я — святая женщина-огонь —
вывожу, вышию (вычерчу).
Я — святая женщина-огонь —
украшу все вокруг,
сделаю прекрасным все.
С дорогими сердцами моих всех (многих) людей,

С золотыми (дорогими) думами (мыслями)
моих всех (многих) хантов.
В песню мою впишу.
В песни я их внесу (вделаю)
Так, я — святая женщина-огонь — пою,
Так, я — святая женщина-огонь — говорю.
Духом Ворт мне отданная
Добрая моя земля,
где над ней искрится (бросает искры огня) Солнце.
Я — святая женщина-огонь — выросла,
Я — святая женщина-огонь — живу.

Мои люди из деревни Тукьяканг

В сторону (по направлению) деревни Тукьяканг,
Когда я в путь выходила, ехала в дороге.
С сиденья нарты, с того места, где я сидела, ехала,
Смотрела (глядела) на свою землю,
В дороге двигаясь вперед.
Множество выросших деревьев, ряды
на высоких холмах,
Ожерельями тянулись ко мне.
Земли, где стояли, жили деревья,
Глазами брала и дивилась,
Радовалась (радовало меня все):
Бусы-озера, соединенные вместе в ожерелье,
Вереницу озер, прихваченных вместе,
соединенных вместе,
Сердцем брала и дивилась (радовало меня все это).
Речки, проточки, бежавшие узорами,
Речки, проточки, бежавшие кругами,
извиваясь дугами, —
Это широкие дороги, где живут,
Ходят, бегают мои рыбы.
Все это я вижу, как они бегут со мною,
Икрыных рыб гнезда,
Это и есть, я знаю,
Множество людей с лодками и с нартами,
Это их пути, дороги, следы.
Я здесь нашла, вижу, по этому пути я еду,
Их след взяло мое сердце.
В деревню Тукьяканг, когда я приехала,
Когда я с нарт встала на землю,
Люди, лица которых я еще не встречала,
Ханты, которых я еще не видела,

С вестями, с речами о жизни,
о зверях, птицах, о людях,
Далеких и близких, идут навстречу, приходят (пришли).
Узорами, похожими на крылатых птиц и зверей,
Мое сердце украсили.
Узорами, похожими на зверей лесов и вод,
Мое сердце расшили.
Ханты в деревне Тукьяканг
Сердце мое взяли, взяли.
Люди деревни Тукьяканг
Душу мою взяли, взяли.

Тукьяканг — название хантыйской деревни.

ТЕМ, В КОМ НЕТ СЕРДЦА

Нет в вас сердца. Ваша плоть
Сотворит ли кровь живую?
Вот что нелюдям живым
Неустанно говорю я.
Вам ли жизнь любить, когда
Вы впились в нее так злобно?
Скоро вытопчете вы
Ваш лужок, скоту подобно.
И падете — морды в пыль,
Обескровив ваши вены.
Впрочем, кровь ли в них текла?
Зло с дерьмом попеременно,
Знали ль солнце ваши дни,
Ночи — звезд живых свеченье?
На Земле вам, без сомненья,
Потому не будет, нет,
Вам на свете продолженья.

РЫБАКИ

Ханты встали раньше солнца —
Летом ночи нету.
И, потягиваясь сонно,
Обь влезала в невод.
Как ее светилась шея,
Колыхался невод.
Обь роняла украшенья
Осетров и нельмы.
Волочились, будто бревна,
Щуки и налимы.
Стерлядь шла легко и ровно
Желтого налива.
Руки сильные у ханты.
Тонь к концу.
И ловко круг на круге, как арканы,
На песок — веревка.
Бьет щурят зеленый ливень
По рыбачьей жажде.
Что улов идет великий,
Сердцем чует каждый.
Притонили.
Обь вздохнула
Мягко, с облегченьем.
Листья солнца потянулись
К людям по теченью.

СОРНИ ЛОПЫС

(Сказ)

В этом ли конце Земли,
В том ли углу Земли
Жила когда-то Елум Нэнги,
Слышала, была она хантыйской женщиной
И вырастила она к светлому дню
Высоких, как лиственница, семь сыновей.
Стройных, как ели, семь сыновей.
Каждый светящийся день
Раньше птиц и зверей встают они,
Объезжают соры и болота,
Режут злему зверю горло
И дикого оленя арканят.
Только Ратпар-хо — сын самый меньший,
Только Хышпар-хо — сын самый последний,
Ноги сунув в теплую золу очага,
Сидит целыми днями и что-то бормочет.
Или ума у него мало,
Или просто непутевым родился.

На краю женских нар,
В заветном углу женских нар,
Мастерица Елум Нэнги
Сидела и расшивала ханши.

День ли вечером становился?!
Свету ли мало стало?!
Выходила Елум Нэнги из дому,
Выходила Елум Нэнги,
Распрямляла руки, ноги.
Вот что случилось однажды.

Или городу не жить!

Или стойбищу не жить!

Вечер снова стал как день!

На лиственнице, вершина которой касается неба,

Светится золотое сияние — Сорни Лопыс,

Посылает свет на Землю!

Влезла Елум Нэнги на лиственницу,

Сорни Лопыс на землю сняла.

Когда кончился наступивший день,

Когда кончился светивший день,

Сыновья Елум Нэнги с тугими поясами,

С полными ношами рыбы и мяса

Возвращались с озер и соров,

Возвращались с боров и болот.

Издали они увидели Сорни Лопыс.

Сыновья высотой с молодую лиственницу,

Сыновья стройные, как растущие ели,

Стали вокруг матери и

Заспорили, кому завладеть

Чудом — Сорни Лопыс.

Сыновьям гнезда родного

Сказала Елум Нэнги вот так:

«Мне плохого вы не делайте

И не спорьте меж собой.

Кто из вас имеет чудо,

Кто мудрее в делах, в жизни и в дороге

И лучше других помогает людям,

Тому я отдам Сорни Лопыс».

— Когда мы в пути, в дороге,

Если злые люди нас догоняют,

Только проведу я рукой по волосам —

Лес встает перед ними,

Да такой, что взор и щелки не отыщет,
Ухо не услышит.

Люди с топорами и ножами
В этом лесу и смерть найдут.
Мать, отдай мне Сорни Лопыс! —
Так сказал самый старший сын.

— А если путь продолжим,
А если дорога и дальше пойдет,
На след наш снова выйдут враги,
Стоит только туда-сюда
Дунуть мне несколько раз —
Появятся луки и стрелы,
Сами они победят их.
Мать, отдай мне Сорни Лопыс! —
Так сказал следующий сын.

— А путь-то дальше продолжается.
А дорога нас дальше ведет.
Издавна море с горячей водой
Обрывало путь ханты.
Преграждало дальнейший путь.
Я сделаю лодку-чудо,
Дорогу здесь продолжу.
Мать, отдай мне Сорни Лопыс! —
Так сказал третий ее сын.

— А путь мы дальше продолжим,
А дела нужно дальше делать.
Высотой в пять саженей дом построю,
Шириною в шесть саженей дом построю.
Мать, отдай мне Сорни Лопыс! —
Так сказал ей четвертый сын.

— А путь-то продолжается,
А дорога дальше идет.
Может, рыбы не будет у ханты,
Может, муки не будет у ханты.

Я для них поставлю стол.
Всякая еда будет там.
Мать, отдай мне Сорни Лопыс! —
Так сказал ей пятый сын.

— А путь не кончается,
А дорога дальше продолжается.
Пусть темная ночь наступит для ханты,
Пусть глаза не видят, уши не слышат.
А я для них зажгу все звезды.
Будет светло ночью, как днем.
Мать, отдай мне Сорни Лопыс! —
Так сказал ей шестой сын.

— А ты, Ратпар-хо, малый мой сын,
Ты, Хышпар-хо, милый мой сын,
Имеешь ли ты крылатые мысли,
Сможешь ли ты помочь людям?

— Земля имеет семь углов.
Живут здесь люди на семь ладов.
Будут жить они все одинаково,
Люди семи углов Земли
Будут жить думою одной,
Потому что светит Солнце нам одно.
Пьем мы воду тоже одну,
Дышим воздухом одним,
Сорни Лопыс надо отнести на лиственницу —
Не для одного человека нужны
Его свет и тепло.
Пусть оно пылает там,
Пусть течет его свет и тепло
Ко всем людям семи углов Земли,
Призывает их сердца и взгляды к одному очагу.

Елум Нэнги, выслушав речь сына младшего,
Сказала сыновьям такие слова:
— Услышала я мудрость и много чудес,

Хочу, чтобы все они служили людям,
Чтобы наши бедные и измученные ханты
Увидели и почувствовали силу чудес.
А Сорни Лопыс тогда и вам тоже будет светить.

Не трогайте Сорни Лопыс,
Держитесь думы одной,
Встаньте на путь один,
Ваши чудеса и вашу мудрость
Когда-нибудь люди увидят своими глазами.

Сыновья Елум Нэнги
Как будто крылья имеют:
Мы не успели оглянуться —
Улетели они из гнезда.
Долго ли они ходили,
Коротко ли они ездили, — не знаю я.

Только знаю: я живу
В древней сказочной мечте.
Земля моя берет солнца жар,
Живут на ней разные люди.
Все семь чудес семерых братьев —
Это теперь не сказка.
Не только в сказке жили враги,
Видишь и сейчас — разинув пасть,
Жаждут они кровавого пира.
Но мы не боимся жадных воров.
Сывас — крылатая птица хантыйских сказок —
Летает наяву,
И, как огненные стрелы,
Долетает к звездам любим.
Пусть враги знают это.

По водам горячего океана,
По льдам холодного океана
Огненные лодки плавают —

Это тоже чудо жизни.
Ратпар-хо с братьями,
Хышпар-хо с матерью
Среди ханты я вижу часто.
Семь чудес и сказки мудрость
Вижу в жизни я сейчас.
На сказочной лиственнице —
На земном шаре —
Для людей Сорни Лопыс сияет.
Прав был Ратпар-хо,
Прав был Хышпар-хо:
Светит всем, и тепло его греет всех,
Зовет всех земных людей жить в мире.
Здесь я сказ закончу.
Может, когда-нибудь и кто-нибудь
Вспомнит Елум Нэнги и ее сыновей.

Сывас — несуществующая сказочная птица.

СВЕКРОВИ

Тебя глазами я не видела,
Только знаю я,
Что жизнь твоя была не сладка (очень трудна),
Очень трудно ты жила.
Радость жизни не узнала,
Ушла из нее, закрыла глаза от света дня.
Слово мое радостное тебе —
Свекрови —
Матери мужа моего.
Сын твой дорог сердцу моему,
Как первенец материнскому сердцу.
Радуйся вместе со мной!
Он вровень с лучшими мужчинами
Идет по дороге рядом с сильными,
Людам добро творя,
Сына твоего — мужа моего —
За радость и счастье,
Которые всем дарит он,
Русские люди считают родным братом.
Сыном его люди тоже зовут.
Еще одно слово тебе:
Есть дочка Татьяна — цветочек у меня.
Это нить сердца твоего,
Искра от костра твоего!
И свет твоего очага
Искрится в глазах внучки.
Пусть мягка твоя постель!
Пусть душа легка твоя!
Святую женщину — мать мужа моего —
Храни, мать Земля.

ХЛЕБУШКО

СКАЗКИ

ХИЛЫ И АКИ ЧЁРНОЕ СЕРДЦЕ

На перепутье семи соров, на перепутье семи рек жил Хилы со своей бабушкой, звали ее Има. Это были самые добрые, самые честные люди, и поэтому земля и воды не жалели своих даров для них, солнце им дни освещало, луна им ночи освещала, людское зло не трогало их сердца.

Очень гордилась Има любимым внуком. Он был умен, ловок, храбр. Какой бы день ни настал на земле, Хилы не сидел дома — он проверял ловушки. Попадал ли зверь, ловилась ли рыба в них, мы не знаем, но одно место, где ловил он налимов с большими и жирными максами, длиною в сажень, знали все люди семи соров, семи рек. Если кого застала неудача в пути, если в доме стало пусто и в котле варить нечего было, то Има и Хилы не скупилась на помощь. Все считали, что за добрые души их земля дала им это место.

Так жили они, долго ли — тоже про то не знаем.

Но однажды случилось вот что. Пришел Хилы к своей налимьей ловушке, глазам не верит, думы и мысли отгоняет, которые тут же подсказывают ему недоброе: кто-то только что проверил морды и всю рыбу взял. Стоит Хилы, а ноги словно сетью опутаны, мимо него бегут то холодные ветры, то теплые ветры и шепчут ему: «Да, ты не ошибаешься. Недобрый человек только что был тут, проверил твою ловушку и унес добычу».

Люди семи соров, семи рек никогда не слышали о таком, не видели такого.

Стал думать Хилы, как найти этого злодея и как его наказать. В его человеческое сердце не вмещалось чувство, которое принес этот злой человек, посмеявшийся проверить чужие ловушки. Лицо у него стало белым, как кора березы, сердце стало дуплистым деревом. Пришел Хилы домой к Има. Ни слова не сказав, лег на свои нары в переднем углу избы. Думы, как ветер, не давали покоя. Ночь прошла. Утром чуть свет снова Хилы отправился в путь.

Маленький человек сидел на скале и смотрел на море. Он был одет в меховую одежду и держал в руках олений рога. Вокруг него летали птицы.

Маленький человек сидел на скале и смотрел на море. Он был одет в меховую одежду и держал в руках олений рога. Вокруг него летали птицы.

Много ли прошел, мало ли прошел, подходит к налиминой ловушке. Снова злой человек опередил его, проверил морды и всю рыбу вынул. У Хилы вместо налимов — пустой кузов и пустой пояс. «В одной голове ума и мудрости мало, надо посоветоваться с Има», — решил Хилы и отправился домой.

— Има, ты старый и мудрый человек, скажи, кто может нарушить закон предков, закон людей семи соров и семи рек — ходить росомахой и воровать чужую добычу?

— Кто про это сразу скажет? Ведь рука там не осталась. Но не простят воды, не простят леса, не простят люди человека, потерявшего душу, — сказала мудрая старуха. — Ты не печалься. Если люди днем не увидят этого человека, то нам помогут луна и звезды, им все видно с высоты небес, а ты можешь укрыться около ловушки и покараулить, — советовала Има.

Хилы так и поступил. Чуть вечер наступил, Хилы ушел караулить. Кусты постарались укрыть его надежно, чтобы злой человек не заметил. Ночь проходит, утро приближается. Слышит Хилы скрип полозьев нарточки, насторожился, глаза и уши направил, чтобы увидеть и услышать, кто идет. Луна стала ярче светить, засверкали звезды, помогая глазам Хилы.

Пришел злой человек к ловушке, вытащил из воды морды, вынул налимов с большими и жирными максами, наполнил кузов, крепко привязал его к нарточке, поставил снова ловушку и хотел было отправиться в обратную дорогу, но тут перед собой увидел Хилы.

Хилы сразу узнал его, еще когда сидел в кустах. Это был Аки, который жил среди людей семи соров, семи рек. Сидело в нем черное сердце: он попавшему в беду первым не протянет руки, никогда к костру не позовет погреться. Никого не грело его черное сердце.

Знали это все.

— Ивлап-аслап! — воскликнул Хилы. — Не стыдно тебе, Аки, чужие ловушки проверять? Вот на какие дела ведет тебя черное сердце!

У Аки задрожали руки и ноги, как ветки деревьев в

большой ветер, лицо стало черным как ночь. Семь раз его подбросило над землей, семь раз падал на землю, потом вымолвил нечеловеческим голосом как велело его черное сердце:

— Это ловушка моя, а не твоя!

Всего ожидал Хилы от этого человека, только не этих слов.

— Это ловушка моя, знают люди семи соров, семи рек, знают небо и земля! Как у тебя язык повернулся так сказать? — возмутился Хилы.

— Что мне люди семи соров, люди семи рек? Знает бог Торум, — процедил с закрытыми глазами Аки Черное Сердце.

— Хорошо, приведи своего Торума, пусть он докажет.

Как решили, так и сделали. В условленный час, в установленный день пришел Аки Черное Сердце с деревянным идолом-божком, и Хилы тоже побеспокоился о защите: уговорил свою мудрую бабушку Има сесть в нарточку, надел на нее украшения, платки, платья — преобразилась старуха.

«Сама богиня Вут-Ими пожаловала на спор», — подумал трусливый Аки, увидев разнаряженную «куклу».

Хилы поставил нарточку с Има на горку так, чтобы, чуть покачнувшись, она покатилась вниз.

Аки подошел со своим деревянным идолом и поставил его у дерева.

— Ну давай, Аки, будем решать, чья все-таки ловушка налимов. Спрашивай своего бога! — обратился Хилы к вору.

Подошел Аки к своему идолу и взмолился:

— Все, что имею, отдам тебе, хочешь, еще тебе сделаю подарок? — Повернулся он семь раз вокруг себя по ходу солнца. — Не обходил я тебя вниманием, полка твоя полна мехов и шелков. Дай знать Хилы, что ловушка налимов моя, она мне оставлена в наследство от предков моих.

Деревянный идол как стоял, наклонившись к дереву, так и стоял. Лицо Аки скривилось от боли, даже зубы оголились, а Хилы так громко засмеялся, что услышали люди семи соров, семи рек и решили узнать, что случилось, над кем смеется Хилы. И собрались в путь.

— А теперь, Аки, моя очередь спрашивать! Подойди сюда, встань перед моей нарточкой. Пусть эта женщина разрешит наш спор, чья ловушка налимов: моя или твоя. Пусть она наедет на того, кто лгун и вор.

Начала Има раскачиваться, а нарточка стала скатываться под уклон на Аки. Мечется Аки из стороны в сторону, катится вниз, а за ним — нарточка с Има. Над бедным старым Аки Черное Сердце стали смеяться воды и леса, ветер и люди семи соров и семи рек, успевшие добраться сюда. Не могло выдержать черное сердце вора, оно лопнуло, и он стал уже человеческим голосом кричать:

— Не моя ловушка налимов, а Хилы! Простите меня, люди, прости меня, Хилы!

И Аки не заметил, как у него появилось новое сердце, уже не черное, а такое же, как и у людей семи соров, семи рек.

Много ли, мало ли воды утекло с тех пор, много ли, мало ли дней и ночей ушло, но Хилы и Има по-прежнему живут среди людей семи соров, семи рек.

И мы с ними живем.

ХЛЕБУШКО

Жили-были муж с женой. Мужа звали Икилэ, а жену Имилэ. Уж так издавна велось: Икилэ находил себе занятие в лесу или ловил рыбу. Ездит-ездит, приедет домой, сменит износившуюся обувь и одежду, привезет жене мясо, рыбу, шкурки убитых зверей — и снова в лес. Был он добр к людям.

И Имилэ тоже знала, что делать. Ведь не мужское дело отапливать дом, заготавливать хворост, шить одежду, готовить еду. Она сушила рыбу и мясо. Всего у них в доме было полно, только муки мало. Все умела делать Имилэ, только вот беда: была очень грубая и жадная.

Однажды жена решила состряпать хлебушко — Няние, уж очень ей захотелось мягкого душистого хлебушка попробовать. Взяла икры, сбила ее деревянной ложкой, высыпала последнюю муку в берестяной бачок. Замесила тесто. И грубо, как камень, бросила тесто на сковородку.

Очень обиделся Няние, но ничего не сказал, стал печься. Тем временем Имилэ выстругала остроконечную палочку — и ну тыкать Няние то тут, то там, словно шилом. Пробует — испекся ли. Няние стал прыгать от боли. То на одну, то на другую сторону повернется. Больно ему было, очень больно. Жадная Имилэ не успокаивалась — ей хотелось скорее съесть Няние.

— Ждешь-ждешь! Пекись скорей! Я есть хочу! — кричала она на весь дом.

Хлеб старался скорее поспеть, зарумяниться, вздрагивая от страшных уколов.

А у Имилэ глаза больше прежнего разгорелись, зубы стали острее, а сердце еще злее.

— Скоро я тебя съем, Няньлэ! Ты будешь в моем животе! — дразнила она Няние.

Только хлеб поспел, стал румяным и пышным, — Имилэ тут как тут. Хотела ткнуть острой палочкой и поднести ко рту, а Няние — прыг! На столе оказался. Имилэ — к столу,

а Няние — на полку с посудой. Полка эта находилась на женской половине дома. Имилэ в ярости бросилась туда.

А Няние покотился в передний угол дома и прыгнул на святую полку, где жил домашний бог. Женщине нельзя было даже касаться этой полочки.

«Здесь Имилэ меня не достанет», — подумал Няние.

Испугалась Имилэ: «Как же я теперь поем хлеба?» Но забыв обо всем и даже о боге, она с руганью потянулась за Няние. Хлеб засмеялся, изловчился и прыгнул через голову женщины, стал кататься по всему дому и смеяться над грубой и жадной Имилэ. Она старалась его догнать, пока не перебила всю посуду.

Хлеб открыл двери и выкатился на улицу. Имилэ опомнилась, выскочила за ним, увидела собак и сколько есть силы закричала:

— Пурыс, пурыс! Лэвыс, лэвыс! — что значит: «Кусайте, кусайте! Съешьте, съешьте!».

Собаки помчались за Няние. Вот-вот его поймают и съедят. А Няние подумал: «Ведь собаки есть хотят. Они ведь не то что их хозяйка — добрые. А я, Няние, неблагодарный».

Он отломил от себя корочку и бросил собакам. Они схватили корочку и не стали преследовать. Няние тем временем исчез.

Имилэ, беспомощно разводя руками, громко плакала и звала Няние. Но он и слушать не стал ее.

В густом ли лесу, в темном ли бору сидел Икилэ и варил мясо. Не один бор обошел, не одну речку переехал — сил не стало, и хлеба нет. Думы тяжелые, горе гложет сердце.

«Вот Няние бы пришел на помощь», — сетовал он. Только подумал — глядь: около него сидит Няние, лица на нем нет. Усталый, истыканный чем-то...

Икилэ взял его осторожно натруженными руками, загладил раны на хлебе и поцеловал его. Посадил на самое почетное место у костра. Няние стал веселым, румяным, пышным и очень хотел, чтобы Икилэ его съел и стал самым сильным и умным.

Икилэ съел Няние, улыбнулся и сразу почувствовал та-

кую силу в руках, в ногах, что мог объехать не одно болото, мог пройти не одну землю. В голове прояснилось, а сердце стало еще добрее.

Пусть здесь этой сказке будет конец.

Только Икилэ просит вот что запомнить. Няние — это сила людская, да не простая. У кого недобрые сердце и руки — хлеб не дается им.

Да и я так же думаю: злой человек пусть и близко к Няние не подходит.

**МАЛЕНЬКИЙ
ТУНДРОВЫЙ ЧЕЛОВЕК
НАРОДНЫЕ СКАЗКИ**

Ай Моньсьхо па Лэхолэ

В широком бору, там, где паслись большие олени стада, там, где для них рос белый мох, там, где бегали сильные красивые хоры, там, где им было просторно, — стоял домик высотой в три бревна. В нем и жили Ай Моньсьхо со своей старшей сестрой Моньсьнэ. Давно ли они здесь живут или недавно, мы не слышали, но знаем: как только день настает, Ай Моньсьхо земли и воды обходит, боры и болота проходит, горло злому зверю режет, мясо и шкуру дикого оленя, дикого зверя приносит домой. Его охотничьи тропы не бывают пустыми, каждый день возвращается с охоты с поясом, полным шкур черного зверя, лисиц, горноста, соболя, белок. Каждый день мясо жирного лося, теплое мясо разного зверя в дом приносит. Сестра Моньсьнэ только и успевала сушить, варить, шкуры выделывать и шить одежду, чтобы зимой и летом носить. Да не просто шьет, а расшивает узорами. Такая красота получается, что глаз не оторвешь от нее.

В доме было всего много. Жили в тепле и в радости. Только сердце Моньсьнэ было недовольно чем-то. Но так жили долгое или короткое время, про это никто ничего не говорил.

Но однажды утром Ай Моньсьхо — не будет же дома сидеть, ему надо боры и болота, леса и воды обойти — оделся и вышел в путь, по которому ходят только мужчины. Только он вышел в путь, слышит Моньсьнэ, что сторожевая собачка, которая дает знать, что кто-то идет, залаяла. Она прислушалась. Другие собаки молчали. Убедилась Моньсьнэ, что опасности нет. «Кто пришел, тот в дом войдет», — подумала она и продолжала сидеть за делом.

Тем временем к двери уже кто-то подошел, с одежды и обуви снег стряхивает, открыл дверь. «Йи! Кто пришел! Да это же людоед Ялань Ики! — Страх охватил все тело Моньсьнэ. — Так почему же остальные собаки молчали?» А Ялань Ики на четвереньках ползет, еле-еле в двери про-

тиснулся, заполз. Он знал, что с испугу Моньсьнэ ни жива ни мертва, старался показать свою доброту, которой у него никто никогда не видел и никогда не было, а зла он наде- лал на сто жизней вперед. Его имя нельзя даже называть, а тут сам пожаловал. У Моньсьнэ лица уже нет, язык оне- мел, только недовольное сердце в ее груди зашевелилось и забилося сильнее. И Ялань Ики как можно ласковее, чего никто никогда не слышал и не видел, заговорил: «Ай-кай, Моньсьнэ-девица, не пугайся меня, я не зло делать к тебе пришел, а с добром к тебе пришел». «Никому еще от тебя не было добра, какое же может быть добро от Ялань Ики», — подумала Моньсьнэ, и ее коварное недовольное сердце кричало в груди от страха.

Стараясь отвести от себя страх, Моньсьнэ встала, дос- тала большие куски жирного мяса, большие куски жир- ной рыбы и стала угощать Ялань Ики. Долго ли сидел, коротко ли был он тут, и вновь заговорил: «Моньсьнэ- девица, я вот что тебе скажу. У тебя нет друга жизни, не с кем тебе делить солнца свет, луны свет. Я тоже один. Если ты согласна, нам бы пожениться. Что ты на это отве- тишь?»

Моньсьнэ еще сильнее напугалась, по телу холод по- бежал. И снова всем недовольное коварное сердце прыга- ет в груди, ничего поделаться она с ним не может. А Ялань Ики смотрел на нее, ждал ответа. Моньсьнэ глухим голо- сом по велению своего непослушного сердца отвечает: «Я, может, и согласна, да брат Ай Моньсьхо что скажет. Меня он не выдаст за человека, который съел много людей, даже детским мясом лакомился. Плакивали загубленных тобой люди всей тундры, и их слезы заполонили всю пустоту возле кочек».

«Э-э! Моньсьнэ-девица, пусть тебя это не смущает. Ты же знаешь: в моих жадных кишках есть место и для него. Сегодня вечером, когда он придет, вот я его туда же затолкну. Я превращусь в иголку толщиной с оленью шер- стинку, длиной с олений волос, а ты сунь её в шкуру оле- нью, на которой он спит. Только уснет — вот тут-то ему и конец, тут его и смерть найдет: я его и проглочу. И все

добытое им станет нашим добром, нашим богатством, еды и одежды на всю жизнь хватит», — обрадовался Ялань Ики и превратился в иголку толщиной с оленью шерстинку, длиной с олений волос. Испугалась пуще прежнего Ай Моньсьнэ, но не могла верх взять над непослушным капризным своим сердцем, взяла иголку, пошла в передний угол дома, где стояли нары брата, развернула шкуру пестрого оленя, на которой спал брат, сунула иглу — Ялань Ики, свернула шкуру и положила ее на прежнее место.

День вечером стал. Вернулся с охоты брат Моньсьхо, стряхнул снег с обуви и одежды, вошел в дом и сразу заметил перемены в поведении сестры. У Моньсьнэ улыбка, будто солнце только что встает, разговаривает, будто веселую песню поет. «Что случилось, сестра? У тебя радость какая или кто-то приходил и весть хорошую услышала?» — спрашивает Ай Моньсьхо сестру.

Моньсьнэ по велению непослушного сердца отвечает брату: «Нет, братец, никто не приходил, никакой радостной вести у меня нет, ничего не случилось».

Ай Моньсьнэ накрыла на стол, накормила и напоила уставшего от длинного пути брата. Ай Моньсьхо рассказал, как охотился, сколько земель обходил, сколько рек прошел. Посмотрит на сестру и не понимает, что с ней происходит. С лица улыбка не сходит, речь песней стала. Ай Моньсьхо почувствовал усталость, пошел в передний угол, где стояли его нарты, развернул шкуру серого оленя, развернул шкуру пестрого оленя и лег. Немного полежал, а сон не приходит. Говорит он сестре: «Кай, упия, что-то неловко, жестко в моей постели, пойду похлопаю шкуру пестрого оленя о снег, освежу шкуру серого оленя и постелю поудобнее».

Соскочил он с нар, быстро свернул шкуру серого оленя, а затем шкуру пестрого оленя и выбежал на улицу, схватил с нарты костяной нареп, которым снег и лед отбивают со шкур и нарт, и стал кричать: «Всякая нечисть, всякая грязь, всякая ненужность — вот вам, вот вам!»

Ялань Ики еле-еле остался жив, выпал из шкуры на снег.

Чуть не попал под костяной нареп, чуть не потерял дыхание. Ай Моньсьхо нареп положил на место, шкуры пестрого и серого оленей занес, постелил и заснул таким крепким сном, каким может уснуть человек, который прошел семь дорог, семь путей и не знает, где небо, где земля и сам он где.

Быстро утро настало, проснулся Ай Моньсьхо, и с сестрой они о жизни, о новом дне речь повели. После того как поели, попили, Ай Моньсьхо оделся в охотничье снаряжение, обулся, тугой пояс натянул и пошел по дороге, по которой ходят мужчины. Уходя, снова заметил, что у сестры большая радость. Раньше она была грустна, когда брат далеко уходил.

Только Ай Моньсьхо скрылся за лесом, а Ялань Ики тут как тут, заполз в дом. А Моньсьнэ вся светилась, как солнце, искрилась, как огонь: страх ушел из ее тела. Встречает Ялань Ики, накрывает ему на стол, ставит чашки с жирными кусками мяса и жирными кусками рыбы. Их двое — две чашки, две ложки. Руки и ноги Моньсьнэ быстро двигались, наполняя стол едой. Сели есть, пить и снова стали думать, что делать с Ай Моньсьхо. Ялань Ики говорит: «Я превращусь на этот раз в сухую соломинку, а ты меня сунь в стельку в охотничьи ниры. Завтра он наденет их, и, когда в лес придет, там я его и съем, там ему и смерть найду. А то дома ему духи помогают. А там никуда не денется».

Ялань Ики сразу превратился в сухую соломинку. А Моньсьнэ начала готовить обувь брата на следующий день. Высушила ниры и свежие стельки из сена вложила, а в сено соломинку — Ялань Ики — сунула.

День прошел, вечер наступил, и Ай Моньсьхо прошел семь дорог, семь путей и пришел домой. Смотрит, а сестра радостная, как светящееся солнце, от ее улыбки вечер днем становится. Ноги сестры бегают, а не ходят. Решил Ай Моньсьхо получше понаблюдать за сестрой: что-то или кто-то ее радует, да и в доме что-то не так, вроде есть кто-то. Прошел вечер, ночь настала. Постелил Ай Моньсьхо шкуру серого оленя, шкуру пестрого оленя и сразу уснул. Скоро настало утро. Сестра подает ниры: «Надень ниры, я их

высушила и стельки свежие положила, твоим ногам будет тепло и легко».

Ай Моньсьхо надел ниры и отправился по дороге, где мужчины ходят. Долго ли шел, коротко ли шел, вдруг в ноге почувствовал какую-то боль, идти не может. Догадался Ай Моньсьхо, в чем дело, быстро нарубил дров, разжег костер, снял ниры, вынул стельки и бросил их в огонь. Ниры без стелек надел и отправился в обратный путь. Встретив возвратившегося домой брата, Моньсьнэ недовольно спрашивает его: «Тё! Брат, ты сегодня что-то рано пришел, день еще впереди, света еще много. Что-нибудь случилось?»

— Сначала быстро шел, ноги пропотели. Хотел было на костре просушить стельки, но они сгорели. Как дальше идти без стелек, вот и вернулся обратно, — ответил брат.

Моньсьнэ побледнела, лицо стало походить на лед, вся веселость высохла, руки и ноги стали без суставов. Длинный ли вечер был, быстро ли стемнело, ночь наступила. Ай Моньсьхо постелил шкуру серого оленя, шкуру пестрого оленя и уснул. Проснулся только утром. Моньсьнэ думала, что брат выйдет в путь охотиться за лесным зверем, за водным зверем, а он вдруг сказал ей: «Упа, я сегодня останусь дома, пусть кости мои и жилы размякнут немного, от ежедневной ходьбы устали, пусть сила нальется в мое тело, отдохну».

Ай Моньсьнэ от таких слов брата чуть деревянной не стала, но сдержалась, начала заниматься своими обычными делами. Ай Моньсьхо незаметно принес нож, который носят только мужчины, величиной в два нарепа, закинул его на полку, которая была над дверью у входа и где сушат дрова, и говорит сестре: «Упа, спать что-то хочется, я залезу на полку, где дрова сушатся, подремлю». Бросил он шкуру оленя на полку, залез сам и притаился спящим.

Слышит, собачка залаяла, кто-то пришел к дверям, стряхнул снег с одежды и обуви, открыл дверь, ползет, протолкнулся в дом и говорит: «Наверное, Ай Моньсьхо дома, не ушел в лес». Посмотрел вниз Ай Моньсьхо и сразу узнал — это людоед Ялань Ики. Моньсьнэ пуще прежнего испугалась. Руки-ноги задрожали, и губы еле слышно про-

шептали: «Ай Моньсьхо нет дома, он леса и воды обходит, с чего ему дома быть, видишь — его нет нигде». Ай Моньсьхо приготовился, взял нож величиной в три нарепа, прыгнул с полки и отрубил голову людоеду Ялань Ики.

«Сестра, собирайся, переедем в другое место, нам нельзя здесь жить». Ай Моньсьнэ быстро стала собирать вещи, но по велению непослушного сердца скребок, которым выделывают шкуры и без которого женщина не может обходиться, бросила за чувал. Переехали на новое место, стали вести жизнь по ходу солнца: от дня к ночи, с ночи на день. Ай Моньсьхо, как и прежде, каждый день семь дорог проходит, семь путей обходит. Моньсьнэ однажды и говорит: «Брат, в том доме я забыла скребок, без него мне не выделать шкуры. Схожу сегодня за ним».

— Сходи, сестра, — сказал Ай Моньсьхо, а сам почувствовал, что сестра опять что-то задумала.

Моньсьнэ пришла в старый дом, открыла двери и видит — Ялань Ики лежит, как живой, раздулся, разжирел, вот-вот лопнет, щеки горят красным огнем, красным мхом. Она вынула нож из берестяной ножны и отрезала одну щеку у Ялань Ики, поцеловала, погладила и положила в берестяную люльку, схватила из-за чувала скребок и побежала домой. Люльку со щекой Ялань Ики поставила у себя в изголовье.

Однажды вечером Ай Моньсьхо сидит в своем переднем углу и слышит, что с того угла, где живет сестра, доносится чье-то дыхание и неясные звуки. Оглянулся и видит, что у изголовья сестры кто-то шевелится. В это время кипел котел, в котором варилось жирное мясо. Ай Моньсьхо подошел к котлу, взял деревянную поварешку и стал помешивать мясо и говорить: «Кай, сестра, столько жиру растопилось, вот была бы кому-то пища, кто хочет стать сильным и умным. Жалко, что у нас никого нет».

И вдруг из угла, где живет Моньсьнэ выбегает мальчик четырех-пяти лет, подошел к котлу и говорит: «Я-я, дядя, где жир, я хочу стать сильным и большим, дайте мне горячего жира, я хочу стать умным и ловким, налейте мне жиру!» Ай Моньсьхо отдал ему поварешку и сказал: «Пей,

сколько хочешь, пей, сколько можешь». Мальчик взял деревянную поварешку, положил на стол и стал пить горячий жир прямо из котла. Ай Моньсьхо сразу догадался, что в мальчишке течет кровь Ялань Ики, и решил погубить детеныша людоеда. Схватил его за ноги и бросил в кипящий котел, сказав: «Вот тебе, Лэхолэ, пей горячий жир и ешь мясо!» Снял котел с крючка, вывалил на улицу за оленью изгородь и снова поставил варить мясо. Когда мясо сварилось, только сели есть, вдруг двери открылись и заходит Лэхолэ, жив и здоров, не обварился в горячем котле, и весело кричит: «Я еще хочу мясо есть, хочу стать сильным, умным».

А Ай Моньсьхо про себя думает: «Вырастешь, однако, умным, если в тебе кровь Ялань Ики живет». Смотрит, а мальчик-то выглядит 8-10-летним. Ай Моньсьхо только и сказал: «Я-я, Лэхолэ, садись, ешь мясо». Мальчишка сел за стол, съел из котла все мясо, даже не хватило ему. Ай Моньсьхо стал думать: «Ялань Ики-людоеда осилил, а с его сыном, наверное, не справлюсь, даже не боится кипящего котла. Вот беда, он же может мое дыхание остановить, небо и землю у меня отобрать». Куда деваться? Стали жить вместе. Лэхолэ ни на шаг не отставал от Ай Моньсьхо. Он в лес — Лэхолэ за ним, Моньсьхо спать ложится — Лэхолэ спит, он проснется — Лэхолэ уже на ногах. Никакого покоя, прыгает, кричит, свистит, песни поет или громко смеется. Однажды Ай Моньсьхо стал снова думать, что с Лэхолэ делать. «Он же не человеческое дитя, но, наверное, бог послал за моей жизнью». Решил взять его на рыбалку морды проверить, там и утопить, может, в воде утонет.

Наступило утро после черной ночи. Ай Моньсьхо собрался морды проверить, Лэхолэ с ним пошел. Продолбили лед, Ай Моньсьхо прикинулся, будто пить хочет, и стал пить воду из проруби. Тогда Лэхолэ тоже прилег к проруби и стал воду пить. «Янься, янься, что значит: пей, пей! — обрадовался Ай Моньсьхо, взял его за ноги и вниз головой сунул в прорубь. — Вот там много осетров и муксунов, лови, — а сам пошел домой и думает: — Ну все, из-

подо льда не вынырнет. Избавился я от сына Ялань Ики, а значит, и спас свою жизнь».

Только Ай Моньсьхо пришел домой, сел на нарты в своем переднем углу, вдруг двери открываются и заходит Лэхолэ с полным хинтом рыбы. Там были и осетры, и муксуны. «Вортые, — ласково обратился он к Ай Моньсьхо, — куда положить осетров и муксунов?» «Кай! Лэхолэ, как ты из-подо льда выбрался?!» — испугался Моньсьхо. Лэхолэ тем временем еще больше вырос и стал ростом с большого и высокого человека.

Снова стали продолжать жизнь по ходу солнца. Опять наступил день. Ай Моньсьхо собрался рубить лиственницу и пустить на угли. На улице зима, а дома тепло необходимо. Угли нужны для этого: когда чувал закроют, на горячие угли кладут готовые угли, те медленно зажигаются и дают много тепла. «Я тоже пойду», — сказал Лэхолэ. Пришли в лес, где было много лиственниц. Ай Моньсьхо выбрал самую большую, взял за вершину, пригнул ее к земле, расколол вершину лиственницы, а Лэхолэ стоял близко, пригнулся помогать, а Ай Моньсьхо защемил его шею расколотой вершиной и отпустил вершину лиственницы, подняв Лэхолэ чуть ли не к солнцу.

«Все, Лэхолэ, это будет твоя смерть, там сохни». Ай Моньсьхо пошел домой довольный, что теперь солнце останется ему, что жизнь свою спас. Только зашел домой, не успел сесть, а Лэхолэ на улице свистнул, а потом и крикнул ласково: «Вортые, а лиственницу куда бросим, когда ее на угли пустим?» Если не сказка, то Ай Моньсьхо никогда бы не поверил, что Лэхолэ бессмертен, ничего с ним нельзя сделать.

Ай Моньсьхо вышел, нарубил дров из лиственницы и сделал костер. Лэхолэ стоял рядом. Ай Моньсьхо столкнул Лэхолэ в огонь. В огне ничего живого не остается, это хорошо все знают. Ай Моньсьхо дождался, когда все угли погасли, и подумал: «Ну все, Лэхолэ, твоя жизнь оборвалась, теперь я буду жить спокойно».

Вошел Ай Моньсьхо в дом, только сел в переднем углу на свои нарты, как услышал на улице свист Лэхолэ: «Вор-

тые! А угли куда складывать?» Ай Моньсьхо не поверил своим ушам и решил посмотреть. И видит: Лэхолэ жив и здоров, складывает угли в березовые большие хинты. Потом зашел в дом, подсел к Ай Моньсьхо и говорит: «Вортые, я слышал, Вошанг Ворт устроил медвежью пляску и собрал много людей петь и плясать. Я тоже хочу сплясать». Ай Моньсьхо сказал: «Если умеешь плясать и петь, то сходи». А сам думает, что же Лэхолэ может еще затеять и как про то узнать.

На следующее утро Лэхолэ пришел к Вошанг Ворт ики, видит — много народу собралось в доме, сел в передний угол дома около детей. Меняются певцы и танцоры, весело, все увлечены праздником. Вдруг из переднего угла выскакивает Лэхолэ, вышел на середину пола и говорит: «Я буду плясать!» Все смотрят на него: Лэхолэ был высоким, красивым, в одежде танцующего, на лице маска из бересты, вокруг головы широкая полоса из шкуры медведя, в руках расшитые варежки. Стал он петь и танцевать.

«У меня нет костей,

Весь я состою из меха

весенней белки.

Я гибкий и скорый в движениях.

Весь состою из осеннего

беличьего меха.

Так повернись, сюда повернись,

Если город пустой, нет там людей,

Я могу заполнить людьми.

Если юрта пуста, там нет человека,

Я могу заполнить жизнью любой дом.

У меня нет костей.

Весь я состою из меха

весенней белки.

Я гибкий и скорый в движениях.

Весь состою из осеннего меха белки».

«Кей! — говорят люди. — Давно нас никто так не радовал, даже у нас кости исчезли. Что за мать родила такого сына? Кто его отец?» Когда люди отвлеклись, то во вре-

мя одного из поворотов танца Лэхолэ схватил за руку дочь Вошанга Ворт ики и с ней убежал в дом к Ай Моньсьхо и матери.

— Вортые, я тебе друга жизни привел, с ней тебе жить и по ходу солнца жизнь вести.

Ай Моньсьхо как увидел девушку, так сердце у него скатилось от радости, а сердце девушки потянулось к его сердцу, ни мать, ни отец, никто не знает про это, а мы знаем. Стали они вместе жить. Только Моньсьнэ давно уже молчит, нет на лице следов от улыбок и радости, непослушное сердце стало камнем.

— Я сегодня еще раз схожу на медвежьи пляски, — говорит Лэхолэ матери.

— Сходи, сынок, ты у меня красивый и видный, большой и умный, — ответила ему мать.

Пришел Лэхолэ в дом к Вошанг Ворт ики, снарядился для танцев и сел среди людей. Меняются танцоры, певцы. И вдруг выскочил Лэхолэ в круг, стал танцевать да петь:

«У меня нет костей,

Весь я состою из весеннего меха соболя.

Я гибкий и скорый в движениях,

Весь я состою из осеннего меха соболя.

Так повернусь, сюда прогнусь.

Если города нет, то город построю,

Если юрты нет, то юрты поставлю.

У меня нет костей,

Весь я состою из весеннего меха соболя.

Я гибкий и скорый в движениях,

Я мягкий, как осенний мех соболя».

«Кей! — говорят люди. — Такого красавца мы еще не видели, где родился, где вырос? Кто его мать? Кто его отец?»

Лэхолэ как раз это и нужно было, чтобы люди отвлеклись. Схватил он в углу сидевшего старца за руку и исчез в дверях. Пришел домой и говорит матери: «Я тебе Человека привел, чтобы дни белые вместе жить, чтобы и ночи лунные вместе быть, чтобы живое дыхание женщине добавили, живое дыхание мужчины продолжили. И как нит-

ки связаны в сети, так же крепко сплелись нити сердца, и уже вместе жить стали, жизнь дальше повели».

Так и жили.

Как-то сидели в доме, вечер прошел. Лэхолэ говорит: «Я-я! Мать, вортые, спите все». Утром проснулись, выглянули, а возле их дома на одной из сторон из самых высоких лиственниц построен дом и золотом украшен. Из низов дома свет золота освещает верх, золото на крыше свет бросает вниз. В том доме стали жить, в тот дом переехали. Когда посмотрели вокруг, оказывается, все дома стали такие новые, позолоченные, целый город вырос. Вот чудо, вот счастье! По улицам туда-сюда идут девушки, парни и ведут жизнь по ходу солнца. Вошанг Ворт ики так и остался главным в городе над людьми.

По случаю окончания сказки позвал всех в гости, праздник будет продолжаться семь дней и семь ночей. Лэхолэ нашел с душою, как у него, девушку. У него растут девочки и мальчики с черными волосами, живую жизнь к свету ведут. Все, кого проглотил людоед Ялань Ики, стали жить заново. В голове у Ай Моньсьхо стали думы разные кружиться, стыд жег сердце огнем: «Что я за человек, почему Лэхолэ хотел жизни лишить за то, что он сын Ялань Ики. Я только о себе думал. Пусть через сотни лет, пусть через тысячи лет люди помнят, если будут такими же, как я, женское зло их не оставит и побьет их мужское зло».

МОНЬСЬХО ИЗ КОЛЕНА ЖЕНЩИНЫ

В этом углу Земли или в том углу Земли жили, ночевали, дневали муж с женой. Муж ежедневно леса обходит, водные просторы осматривает, лесных зверей в капкан ловит, водоплавающую птицу добывает, рыбу ловит. Жирное, теплое мясо зверей и птиц домой приносит, привозит.

Жена каждый день узоры шьет, украшающие швы делает, узорчатые, мастеровые дела делает, дом украшает, зимнюю и летнюю одежду шьет, пищу на зиму, на лето запасает.

Все у них было. Только бог не дал им детей, не было у них сыновей, дочерей.

Однажды у этой женщины нога заболела, колено распухло. Ночью стонет, днем стонет, дом заполнился ее криком. Нет сна ночью, днем сон не приходит, не может заснуть. Так и мучается она. Где взять столько сил так мучиться? Муж однажды наточил сюхры — узкий, длинный охотничий нож — и проткнул колено жене, думает, наверное, гной накопился в колене, пусть он выйдет и нога быстрее поправится.

Те! — удивился муж.

Что за чудо! Из опухшего колена женщины кровь не выходит, гной тоже не выходит, выпал небольшой камешек. Мужчина взял этот камень, осматривает: «Какой хороший камень, точилом для меня будет!»

Взял камень и бросил на полку в передний угол. «Пусть там лежит, когда надо будет что-то точить, может, нож, топор или стрелы, я этот камень и возьму!» — сказал жене. А у жены как будто нога никогда не болела. Сразу боли ушли, и нет болезни. Сюда жена бежит, туда бегом идет. Мясо, привезенное мужем, рыбу, привезенную мужем, готовит, варит, режет.

Так продолжалась их жизнь.

Однажды наступил вечер. Муж с женой поужинали, убрали со стола посуду, оставшуюся еду прикрыли, при-

брали, а сами спать легли, но еще не уснули. Вдруг слышалось: что-то треснуло в переднем углу, кто-то соскочил или спрыгнул с полки, пошел к столу, стал есть пищу, которая была на столе.

Что за чудо! Что за диво! — удивились муж с женой, когда увидели около стола мальчика, который ел мясо и рыбу. Поел и снова вскочил на полку, которая была в переднем углу.

Муж с женой от такого чуда ушли в забытье, то ли уснули, то ли жизни лишились, кто про это знает. Наверное, с каждым бы такое случилось. Они такого никогда в жизни не видывали.

Наступил следующий день. Посмотрели оба на стол — стол был пустой, еды там действительно не было.

«Это не сон, это не чудилось, это же правда!» — думал каждый из них, но ничего не сказал.

Мужчина снова, как всегда, пошел осматривать водные просторы, обходить землю и леса, искать зверя и рыбу. Вечером принес домой теплого, жирного мяса, живую свежую рыбу. Жена приготовила вкусную еду. Поели, попили, оставшуюся еду на столе оставили. Легли спать, но стали прислушиваться, ждут, что же будет сегодня.

Вскоре снова в переднем углу что-то треснуло, с полки соскочил мальчик, только вчерашний был младше, а этому мальчику, наверное, лет пять. Соскочил он с полки, подошел к столу, сел и снова стал есть вкусное мясо, вкусную рыбу и при этом сказал: «Отец и мать позаботились обо мне. Они же знают: я должен расти, стать сильным и умным. Это я тоже знаю».

Муж и жена опять ушли в забытье, то ли уснули, то ли жизнь их покинула. Мы этого не знаем, никто не знает про это.

Утро наступило, встали муж с женой. Молча посмотрели на стол: стол был пустой. Мясо и рыбу, которую оставляли вечером, кто-то съел. Но ведь они видели мальчика и слышали, о чем он говорил, но не верили и молча думали об этом. Ни мужчина, ни женщина не осмеливались ничего сказать вслух.

Се! Мальчик назвал их отцом и матерью.

«Ладно. Посмотрим, что будет дальше, а потом и решим что делать», — решил каждый из них.

Муж ушел снова в лес охотиться, снова пошел на речку ловить рыбу. Вернулся с добычей. Жена приготовила вкусную пищу, они поели. На этот раз оставили побольше вкусной еды, питья. Легли спать, но решили наблюдать, ждать: что же будет. Ждут, вот уже полночь. В переднем углу что-то треснуло, с полки соскочил высокий парень. С кем бы его сравнить! Красавец, жилы, кости соками земли налитые, упитанные. Соскочил, подошел к столу и громко сказал: «Отец и мать на этот раз постарались, очень вкусную еду приготовили. Я должен поесть, мне нужны силы, мне нужен ум». Только сел за стол, а отец с матерью тут как тут, подскочили к нему.

— Добрый дух ли ты, может, ты, правда, наш сын. У нас никого нет, мы очень рады, просим тебя — не оставляй нас больше, будь с нами, — молятся муж с женой, упрашивают молодца быть их сыном.

— Пусть будет по-вашему. Я же ваш сын, — сказал он.

Тогда муж с женой догадались, что колено, наверное, не зря так болело, камешек не простой, а волшебный был. И точно, на полке никакого камешка нет. Обнялись, поцеловались, так дальше жизнь продолжили.

Однажды сын стал спрашивать отца и мать: «Почему только мы здесь живем? Нас всего трое. Есть ли где-нибудь на нас похожие?»

«Были люди здесь, много их было. Но пришла беда, страшная беда. Откуда-то пришли люди с топорами, ножами, всех поубивали. Мы случайно остались, маленькими детьми были», — поведал мальчику отец.

«Ладно. Мои родные отец и мать, я чувствую силы в жилах и костях, хочу осмотреть земли и воды, буду искать себе подобных, заодно хочу отыскать тех, кто обескровил жизнь. Если живой буду, вернусь, мертвый буду — душа моя к вам вернется», — поклонился отцу и матери. Ими Шаншухпаты эвалт волты Моньсьхо — такое имя дали ему

родители, что значит: сказочный человек Моньсьхо Из Колена Женщины.

По вековому обычаю все вышли на улицу, Моньсьхо Из Колена Женщины обошел дом вокруг по ходу солнца, семь раз поклонился. Отец отдал в крепкие богатырские руки сына свою руку, сказал: «Мое сердце и сердце матери не радуются тому, что ты уходишь от нас, но гордятся тобой. Все мужчины выбирают дорогу».

На глазах родителей от отцовских слов и пожатия его рук сын стал еще краше, еще сильнее, все повернулись к полуденному солнцу, и Моньсьхо Из Колена Женщины вышел в путь.

Долог ли, короток ли был путь, кто про это знает. Вдруг земля-мать стала качаться то в одну сторону, то в другую. Слышно, что кто-то с грохотом идет где-то, приближается. До слуха Моньсьхо Из Колена Женщины дошли слова: «Ну что с тобой случилось, чего ты испугался. Сколько земель мы прошли, сколько вод объехали, ничего и никого для нас страшного не было. Да это же Моньсьхо Из Колена Женщины, ему только от роду три дня, стоит ли его бояться, ты, кажется, испугался?»

Моньсьхо Из Колена Женщины повернулся в сторону доносившейся речи. Оказывается, это был шестиногий, шестирукий большой вурс (сказочное животное, похожее на лошадь), все шесть ног, все шесть рук стоят, уперлись, не идет дальше, на его спине сидит Ялань Ики. Телом он выглядит, как столетний кедр. Моньсьхо Из Колена Женщины не задумываясь шагнул ему навстречу и вежливо поздоровался: «Ну здравствуй, Акем Ики».

«Что ты смеешься?» — слезая со спины вурса, сказал Ялань Ики и сразу кулаком ударил по макушке Моньсьхо Из Колена Женщины, который вошел по колено в землю.

Ялань Ики расхохотался на весь лес.

«Ха-ха-ха! Вот здесь и стой, пока твои кости и мясо не растащат вороны!» — сказал он и поднялся на спину вурсу.

Но тут неожиданно около вурса появился Моньсьхо Из

Колена Женщины и крикнул: «Так нечестно, Акем Ики. Слезай. Теперь моя очередь».

Ялань Ики повернулся и видит: Моньсьхо Из Колена Женщины стоит на земле. Некуда деваться ему, слез он, думая: «Ему всего три дня от роду, где он силу возьмет меня побороть!»

«Ладно, пусть будет по-твоему, со мной желаешь вступить в борьбу? Но никто никогда этого не делал», — ворчал Ялань Ики.

Моньсьхо Из Колена Женщины ударил кулаком по его голове, и Ялань Ики по пояс ушел в землю. Моньсьхо Из Колена Женщины хотел его оставить и продолжить путь, а тут Ялань Ики выдернулся из земли и громким голосом, похожим на гром, крикнул: «Ты куда пошел, сейчас я должен рассчитаться с тобой», — и ударил его по макушке. Моньсьхо Из Колена Женщины вошел в землю по пояс.

«Я, ха-ха-ха! — Ялань Ики так громко смеялся, что даже земля задрожала. — Оставайся, птицам и зверям пища нужна. Твои кости, твое мясо они быстро разнесут. Я не таких встречал, как ты, живым от меня никто не ушел!» — сел на вурса и хотел было тронуться в путь. А тут рядом Моньсьхо Из Колена Женщины стоит и обращается: «Акем Ики, слезай, теперь мой черед».

Ялань Ики слез нехотя, но, не скрывая злости, ворчит: «Что это ты играешь со мной», — а внутри почувствовал страх: может, правда, он сильнее.

Тем временем Моньсьхо Из Колена Женщины ударил кулаком его. Ялань Ики вошел в землю по шею, только одна голова торчит. Моньсьхо Из Колена Женщины схватил боевой нож (кинжал), который носил Ялань Ики на плечах, отрубил ему голову, и она с шумом, со свистом полетела куда-то.

«Эй! Когда-нибудь на этой земле, когда-нибудь на этом водном пространстве появятся люди, будут жить мирно, только среди них пусть не будет Ялань Ики, который питался человеческим мясом, пил человеческую кровь», — сказал эти слова и двинулся в путь.

Мы же знаем, что Моньсьхо Из Колена Женщины только в сказке, а сказка продолжается.

Шел, шел. Долго ли шел, коротким ли был путь, мы не знаем. Вдруг снова земля стала качаться из стороны в сторону, землю и воду качает. До слуха Моньсьхо Из Колена Женщины дошли слова: «Что это такое? Кого ты испугался? Те! Ты думаешь мы с опасностью встретились. Что ты, друг, да это же Моньсьхо Из Колена Женщины, ему всего времени три дня от роду».

Моньсьхо Из Колена Женщины повернул голову в сторону доносившихся слов и вот что увидел: на шестиногом, шестируком вурсе сидит трехголовый Ялань Ики-людоед, а вурс всеми шестью ногами, всеми шестью руками уперся, стоит и дальше не идет. Моньсьхо Из Колена Женщины пошел навстречу, поздоровался: «Я, здравствуй, Акем Ики!» Трехголовый Ялань Ики слез с вурса и сразу ударил его по макушке. Моньсьхо Из Колена Женщины вошел в землю по пояс.

Ялань Ики повернулся в сторону вурса, забираясь на него, ворчит: «Я думал, кто тебя напугал, кого ты испугался. Мы с тобой сотни лет ездим, никого не боялись, а тут испугался. Пусть теперь его растащат звери и птицы...» Не закончились его слова, только сел на вурса трехглавый Ялань Ики, слышит: «Акем Ики, ты куда? Мой черед настал, мой кулак хочу опустить на твои головы!» — крикнул Моньсьхо Из Колена Женщины.

Трехглавый Ялань Ики не поверил, но деваться некуда, слез, и тут же крепкий кулак ударил его по голове. Вошел Ялань Ики в землю, только три головы торчат. За сотни лет не слышали, не видали такого, чтобы кто-то отважился поднять на него руку. Сколько деревень злодей оставил без людей, сколько детей проглотил. Моньсьхо Из Колена Женщины схватил боевой нож (кинжал), который Ялань Ики носил на плече, и одним махом срубил все три головы, и они полетели куда-то со свистом, с шумом, со скоростью сильного ветра.

Моньсьхо Из Колена Женщины свой путь продолжил дальше. Долго ли шел, коротко ли был в дороге, кто знает.

Снова землю начало качать, трясти. То в одну сторону качнется, то в другую сторону качнется. Кто-то с силой топчет землю. Слышит Моньсьхо Из Колена Женщины: «Ивлап-аслап! Что случилось с тобой, кого ты увидал, кого ты испугался? Что ты встал? Мы с тобой в дороге сто лет, что только не видали, кого только не встречали — никого не боялись». Каждое слово на гром похоже. Повернул голову Моньсьхо Из Колена Женщины в ту сторону, откуда доносился гром, и увидел на вурсе семиглавого Ялань Ики-людоеда.

Моньсьхо Из Колена Женщины рванулся навстречу страшилищу. Вурс был тоже семиногий, семирукий, все семь ног вытянул, всеми семью руками уперся, встал, не идет.

«Вот так зверь! Ты что, испугался Моньсьхо Из Колена Женщины? Он разве стоит того, чтобы его пугаться? От роду ему только три дня. Ну давай, расправимся мы с ним».

Моньсьхо Из Колена Женщины не успел поздороваться, как тяжелый кулак семиглавого Ялань Ики упал на его голову, и он вошел в землю по плечи.

— Я, ха-ха-ха! Вот смотри, — обратился он к вурсу, — кого ты боялся! Пусть теперь ему птицы глаза поклюют, а мозги зверь какой-нибудь съест.

Забрался на своего зверя-вурса. Но тут неожиданно для себя услышал: «Акем Ики, ты куда? Мой черед опустить на твои головы мой кулак, испытай и ты его».

Семиглавый Ялань Ики слез со своего зверя, видит, рядом стоит целый и невредимый Моньсьхо Из Колена Женщины. Не успел усмехнуться Ялань Ики, как тяжелый богатырский кулак камнем упал на семиглавую голову Ялань Ики, и он вошел в землю, остались торчать только головы. Схватил Моньсьхо боевой тяжелый нож (кинжал), который Ялань Ики носил на плечах, ударил по шее, и все семь голов со скоростью большого ветра полетели куда-то.

Сказка здесь не кончается. Моньсьхо долго ли еще ходил, коротко ли был в дороге.

«Надо вернуться домой. Как там живут мать и отец?» — Эти мысли поселились в голове.

Моньсьхо Из Колена Женщины пустился в обратную дорогу и увидел много деревень с ханты, много городов с людьми. Земли, воды ожили, счастье живет в каждом доме, в каждом сердце.

Моньсьхо Из Колена Женщины пришел в свое селение и увидел там много людей, которые шли ему навстречу. Откуда люди появились? Оказывается, те три Ялань Ики не давали людям жить ни днем, ни ночью. Теперь они свободны, вышли из укрытий. За подвиги Моньсьхо Из Колена Женщины люди назвали его главным среди них, благодарили мать и отца и построили для них дворец, какой им никогда и не снился. Самую красивую и самую мастеровую девушку сосватали за Моньсьхо Из Колена Женщины. До сих пор они живут счастливо.

ЖЕНЩИНА ЯГОДКА

Жил один мужчина, было у него три сына. Жили они совсем в отдаленном углу Земли, вокруг никого не было, а может, и были люди. Кто знает, кто видел, но они не видели, не слышали про них.

Сказка есть сказка. Жена у этого мужчины была или нет, никто не знает. Сколько они здесь одни живут, много ли времени, мало ли времени ушло, но однажды отец говорит детям: «Я вам мать искать поеду». Запряг в саночки собак и поехал. Длинный путь — долго ехал, короткий путь — быстро ехал.

Много земли проехал, много рек переехал. Он устал, собаки тоже устали. Вдруг нечаянно ногой задел гнилой дуплистый пенек березовый, а оттуда дым повалил. Мужчина стал вокруг пня ходить и искать двери. Вдруг нашел небольшое отверстие и зашел в него. Походил, походил, посмотрел вокруг — никого не было. Подошел мужчина к месту, где хранится посуда, и вдруг выкатилась оттуда Ягодка и тут же куда-то покатила, нигде ее нет. Немного погодя в сенях слышится писклявый голос: «Не могу поднять котел с круглым дном».

Мужчина вышел ей на помощь, а котел-то был величиной с полголовой белки. Прошло еще немного времени, снова Ягодка где-то пищит: «Ой, не могу я поднять голову этого зверя, хотела бы я ее сварить для гостя». Мужчина опять подошел на помощь. Видит — голова белки. Ягодка кое-как сварила еду с помощью мужчины, поужинали.

Никаких сватов не было, сами ли договорились, но Ягодка с мужчиной стали мужем и женой, вместе стали жить.

Любуется мужчина на свою Ягодку. Обо всем на свете забыл, даже о детях. А она то туда покатится, то сюда скатится, ничего без помощи мужа не может делать.

Много ли тут жили, вдруг мужчина вспомнил о детях и говорит жене: «Надо бы домой ехать, как там мои ребя-

Мальчик на своем жилище ругается и обрывает
шкуру и перья, а когда они упадут с потолка, мальчик
сидит на полу и плачет. Он плачет и в тундре
и в долине.

А когда мальчик на своем жилище обрывает
шкуру и перья, а когда они упадут с потолка, мальчик
сидит на полу и плачет. Он плачет и в тундре
и в долине.

тишки, наверное, ждут меня». Ягодка села на нарту невесты, которую снарядил муж, запрягли собак и поехали.

Долог ли был путь, коротка ли была дорога, но они приехали домой. А ребятишки соскучились, выбежали из чума и кричат: «Ий, ий! Папа приехал! Наверное, маму нам он привез! Где наша мама?»

«Мать ваша на нарте с меховым укрытием сидит, помогите ей сойти с нарточки».

Самый маленький ребенок залез на нарточку, поднял меховое одеяло, а оттуда Ягода выкатилась, выпала с нарточки на землю, катится в сторону дома. Мальчик побежал догонять ее и нечаянно наступил на нее. Она и лопнула.

— Ну, где же, дети, мать? — спросил отец.

— Мы ее не видели! — ответили старшие дети.

— Какая-то ягодка была в нарточке, я наступил нечаянно на нее, и она лопнула, — сказал с грустью самый маленький мальчик.

— Это же она и была! Где мы теперь ее возьмем? — сказал с досадой отец.

И стали они жить дальше.

Правда, говорят, красота человека в его умелых руках, а не только во внешнем облике. Женщина бывает красива, как ягодка, но ничего не умеют делать ее руки, вся она беспомощна, никому нет тепла и добра от нее. Жизнь такого человека похожа на жизнь Ягодки из нашей сказки.

Ай Нёрум Хо

В этой земле, в том углу земли, где нас не было, стоял чум, не знаем, кем он был поставлен, но многими ветрами он был обласканный со всех сторон, покрытый серебряным нюком из оленьих шкур. В этом чуме жил Ай Нёрум Хо. Когда он был еще маленьким, руки его не были руками, ноги ходить не умели, гнулись, как ветки черемухи. Наступил страшный день, пришла беда в этот чум. Откуда в этот день солнце взошло, в какую сторону оно шло? В этот несчастный чёрный день на трех нартах, запряженных тремя оленями, приехали люди. Запомнила земля, запомнили воды, что эти люди смотрели одним глазом, а другого у них не было.

Отец Ай Нёрум Хо был смелым и сильным охотником. В доме было много шкурок черного зверя, и красного зверя было много — лисиц, соболей. Все они отобрали это. Отцу и матери поломали ноги и руки, привязали их двоих к нартам. В какой угол земли их увезли, что с ними дальше стало, про то Ай Нёрум Хо и сейчас не знает. С тех пор он живет один. В наследство от отца осталось сотенное стадо оленей, тысячное стадо оленей.

Расти и стать человеком — непростое дело. Ай Нёрум Хо много раз мок под дождем, много раз мерз под снегом. Но однажды Ай Нёрум Хо почувствовал: ноги ногами стали, сила по его жилам ходит, кровь горячая по его венам течёт. Не поверите, каким красавцем стал, разве только может сравниться с осенним четырехлетним оленем, у которого новая шерсть искрит, силой мужской налился от сочной летней травы и сладкого белого мха. Ай Нёрум Хо стал таким охотником, каким был его отец. Леса и воды обходит, боры и болота объезжает, встречался и со зверем, и с птицей, но подобных себе он ещё не видал. Все земли вокруг прошел и нигде не встречал лица мужчины, нигде не видел лица женщины. Думы и мысли быстрее ветра стали двигаться в голове, одна другую сменяла. «Не-

ужели я один на этом белом свете»? — все чаще спрашивал себя Ай Нёрум Хо. «До каких пор я буду жить в этом углу земли, в этом перепутье вод?». Однажды он решил поехать в другой угол земли, думая, что, может, найдет себе подобных, увидит лицо мужчины, лицо женщины.

Ай Нёрум Хо с этой думой вышел из своего родного чума. В углу дома висел сплетенный из кожи тынзян, которым отец ловил оленей, сложил он его круглыми петлями в руке и бросил в глубь стада, в одну петлю попались три белых оленя, три белых быка. Запряг он их в нарту. Сложил Ай Нёрум Хо в нарту все, что нужно для дальней дороги, боевые стрелы и луки. По ходу солнца пошел за свой родной чум, где был святой угол, где его предки не раз мясо черного зверя, мясо лося, дикого оленя варили и угощали богов и духов. Поклонился три раза, семь раз по ходу солнца вокруг себя повернулся, стал лицом к солнцу и подумал: «Долго ли буду в пути, коротко ли буду в дороге, если счастливым родился, то живым вернусь сюда. А если дорога несчастливая, мертвым стану, тогда только в образе духа я здесь вечно буду жить».

Кто знает про это, сказка только начинается. И только сел на нарту, белые три оленя, белые три быка, как большой ветер, сорвали нарту с места, Ай Нёрум Хо только и заметил, как снежный дым окутал дорогу и нарту, оленей, его самого. Летели три белых оленя, а не бежали, Ай Нёрум Хо чувствовал: там, где были высокие холмы, леса, там полозья нарты задевали землю чуть-чуть, а там, где были ямы, речки, там полозья нарты не касались её.

Долго ли летела нарта, коротко ли мчались олени, смотрит Ай Нёрум Хо: река на пути. Остановил он трех белых оленей, спустился к реке, думы разные передумал и решил в одну из сторон по реке поехать. Снова поднялся снежный дым от быстро летящих белых оленей, быстрого бега белых быков. Заметил Ай Нёрум Хо: чем дальше едет, тем река становится все шире, берега все круче, изгибы реки становятся длинными, река стала большой водой, как Ас. Глаз его стал далеко видеть, ухо стало далеко слышать. Вдруг впереди, где новый изгиб реки начался, навстречу ему та-

кая же нарта едет, в нее запряжены три белых оленя, сидят на нарте ему подобные два человека, не едут навстречу, а тоже летят. Когда они заметили Ай Нёрум Хо, они потянули уккел-вожжи, и три белых оленя, три белых быка, перешли на рысь. Решил заставить оленей перейти на рысь и Ай Нёрум Хо. Едут навстречу друг другу. Наблюдает Ай Нёрум Хо за себе подобными.

Они приблизились на расстояние летящей стрелы, выстреленной из пятнадцатислоенного тугого лука, остановились, слезли с нарты, Ай Нёрум Хо тоже остановил трех белых оленей, слез с нарты. Те двое только-только взяли луки и стрелы, Ай Нёрум Хо в тот же миг схватил боевой лук и боевую трехрогую стрелу. Те двое навели стрелы на него, примеряя, с какого плеча удобнее выпустить стрелу, метились точнее, то одно плечо, то другое плечо выдвигали. Ай Нёрум Хо в тот же миг навел свою трехрогую стрелу на них так, чтобы их двоих пронзить одной стрелой. Все трое были готовы сразиться, все было уже рассчитано, что луки одинаково многослойны, гибки и туги, руки у всех были одинаково крепки и сильны, стрелы были длинны и быстры. Видно было — как только стрелы тех двух дойдут до Ай Нёрум Хо, его стрела в этот же миг пронзит тех двоих, то место, где их сердца укрыты, где их легкие дышат.

Так стоят, только треск, звон луков слышны да как в сильных руках трещат деревянные их слои, кости богатырей хрустят в плечах и в ногах. Долго ли так стояли, коротко ли так было. Потом те двое опустили стрелы и луки, сложили в нарты, уккел отвязали, повернули назад, сели на нарты и полетели снежным вихрем в ту сторону, откуда появились. Ай Нёрум Хо тоже сложил свои боевые лук и стрелу в свою нарту, сел, его белые олени тоже полетели следом за только что исчезнувшей нартой. Ай Нёрум Хо видит — расстояние между следами впереди летящих белых оленей были длиной с его хорей с костяным наконечником. А его хорей был сделан из самой высокой и тонкой березы. Он решил посмотреть назад, как его три белых оленя бегут, какова длина их бега.

Оказывается, его олени тоже так же бежали, бег их

равнялся длине его хоррея с костяным наконечником. Тогда Ай Нёрум Хо решил догнать переднюю нарту и стегнул передового белого оленя уккелом, остальных пугнул хореем. Смотрит на след оленей передней нарты и видит, что те стали еще быстрее лететь, шаг оленей стал длиной в два-три хоррея. Ай Нёрум Хо оглянулся назад: его белые олени делали шаг такой же длины. Еще быстрее стал гнать своих белых оленей. Летели они, словно большой ветер, вдруг сквозь снежный дым он видит, как дорога сузилась, по какой-то тесной узкой колежке летели нарты. Потом догадался: впереди едущие заехали в стадо, где оленей было больше, чем комаров летом, не сосчитать, сколько сотен и сколько тысяч, олени расступились, как бы перерезали стадо едущие нарты, или олени успели расступиться.

Вот по этой узкой и тесной аллее и мчались три белых оленя Ай Нёрум Хо. Вдруг они остановились. Ай Нёрум Хо слез с нарты, стряхнул снег, иней, который его окутал во время быстрой езды, привязал уккел, стал думать, что бы это значило. Кай! Оказывается, те двое только что отпустили своих трех белых оленей, они все ещё тяжело дышали, упряжка раскидана, не успели их прибрать.

Ай Нёрум Хо разглядывал нарту, на которой ехали те двое. Полозья были сделаны из столетних берез, которые растут на высоком бугре, ножки нарт тоже были сделаны из березы. Осмотрелся: стоят два чума. Полы нюка чуть приоткрыты, виднеются лица, только никто не выходит из чума, наблюдают за Ай Нёрум Хо. А он не спешит зайти ни в один из чумов. Он не знает, не видел никого, кроме тех двоих. Что за люди? Может, духи? Как с ними быть? Видит Ай Нёрум Хо, что в одном чуме живут люди с одним глазом, в другом чуме такие же, как он, — с двумя глазами. Когда ехал, то тоже заметил, когда стадо расступилось, что в одной половине стада олени тоже были одноглазые, собаки тоже одноглазые. «Может, лесные духи, может, водные боги в этих чумах живут или мне подобные обыкновенные люди, и я к ним приехал! Я нахожусь на таком расстоянии от них, выбора нет — я в их руках. Ладно, зайду в чум, где живут мне подобные, с двумя глазами», — так кружились в голове мысли.

Ай Нёрум Хо покрепче привязал к нарте уккел, посидел на ней, подумал, встал и распряг трех белых оленей, трех белых быков, медленными шагами подошел к чуму, открыл полу нюки, вошел в чум. Видит: на одной половине жилища семь нарядных молодых мужчин, семь молодых красивых женщин сидят, а на другой стороне жилища, в переднем углу, седоволосый и седобородый старик со своей седовласой старухой сидят. Они были так стары, из их седых волос птицы сывас гнезда сделали, а старики про то ничего не знают. В нижней половине этой стороны имеется ширма и висит полог невесты. Посередине приготовлено место жениха, сиденье сложено из белого неблюя, сложено из черного неблюя. Стоит Ай Нёрум Хо и ждет, что будет дальше.

Из семерых молодых нарядных один взглядом и жестом показал пройти и сесть на место, сложенное из белого неблюя и черного неблюя, которое приготовлено для гостя. Ай Нёрум Хо прошел и сел на священное женихово место, где лоснился красивый мех оленя. Никто голоса не подает, все сидят молча в ожидании чего-то. Долго ли, коротко ли так было, и вдруг из семерых молодых мужчин четверо соскочили на ноги и вышли из чума. Ай Нёрум Хо слышит, что вокруг чума забегало оленье стадо, тынзяны со свистом летали по оленьим рогам. Через некоторое время четверо молодых красивых мужчин враз вступили в чум, у каждого — по разделанному оленю, мясо теплое, жирное принесли в свежих шкурах оленьих.

Женщины поставили часть мяса варить, а часть направили есть в сыром виде. Накрыли один семейный стол, другой стол для гостя, поставили на него чашку с сырым мясом и положили два ножа, гостю дали мужской нож, а напротив положили нож женщины. Вдруг седовласый и седобородый старик заговорил на языке Ай Нёрум Хо: «С какой земли приехал, с каких вод прибыл, я не слышал, не знаю. То ли ты бог, то ли ты дух, но не надо тебе одному жить, надо найти друга жизни — жену, и отведай нашу пищу».

Ай Нёрум Хо вслух не сказал, но подумал: «Я, конечно, очень рад, но где я найду друга жизни, где жену сразу найду?».

И тут из-за ширмы невесты выходит девушка-солнце, девушка-огонь, подседа к столу, берет женский нож и ест с гостем вкусное оленье мясо. То ли они ели, может быть, и не ели, кусочек мяса брали или не брали они кусочки мяса величиной с мизинец, никто про это не знает, только одно мы узнали — праздновали люди, ели сырое теплое мясо, лакомились горячим жирным мясом из котла, у которого было семь ручек, и тут седовласый, седобородый старик вновь заговорил: «Ты, человек с других земель, с другой воды, к нам пришел с добром, твое сердце мы видим, но о чем думаешь, знаешь ты один. Та, которая с тобой еду поделила, с одной чашки мясо ела, это наша самая младшая дочь — наше последнее дыхание, нашей жизни конец и начало нашего бессмертия. Солнцем освещенные дни, лунным светом залитые ночи с ней тебе жить. На той половине жилья напротив тебя — это наши семь сыновей, а эти красавицы — их жены. Старик замолчал, закрыл глаза, видно было: ждал ответа.

«Дума у меня одна, отец. Ищу друзей и ту, без которой нельзя на свете жить. Без нее солнца свет холодный, луны свет не искрится», — сказал Ай Нёрум Хо.

Седовласый, седобородый старик снова открыл глаза и сквозь вековые усы продолжил речь: «Слушай, Ай Нёрум Хо, мое дитя, ты сегодня долго стоял на улице, разглядел наши чумы, стада оленей, собак. В том чуме живут одноглазые люди, собаки одноглазые, олени тоже одноглазые, живем рядом многие сотни лет, а друг друга не знаем, видеть не хотим, враждуем. Стоит только взглянуть друг на друга — всё, беда, сразу боевые наряды надеваем, боевые многослойные тугие луки готовим, трехрожные боевые стрелы берём, встаем друг против друга перед смертным боем. Бой идет до тех пор, пока ни одного живого человека не останется. Об этом помни, дитя, ни одним взглядом не одари их», — старик сказал эти слова и снова закрыл глаза.

Ай Нёрум Хо хорошо запомнил слова старика, поклялся в душе никогда не смотреть в сторону того чума, где живут одноглазые. Ай Нёрум Хо радовался так, как никто еще не

радовался, женился на девушке-солнце, с девушкой-огнём стали дневать и ночевать, одну жизнь повели. Семеро братьев и их жены стали ему тоже родными братьями, их жены стали сестрами.

Жизнь идет в радости, и жило счастье в каждом сердце. А сказка продолжается. Они из песен люди, надо дальше вести сказку.

Однажды старший брат стал собираться в дорогу. Ай Нёрум Хо ему говорит: «Ты, старший наш брат, куда-то собираешься далеко съездить, возьми меня в путь, хочу дали посмотреть». «За семью болотами, за семью борами есть березняк из ста сочных берез, из тысяч сочных берез, там есть земля, где растут тысячи белоствольных берез, там водятся дикие олени. На них хочу поохотиться. Хочешь — поедем», — ответил старший брат жены — Уп. Ай Нёрум Хо собрался, оделся, вышел из чума.

Старший сын седовласого, седобородого старика бросил сплетенный тугой тынзян в глубь стада. В одну петлю три легких, как птицы, оленя попались. Запрягли их, охотничьи луки и стрелы сложили в нарту, олени тут же полетели, только снежный дым поднялся за нартой. Видит Ай Нёрум Хо: где кочки, бугры, леса, горы, там полозья нарты чуть земли касаются, а болота, ямы, реки, озера остаются под ними. Старший Уп потянул уккел, олени остановились, взял лук и стрелы.

Ай Нёрум Хо тоже увидел трех диких оленей, которые стояли на расстоянии летящей стрелы, пущенной из лука. Уп сказал: «Двух я на свою стрелу беру, а ты одного из них на свою стрелу бери». Как договорились, так и сделали. Враз полетели две стрелы со свистом и воем бури, и три лесных оленя, три диких зверя, упали, как срубленные деревья. Уп сложил лук и стрелы в нарту, еле-еле успел сложить в нарту свой лук Ай Нёрум Хо, думает: «Что за охота! Мясо, шкура оленей пропадут зря, хотя бы сырой печени поесть». Уп догадался и, улыбаясь, ответил: «Если хочешь сырой свежей печени, то дома найдешь».

Приехали в родной чум, зашли, Ай Нёрум Хо глазам не верит: три туши диких оленей, мясо трех лесных зверей,

то ли на крыльях перенеслись, то ли по земле их привезли, какими-то силами, чьими-то руками разделаны. Женщины варят, на столах много теплого, вкусного сырого мяса, печени. А в котле, который имел семь ручек, за которые могли поднимать его на огонь семь женщин и снять с огня могли семь женщин, варилось жирное мясо. «Ну, кто хотел печени?» — спросил старший Уп...

А жизнь дальше идет, сказка здесь не кончается. Наступил такой вот день.

Собрался в дорогу средний Уп. Ай Нёрум Хо с ним снаряжился, сложил в нарту свой лук и стрелы. Уп бросил свой сплетенный из кожи тынзян в глубь стада, и в одной петле — три серых оленя, три серых быка, запрягли их. Только сели на нарту, как олени помчались, подняв снежный дым. Поехали на ту же землю, где росли сто белых берез, где росли тысячи сочных красивых берез, та земля была за семью болотами, за семью озерами, и там решили поохотиться на лосей. Быстро летели три серых оленя, под нартой ветер свистел, над нартой ветер выл, и вихрился снег. Вдруг Уп потянул уккел, олени остановились, схватил лук и стрелы.

Ай Нёрум Хо тоже увидел пятерых лосей и тоже схватил свой охотничий лук и стрелы. «Я на свою стрелу трех лосей возьму, а ты на свою стрелу возьми двух других лосей», — только Уп это сказал, и две стрелы птицей полетели, и пять лосей разом упали на землю. И тут же Уп сложил лук и стрелы в нарту, схватил уккел, дернул его, три серых оленя вихрем помчались по обратной дороге. Ай Нёрум Хо еле-еле успел ухватиться за нарту. «Что за охота? Опять мясо, шкуры оставили в лесу, я бы вкусный мозг из костей длинных ног лося поел», — подумал Ай Нёрум Хо.

Уп угадал его думы и, улыбаясь, говорит: «Ладно, не горюй, приедем домой, может, наедемся».

Приехали в свой чум, вошли в него, и видит Ай Нёрум Хо чудо: все пять лосей уже разделаны, женщины в том же котле, который могут поднять на огонь семь женщин, сварили лосиное мясо, полные чаши горячего вкусного мяса стоят на столах, и пар уже отходит от них для домашних богов, духов. Поели, попили.

С тех пор Ай Нёрум Хо каждый раз ездил на охоту с одним из семерых братьев жены. Однажды седовласый, седобородый старик сквозь вековые седые усы вновь заговорил: «Ты, Ай Нёрум Хо, наш дорогой зять, рос на отдельной от нас земле, ты не видел подобных себе. Кто тебя научил охотиться? Смелый охотник, удачливый человек ты», — хвалил старик зятя и снова надолго закрыл глаза.

А сказку надо продолжать.

Однажды утро светлое наступило, все проснулись с первыми лучами солнца. Что этот день принесет, никто еще не знал. Может, сказке был бы здесь конец, если бы не было этого дня, если бы не наступил этот день.

Собрался на охоту самый младший из семерых братьев с Ай Нёрум Хо: «Сегодня мы с тобой лесного зверя искать поедем, дикого зверя добывать съездим, если согласен, то собирайся», — обратился самый младший брат жены к Ай Нёрум Хо.

Как всегда, собрались в дальний путь, в дальнюю дорогу — за семь болот, за семь озер, где стоят сотни сочных белых берез, тысячи светлоствольных берез, за черным зверем, за сободем и лисицей.

Младший Уп собрал тугой тынзян и сильным броском кинул в глубь тысячного стада оленей, он со свистом пронесся, и три трехлетних черных оленя одной петлей подтянул к упряжке. Запрягли трех черных оленей, трех черных трехлетних быков, в нарту луки и стрелы сложили. Уп дернул уккел, и три черных оленя подняли нарту над землей в снежное небо, со всех сторон со свистом бежали ветры за ними. Там, где горы, холмы и леса, — нарта чуть-чуть касалась их, а болота, реки, озера оставались под летящей нартой.

Вдруг в одном из снежных полей, в одном из болот, где были высокие сугробы, такие же, какие по всей большой земле, кто это место придумал и зачем, три черных быка, три черных оленя, перешли на рысь. Исчез снежный дым, глаза стали далеко видеть, уши стали далеко слышать. Видит Ай Нёрум Хо, как одноглазый человек ходит на лыжах, охотится на куропаток. То налево стрелу пустит, то направо стрела летит. Там куча белых куропаток. Вдруг Ай Нё-

рум Хо вспомнил наказ седовласого, седобородого старика и воскликнул: «Кай! Золотое солнце! Что я наделал. Я же загляделся на одноглазого охотника». В этот же миг, в это же время одноглазый из-за сугроба уже начал пускать стрелы на них. Уп завязал уккел, схватил лук и стрелы и встал против одноглазого на расстоянии летящей стрелы, выпущенной с богатырских плеч из тугого лука.

Долго ли длился стрелочный бой, мы не знаем, а о том, что он был смертельный, знаем. Какой твердости была стрела, чьей рукой была она сотворена, сколько слоев имел тот лук, из которого была выпущена эта стрела, чьей рукой она была сотворена, эта стрела, сколько сил было у того, кто пустил эту стрелу, про это нам не надо знать. Эта злая стрела пронзила грудь младшего Упа, где у него только что билось богатырское сердце, только что дышало сильное легкое, упал он на белый снег, и вокруг все залилось горячей кровью.

Одноглазый не сложил лук и стрелы, начал пускать стрелы в сторону Ай Нёрум Хо. Тот стал отбивать стрелы, не ввязывался в бой. Момент улучил, дернул уккел и помчался ветром обратно известить своих о случившемся. Остановились три черных оленя, встали три черных быка возле родного чума. Ай Нёрум Хо кинул взгляд и увидел одноглазых. Оказывается, семь одноглазых уже боевые наряды надели, луки и стрелы в руках держат, от злости концы луков грызут.

Ай Нёрум Хо отпустил трёх черных оленей, распряг трёх черных быков и быстро зашел в чум, сел и говорит: «Беда пришла в наш чум, беду эту я принес в дом. На одноглазого посмотрел, он убил нашего самого младшего брата»... Он слово свое еще не закончил, все шестеро братьев встали в рост, надели боевое снаряжение, взяли многослойные боевые луки и трехрогие стрелы и вышли из чума.

Вслед за братьями жены Ай Нёрум Хо тоже переоделся в боевое снаряжение, взял свой тугой, из многих деревьев сделанный и склеенный, боевой лук и стрелы, тоже вышел.

А там уже встали грудь к груди, лицо к лицу через стрелочное поле одноглазые против шестерых братьев. Ай Нё-

рум Хо отошел в сторону, сел на нарту. Стороны приготовились выпустить стрелы. Скрежет, треск от луков отдаются за три земли, за три неба. Так потянули тетиву от луков, даже слышно было, как кости и жилы трещали, со свистом и шумом летели стрелы с костяными и железными наконечниками с обеих сторон. С каждой пущенной стрелой лилась человеческая святая кровь, по одному воину падало на землю. Долго ли длилось это страшное кровавое дело, мы про это не знаем, только в живых остался один одноглазый. Земля была залита густой кровью, земля уже не поглощала кровь, красное озеро лежало на земле.

Одноглазый повернулся в сторону Ай Нёрум Хо и стал посылать смертоносные стрелы в него. Ай Нёрум Хо стал отбивать своим луком стрелы одноглазого то вниз, то вверх, то влево, то вправо. Долго ли они боролись, мы не знаем, но терпение Ай Нёрум Хо вышло и тут он сказал: «Ивлап! Аслап! Что тебе от меня надо? За мать мстить или за отца месть тебе нужна? Я тебе ничего плохого не сделал, и так сколько крови на земле. Это я должен тебе отомстить за зло, которое сделали мне твои предки, они мою мать и отца убили, сначала руки и ноги им сломали, а потом увезли на съедение лесным ли зверям, водным ли зверям. Я даже про то не знаю, остался я в берестяной люльке на моховой постели, руки не были руками, ноги еще не умели ходить, были гибки, как ствол черемухи. Теперь я чувствую неизмеримые силы, руки руками стали, жилы крепко связывают мое тело, кровь горячая ходит по венам. На моих глазах вы убили братьев моей жены. Я готов с тобой сразиться, посмотрим, кто сильней». Ай Нёрум Хо встал на ноги, отошел от нарты, лук примерил то с правого плеча, то с левого плеча, взял одну крепкую стрелу без единого рога и с правого плеча потянул тетиву боевого лука, почувствовал, как жилы в плечах рвались, лук, словно лед, трещал, и стрела полетела туда, где у одноглазого в груди билось сердце, где только что дышало легкое, и пронзила насквозь его.

Последний одноглазый упал в кровавое озеро. В этот миг из чума, в котором жили одноглазые люди, выбежала женщина, ростом с зайца, у нее было два глаза, одета была

в одну заячью шкурку, поэтому ее звали Йи Шоварсух Кумал Имие. На этот раз на ней было боевое снаряжение, только платок на шею привязала. В ее руках лук и стрелы сверкали и искрились огнем, и говорит вот так: «Моих семерых братьев убили, посмотрим, как со мной справишься. Мою злость, мою силу ты еще не знаешь, я тебе покажу месть за отца и за мать, ишь чего захотел».

Ай Нёрум Хо и Йи Шоварсух Кумал Имие вступили в стрелочный бой на этом же кровавом поле. Долго ли длилась борьба, может быть, недолго, только никто из них не может выпустить смертоносную стрелу, ни одна стрела не может попасть в цель.

Тогда Йи Шоварсух Кумал Имие забежала в свой чум, снарядила в боевую одежду семерых своих одноглазых снох и седовласых старцев и вывела в бой. Только они вышли, Ай Нёрум Хо послал одну только стрелу и одной этой стрелой пронзил их насквозь. В это время Ай Нёрум Хо забежал в свой чум и вывел в бой жен убитых братьев и седовласых стариков, тоже снарядил их в боевое снаряжение, в руках у них были луки и стрелы. Только вышли, Йи Шоварсух Кумал Имие пустила одну стрелу и всех насквозь пронзила. Снова Ай Нёрум Хо и Йи Шоварсух Кумал Имие вступили в единоборство, в руках луки и стрелы, их разделяло кровавое озеро, которое образовалось на поле сражения. Долго ли они стояли друг против друга, может, недолго, день стал вечером. Йи Шоварсух Кумал Имие почувствовала, что силы уже покидают ее, в теле не чувствует своих костей и жил. Стала пятиться назад и хотела зайти в свой чум, и тут застала ее стрела Ай Нёрум Хо и насквозь пронзила.

Ай Нёрум Хо повернулся, зашел в свой чум и говорит жене: «Силы меня покидают, ослабли жилы в моем теле, я немного посплю, а ты тем временем сшей на мои пальцы кожаные чехлы, если услышишь шум, меня разбуди», — сказал эти слова и тут же уснул. Жена посмотрела на руки мужа и испугалась. На них не было кожи, мясо кусками свисало, кости пальцев держались на сухожилиях, сразу же села за шитье со слезами, великим горем сердце наполнилось.

Спал муж так крепко, будто его боевым костяным кавал-

ром по голове стукнули. Быстро ночь пролетела, и чуть светать начало, жена успела сшить чехлы на пальцы мужа. Слышит: идут с войной большие силы, много народу. Жена разбудила мужа, Ай Нёрум Хо быстро воскочил на ноги, на все пальцы надел кожаные чехлы, взял свой боевой лук и стрелы, вышел навстречу войску.

Видит: приближается сто человек с луками, стрелами. Во главе сотни идет Йи Шоварсух Кумал Имие, цела и невредима, платок на шею подвязала, лук и стрелы в ее руках переливаются золотом и искрятся. По сто стрел пускают против Ай Нёрум Хо, против его каждой одной стрелы, а он их вверх бьет, другие вниз бьет. От каждой стрелы, пущенной из лука Ай Нёрум Хо, падает пять-десять человек. Долго ли стрелы свистели, трещали тугие луки, но снова Ай Нёрум Хо и Йи Шоварсух Кумал Имие остались одни друг против друга, лук против лука, стрела против стрелы, их разделяло кровавое озеро, которое еще больше разлилось.

Долго стрелы летали, долго боролись, посылали стрелы со злом и смертью, но ничего не могут поделать. Ай Нёрум Хо пустил стрелу из тугого лука с правого плеча и пронзил Йи Шоварсух Кумал Имие повыше пояса, и ее отбросило на расстояние летящей стрелы, пущенной из боевого тугого лука богатырской рукой. Ай Нёрум Хо повернулся и вошел в свой чум, чувствует, что силы уже на исходе, кости не держат тело, жилы слабли и не могут удержать его костей. «Я немного посплю. Если услышишь еще шум, то меня разбуди», — сказал и положил голову на белого неблюя, свернутого женой специально, тут же впал в забытие. Жена посмотрела на мужа и не узнала его — все тело было черное от ран, превратилось в живое мясо.

Что она может сделать, как уйти от этого горя, как беду бы отвести, смотрела и горько плакала, слезами омыла раны мужу. В это время вдруг она слышит: земля дрожит от тяжелых шагов, разбудила мужа. Ай Нёрум Хо быстро вскочил на ноги, переоделся в боевую форму, взял стрелы и лук и сказал жене вот так: «Теперь мой последний бой, если выдержу, то будем с тобой продолжателями жизни, солнце всегда будет нашим, луна тоже будет нашей. Если

не выдержу — стану пищей для птиц, злые звери подберут», — обнял Ай Нёрум Хо жену и вышел из своего чума, видит: во главе трехсот вооруженных луками и стрелами людей идет Йи Шоварсух Кумал Имие, жива и здорова, платок на шею повязала.

Ай Нёрум Хо с левого плеча примерялся и с правого плеча примерялся, в плечах кости трещали, жилы рвались, когда стрелы выпускал из боевого лука. Треск лука, свист его стрел за семью болотами были слышны, за семью лесами слышны, из лука выпущенной стрелой пронзал по десять-двадцать стрелков. Долго ли шел этот бой, коротко ли шло это сражение, мы не знаем. И снова Ай Нёрум Хо и Йи Шоварсух Кумал Имие остались одни. Много стрел друг против друга послали из луков. Стрелы кончились, луками стали биться. До тех пор бились, пока многослойные тугие луки не переломились.

Зло настолько было горячим и кипело, что они вцепились врукопашную. Долго бросали друг друга, никто не мог да и не хотел уступить. Йи Шоварсух Кумал Имие вдруг почувствовала, что силы уже покинули, жилы не держат спину, ноги и руки, тогда она превратилась в гагару, полетела в небо и укрылась среди плывущих облаков, исчезла в далеком тумане. Ай Нёрум Хо тоже обратился в речного гуся и полетел вслед, чтобы не упустить ее.

Йи Шоварсух Кумал Имие тем временем достигла дома Торума-отца и молится ему: «Большой Торум — отец ты мой, какого ты ханты-человека сотворил, он у меня отнимет мою жизнь, мое дыхание. Сделай такую большую милость, пусти меня в твой дом». Ай Нёрум Хо услышал это и быстро подлетел к дому Торума-отца и просит: «Большой Торум — отец мой, святой Торум — отец мой, не слушай, что говорит этот кровавый рябчик, за ним я долго гоняюсь, не пускай в свой дом его. Если дверь дома твоего открыта, то закрой ее замком семисильным, закрой дверь своего дома замком семисекретным». Торум-отец услышал голос человека и закрыл двери семисильным и семисекретным замком и в окошко крикнул: «Ивлап! Аслап! От каких отцов и матерей вы — дочь и сын. Какую вражду вы

затеяли, что за месть придумали, я вас на землю не для этого отпускал, чтобы кровью ее обливать, а жизнь по ходу солнца вести, чтобы женщины жили на земле, чтобы мужчины были на земле.

Ай Нёрум Хо и Йи Шоварсух Кумал Имие повернулись, полетели на землю. На земле снова превратились в людей и с новой злобой вцепились друг в друга. Долго ли, коротко еще боролись, но не выдержала Йи Шоварсух Кумал Имие и взмолилась: «Все, Ай Нёрум Хо, у меня сил больше нет, твоя правда, ты никому зла не сделал, это мои предки и я повинны в смерти людей, я повинна за святую пролитую человеческую кровь. Будь настолько великим, пожалей меня, помиримся».

Ай Нёрум Хо в ответ: «Мою человеческую силу, мою человеческую злость победить нельзя, ты это сама узнала. Посмотри, если по ходу солнца повернуться кругом, то вокруг за семь земель нет ничего живого, вокруг семи вод ничего живого не осталось. Ни пищи, ни одежды не найдешь. Свет солнца стал красным от человеческой крови, свет луны стал черным от горя». У Ай Нёрум Хо было большое сердце, они помирились с Йи Шоварсух Кумал Имие, на их лицах появилась радость, появились на земле люди, сотенные и тысячные стада оленей побежали по тундре, в лесах звери, в воде рыбы ожили. Йи Шоварсух Кумал Имие и Ай Нёрум Хо построили дом высотой в сто соболей, стали жить в мире. Никакой мести, никаких ссор между ними больше не было. Дочери и сыновья у них были, на коленях внуков и внучек держали, может, они и сейчас живы. Всё забыли, не помнят они, что землю черной кровью поливали, только сказка про это не забыла.

Пять слов, пять рассказов

Жили на земле, которая принадлежала только отдельным духам, Имилэ с внуком Хилылэ.

Долго ли, коротко ли там жили, про это никто не знает, никто не видел этого. Но однажды в чередѣ дней и ночей к Имем Ими обратился Хилылэ с такой просьбой: «Имем Ими, сделай мне маленький лук и маленькие стрелы, я буду гоняться за маленькими зверьками и маленькими птичками».

Имем Ими долго не соглашалась делать внуку лук и стрелы, просто не хотела, сердце не разрешало. А Хилылэ много раз повторял свою просьбу, стал молить Имем Ими.

Но вот однажды на поверхность сердца всплывает желание, и Имем Ими из остатка палки, с которой скоблила вотлуп (стружки), сделала маленький лук и маленькую стрелу. Имем Ими и говорит: «Хилылэ, лук и стрелу тебе сделала, ты будешь бегать, стрелять, но только помни: ходи на такое расстояние, чтобы виден был наш дом, дальше не ходи, иначе можешь заблудиться».

Наступил следующий день, пришел день, который был за тем днем. Хилылэ взял лук и стрелу, которую ему сделала бабушка из палки, и стал вокруг дома бегать, стреляя из лука в маленьких птичек, маленьких зверюшек. Пустит стрелу из лука и за ней бежит, снова стрельнет из лука и снова бежит к тому месту, куда падает стрела. Возьмет стрелу и снова из лука стрельнет то в одну, то в другую сторону и совсем забыл про наказ Имем Ими. И вдруг вспомнил про него и стал думать: ведь Имем Ими не велела далеко ходить.

Повернулся назад — не видать дома! Посмотрел налево — нет дома. Оглянулся вокруг — на глаза нигде не попался дом.

Хилылэ не знал, в какую сторону идти, не знал, где дом. И вдруг увидел дорогу — гладкую, как спина большого оленя, большую и широкую. Дорога, отороченная по сторонам мхом и травой. Хилылэ подумал: «На такой дороге

не заблудишься. По ней и пойду, и домой приду. Идем Ими зря беспокоилась».

Сунул лук и стрелу под мышку и зашагал по этой дороге. Ноги вольны, руки свободны, легко идти. Забыл все обычаи жизни. Плюнет в то в одну сторону, то в другую, а встречный ветер плевки обратно шлепал о лоб Хилылэ. Никого он не стеснялся, никого не боялся, а более того — громко смеялся, свистел.

Долго ли шел, коротко ли шел по этой гладкой, как спина большого оленя, дороге, края которой были оторочены мхом и травой. Вдруг видит: стоит дом, который построен из самых вытянутых лиственниц, из самых длинных елей. В голове у Хилылэ дума: «Что за чудо? Наш дом с Идем Ими таким не был, этот дом очень большой!»

Делать ничего не оставалось, как зайти в дом, построенный из самых вытянутых лиственниц, из самых длинных елей. И Хилылэ с ходу, не задумываясь больше ни о чем, как шел, так и вошел в дом. Видит — в переднем углу сидит счастливый седой дед, одетый в мягкую, теплую одежду. Ему очень хорошо было сидеть и жить в этом доме, который напоминал пуховое гнездо птицы.

Седой дед, увидев мальчика, сразу встал, подошел к нему, улыбаясь, обнял мальчика, поцеловал и сказал: «Кей! Хилылэ, я тебя видел тогда, когда ты еще спал в люльке, где был мягкий мох, в люльке, где была постель из стружек, а ты был покрыт мягким заячьим одеялком. Вот каким ты стал большим и сильным. Что тебя сюда привело, может, весть какая? Может, меня чем-то решил утешить или еще что-нибудь знаешь сам? Зачем ты ко мне пришел? Все, все расскажи!»

Хилылэ говорит: «Идем Ими мне сделала маленький лук и маленькую стрелу из остатков палки, с которой скабливала вотлуп. Я гонялся за маленькими зверьками и за маленькими птицами и заблудился. Потом нашел я эту гладкую, широкую и большую дорогу и по ней пошел. Так я к тебе и пришел».

Старый дед сказал в ответ: «Хорошо, что ты пришел ко мне, Хилылэ! Со мной немного поживи, я тебя научу тому,

что знаю, что видел, что слышал. Ты все будешь знать. За время, которое со мной проведешь, ты узнаешь пять слов, пять рассказов».

Прожили день, наступил вечер, настало время спать. Аки Ики (так звали деда) говорит Хилылэ: «Ты ночью один не выходи, скажи мне».

Легли спать, уснули. Вдруг Хилылэ просыпается, не может уснуть, сон напрочь высох. Смотрит, угли в чувале еще не погасли, значит, они только что заснули. «Раз не спится, пойду выйду, погуляю на улице. Зачем будить старика, пусть спит, один погуляю», — решил Хилылэ. Малицу надел и вышел. Смотрит, время — середина ночи. «Нет! Какая прогулка, надо обратно зайти, вдруг проснется старый дед и будет беспокоиться», — подумал мальчик, немного погуляв.

Подошел к двери, открыл, вошел в дом и хотел лечь на свою постель. «Кей! А тут кто такие спят?» — испугался Хилылэ. Спят двое, страшно измученные, одежда вся рваная, без единой шерстинки шкура, на которой они спят, сверху вместо теплого неблюевого покрывала старая кожа, от которой и тепла-то нет. Спящие очень замерзли. Хилылэ испугался еще больше, выскочил на улицу, думает: «Золотое святилище! Что за дело, оказывается, в другой дом зашел. Днем я и не заметил, какой же я слепой! Здесь живут очень бедные люди, видимо, муж с женой».

Хилылэ оглянулся и увидел дом. Вот этот дом, думает он, где дед живет и куда он пришел. Направился в тот дом, вошел в него, видит, угли давно погасли в чувале. Подошел Хилы к нарам, хотел лечь на нары и вдруг видит — опять двое спят, тоже муж с женой. Эти двое укрыты красивыми узорчатыми сахами, под ними теплая постель из новых шкур. Сладкий сон крепко держит их вместе, их лица покрыты легким потом.

Снова Хилылэ испугался и выскочил на улицу. «Кей! Что случилось со мной? Совсем потерял дом Аки Ики». Осмотрелся и увидел дом. Направился туда, приняв этот дом за жилье старого деда Аки Ики.

Зашел и видит: нет, опять не туда пришел! В переднем

углу на нарах опять спят муж с женой. Их тела не знают жил, мяса, жира, они состоят из одних костей. Около нар стоит пустой стол, валится от тяжести пустоты. Хилылэ пуще прежнего испугался, подумал, что эти двое самые бедные, несчастные, и выскочил из этого дома.

Опять осмотрелся и увидел другой дом. «Наверное, вот в этом доме Аки Ики живет!» — подумал мальчик, быстро открыл дверь и зашел туда.

Смотрит — опять не туда вошел. В переднем углу дома на нарах лежат двое — муж и жена. Лица и тела их перебиваются светом и теплом, около них стол стоит, полный разной еды и питья.

Хилылэ в отчаяньи выбежал из этого дома и почти вслух вскрикнул: «Добрый бог! Это, наверное, богатые люди. Опять не туда вошел. Где же Аки Ики живет? Ведь говорил же он, не выходи из дому один, не послушался я его. Как теперь я найду его?» — быстро бежали мысли в голове, а сам смотрел, где же дом Аки Ики. Видит Хилылэ — стоит лупас. Подошел он к нему и страшно испугался: оказывается, не лупас, а мужчина на голове целый дом держит и еле-еле стоит. Хилылэ быстро отвернулся и пошел прочь. Вдруг видит дом, на крыльце висят его маленький лук и стрела.

— Точно! Я же сразу их там повесил, почему я не догадался раньше?

Мальчик подошел к двери, открыл ее, вошел и видит: в чувале все еще горят угли. Хилылэ снял малицу и тихонько лег около Аки Ики. От страха, от которого он только что ушел, он закрыл глаза и сразу же уснул.

Наступило утро, наступил светящийся день. Проснулись Хилылэ и Аки Ики, встали. Аки Ики и говорит: «Хилылэ, ночью я слышал, что ты выходил на улицу. Ты ничего не видел, ничего не знаешь или что-то видел, знаешь?»

Хилылэ подробно рассказал Аки Ики всё, что видел хорошего и что видел страшного. Старик выслушал его, а потом и говорит ему: «Я тебе говорил, чтобы ты один не выходил на улицу ночью. Ты видел мертвых людей, они живут теперь так, как заслужили при жизни. Так устроено. Кого

страшным судом судят, а кому счастьем и радостью заливают мертвую жизнь. Слушай. В первом доме, куда ты зашел, спят на ветхих, без меха, без единой шерстинки шкурах люди, которые в живой жизни бедными не были. Все у них было, но они жалели для людей, для гостей. Если гостя положено уважить хорошей едой, хорошей постелью, то они все делали наоборот. Кормили тем, чего не ели сами, стелили то, что уже не годится для постели. Укрывали тем, что не годится для тепла. И постель не стелили руками, а бросали. А себе стелили самые лучшие вещи, ели самую лучшую пищу. Вот почему они сейчас попали в немилость.

Во втором доме тоже спят двое. Только все у них хорошо. Постели мягкие, красивые. Еда добрая, вкусная. Эти двое в живой жизни для своих гостей и для людей, которые к ним приезжали, ничего не жалели. Уставших кормили, стелили самые лучшие вещи для гостей, а сами ели и спали на том, что оставалось от гостей. Гости радовались и очень много добра им желали. Вот они его и получили, вот почему им и хорошо живется на том свете.

Третья пара в третьем доме состоит из одних костей, ничего нет у них в доме, в их телах. Это не бедные люди. А наоборот, очень богатые люди были в живой жизни. У них было много слуг, но они их за людей не считали, голодом держали, еду не давали. Не хотели они помочь и тем, кто нуждался в помощи. Вот почему и дана им теперь такая жестокая участь — испытать голод и холод.

Четвертый дом, куда ты ходил, это дом, в котором живут муж с женой. Теперь они красиво спят и красиво кругом, потому что эти люди жили своим трудом, ничего даром не брали, очень много помогали больным и бедным. Не жалели ни еды, ни питья для них. Если нужна была одежда кому-нибудь, они его одевали, считали это своим долгом. Вот им за это на том свете и дана радостная, красивая жизнь на вечные времена.

Пятое мое слово, пятый мой рассказ о человеке, который носит на себе дом. Он, когда жил на этом свете, в свой дом никого не пускал. Дождь ли на улице, мороз, снег ли идет — это его не касается. Людей, которые проходили

мимо его дома, у которых мерзли руки и ноги, в дом погреться он не пускал, никого не приглашал. Вот теперь на том свете и носит свой дом на своих плечах. Это так пожелали люди. Теперь ему не избавиться во веки веков от такой ноши, от такого груза.

Хилылэ внимательно слушал, а потом, когда дед закончил свои пять слов, пять рассказов, сказал: «Аки Ики, твои пять слов, твои пять рассказов я запомнил и не забуду о них. Расскажу и другим людям».

Вышли из дома. Аки Ики взял из угла с солнечной стороны трехгранную железную стрелу, с крепкой и жесткой тетивой лук и, отдавая Хилылэ, сказал так: «Хилылэ, вот тебе крепкий, жесткий лук, вот тебе трехгранная стрела, возьми их. И теперь послушай: выпустишь из лука стрелу и иди в ту сторону, куда она полетит. Снова выстрели и снова иди за стрелой. Семь раз выпустишь и свой дом найдешь. Провожать тебя я не могу, слишком стар я».

Аки Ики поцеловал Хилылэ, и они стали прощаться. Хилылэ поблагодарил старца за все и последовал его советам. Пустил стрелу из лука и пошел за ней. Семь раз пришлось Хилылэ выпускать стрелу из лука, и наконец она воткнулась в стену его дома. Хилылэ подошел к дому и с силой выдернул стрелу, отчего домик-то и развалился. Не успели вздохнуть, как рядом увидели большой, красивый дом, построенный из отборных лиственниц и отборных елей. В этом доме и стали жить Имем Ими и Хилылэ. Вперед ли люди едут, назад ли возвращаются, никогда мимо них не проезжают, никогда мимо них не проходят. Помнит Хилылэ пять рассказов Аки Ики, пять слов и строго следует в живой жизни им. Есть ли у них еда, есть ли у них питье, есть ли в их доме тепло — все для людей, а когда этого нет, они согревают людей теплом своих сердец. И всем людям Хилылэ передает пять слов и пять рассказов Аки Ики.

С тех пор прошли времена, прошли века, только Хилылэ с Имем Ими все еще живут. Надо им рассказать пять слов и пять рассказов и нам, живущим.

СЛОВАРИК

Нареп — колотушка. Она бывает деревянная, костяная, ею выбивают из шкур снег, лед. Используют нареп и для обороны, защиты;

ниры — обувь;

хинт — кузов из бересты;

нюки — меховое покрытие чума;

неблюй — шкура осеннего оленя;

кавр — костяное боевое орудие (колотушка);

вотлуп — стружки, которые скоблят ножом для использования в хозяйстве и в быту;

лупас — амбар на ножках;

морга — рыболовецкая снасть;

макса — печень налима;

пояс — ремень, обвешанный тяжелой ношей: убитыми птицами, белками, соболями;

богиня Вут Ими — главная хантыйская богиня;

Йи-йи! Кей! Кай! Те! Те! Се! Ай-кай! — междометия, выражающие удивление;

упия — сестрица (ласковое обращение к сестре);

вортые — ласковое обращение к брату матери;

ивлап-аслап! — междометие, выражающее негодование.

Содержание

<i>В.Н.Соловар. Поэтесса земли Югорской</i>	4
МА АРИЕМ АРИЕМ. Стихи	
«В моем сердце вся природа...»	
Перевод А.Смольникова	8
«И горда я, и красива...». Перевод А.Смольникова	9
Песня бабушки. Перевод Г.Слинкиной	10
Сердце матери. Подстрочный перевод автора	11
Если пошла плясать женщина-ханты.	
Подстрочный перевод автора	12
Аннэ. Подстрочный перевод автора	14
Доченька, доченька! Подстрочный перевод автора	16
Милый Петар, мой муж. Перевод А.Смольникова	18
Хвастун. Перевод А.Смольникова	21
Ярась. Перевод Г.Слинкиной	22
Мои ханты, мои люди. Подстрочный перевод автора ..	23
Хетта. Подстрочный перевод автора	25
Мужчина проехал. Подстрочный перевод автора	26
Живы они. Перевод автора	28
Моя песня, моя песня! Подстрочный перевод автора ..	32
Я — святая женщина-огонь.	
Подстрочный перевод автора	34
Старый муравейник. Подстрочный перевод автора	36
Мои люди из деревни Тукьяканг.	
Подстрочный перевод автора	38
Тем, в ком нет сердца. Перевод А.Смольникова	40
Рыбаки. Перевод Г.Слинкиной	41
Сорни Лопыс. Перевод автора	42
Свекрови. Подстрочный перевод автора	48
ХЛЕБУШКО. Сказки	
Хилы и Аки Чёрное Сердце	50
Хлебушко	55

МАЛЕНЬКИЙ ТУНДРОВЫЙ ЧЕЛОВЕК. Народные сказки	
Ай Моньсьхо па Лэхолэ (Сказитель <i>Петр Степанович Аликов, перевод автора)</i>	60
Моньсьхо Из Колена Женщины (Сказитель Варвара <i>Ивановна Вагатова, перевод автора)</i>	72
Женщина Ягодка (Сказитель Семен Иванович <i>Юхлымов, перевод автора)</i>	81
Ай Нёрум Хо (Сказитель Петр Степанович Аликов, <i>перевод автора)</i>	84
Пять слов, пять рассказов (Сказитель <i>Петр Степанович Аликов, перевод автора)</i>	100
Словарик.....	107

Мария Вагатова
(Мария Кузьминична Волдина)

МАЛЕНЬКИЙ ТУНДРОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Стихи. Сказки

(на русском и хантыйском языках)

Художественный редактор В.Дыба.

Технический редактор Ю.Мандрика.

Корректоры Н.Тиунова, Е.Фатеева.

Оператор ПЭВМ Н.Нохрина.

Художник А.Кухтерин.

**Книга издана по заказу
Комитета по средствам массовой информации
и полиграфии
администрации Ханты—Мансийского
автономного округа.**

Сдано в набор 18.10.96 г.

Подписано в печать 20.11.96 г.

Формат 84x108/32. Гарнитура «Times ET».

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Уч.-изд. л. 10,84. Усл.-печ. л. 10,92.

Тираж 3 000 экз. Заказ № 908.

Лицензия ЛП №063670 от 24.10.94 г.

Издательство «СофтДизайн»

Адрес для переписки: 625002, г.Тюмень, а/я 5579.

Тел. (345-2) 26-12-09.

Отпечатано с готовых диапозитивов на ИПП
«Уральский рабочий».

625219, г.Екатеринбург, ул.Тургенева, 13.

МАРИЯ ВАГАТОВА

**АЙ
НЁРУМ
ХО**

75832004
Окружная библиотека

Мария Вагатова

АЙ НЁРУМ ХО

Тюмень, 1996

ББК 84.4

В 12

В 12 **Мария Вагатова**
 (Мария Кузьминична Волдина).

Ай Нёрум Хо: Стихат па моньсят / Олаң ясаң
ханшас В.Н.Соловар. — Тюмень: «СофтДизайн»,
1996. — 208 с.

ОХ МУЧЭН РА

- © Вагатова М. (М.К.Волдина), 1996.
- © Ханты-Мансийской автономной округ массовой информация
па полиграфия верат тэты Комитет
(әслум нэпэк), 1996.
- © СофтДизайн (дэсятас), 1996.
- © Кухтерин А.С. (хурат ханшас), 1996.
- © Соловар В.Н. (олаң ясаң ханшас), 1996.

ISBN 5-88709-048-0

МА АРИЕМ, АРИЕМ
СТИХАТ

Сорнең нумсат

Самем хуся даськам муvem,
Лыпем хуся сорнең нумсат.
Тайдат сыр-сыр хурам нуват —
Хатдан хэтлум вусьлум сумтат.
Дыв ат луңдат мирем сама!
Ат дыв этлат муvem лакка!
Ад хәрдалат дыв нартама —
Манэм сыры сурум дампа.

МА АРИЕМ, АРИЕМ

Ма — юра нэ

Тынаң аңкиема

Ма — юра нэ, ма — хурам нэ.

Еңк нюпаллув сах дэмаатсум,

Питы нюпаллув сах дэмаатсум.

Хэдум лэс хопты ма йирсум,

Хэдум лэс хопты ма кирсум.

Хэдум лэңханьсюп ихатсум.

Карты лэңхалэт пуватсум.

Ма — юра нэ, ма — хурам нэ.

Хэдум лэңханьсюп дэраң сый,

Карты лэңхалы мараң сый

Ма си хэдантыилтэм,

Ма си хэхдалтыилтэм.

Ма — юра нэ, ма — хурам нэ.

Вет вантэхал, картум кар

Маие картыдатэмие.

Хэт вантэхал, картум кар

Маие тэтдилатэмие.

Вуыен хэхлум еңки эшн,

Тасиен наврум кулы эшн

Ма — юра нэ навралдэм.

Хурам нёрум мувиеман

Ма — хурам нэ навралдэм.

Сясем ар

Ешак Паштар нэ сясиема — Вагатова

Федосья Алексеевна

Я, сясие, ария, сар,
Хуты вэсан, холсан хуты?
Наң, сясие, путарта, сар,
Нэптэн, йисэн худас хуты?
— Арэм, тэпаң вера суваң,
Нэптэм, няврэм, арсыр нуваң.
Веш хурасэм — сорум сумат,
Эл хурасэм — шимум польюх.
Сыры симась хэн куш вэсум.
Вотум нюки хотыеман,
Одтум тунты хотыеман,
Ханшаң юл па ёнтыдумем,
Арсыр вера вэндыдумем.
Пояксясум ма куш вэрта,
Ёшем йирман, курэм йирман
Тэтдясыюм па ед кэрта.
Нылы емал, вэды емал
Емдыдасум акем эвалт.
Ант си вэсэм си вер ямал
Нэптэм йисэм волмем эвалт.
Суңтыдасум катхусьяң сэн,
Ёнтыдасум ма яң онтуп.
Асен тумпи, наң си вэдэн,
Нух¹ энмалтум няврэм антэм.
Ситы си па вэсат мирев,

Моньсь йис тэдан вэдум сирев.
 Хоят кепа! Кады тутсэм
 Наңен похнас, хылнэңие!
 Уяң хотэн сэман вантсэм,
 Йилда вэддум ма, веңие!

Хытыел тэмнц Үтвэйвт тьшпа тьхож мтүХ
 Ар кирсиен Үтөлтөхцөө шьа наба ытүХ
 Сэмад сав пегтөйбат би тьш ныд нх тьдөД
 Сэмад сүрөм Үтөлтөхцөө шьа наба ытүХ
 Курван Үтөлтөхцөө шьа наба ытүХ
 Аай Үтөлтөхцөө шьа наба ытүХ
 Сөсүм Үтөлтөхцөө шьа наба ытүХ
 Ешнен апар чөс ам эл Үтөлтөхцөө шьа наба ытүХ
 Курван апар тэс ам эл Үтөлтөхцөө шьа наба ытүХ
 Эви-май, көрөмдө Үтөлтөхцөө шьа наба ытүХ
 Эви-май, көрөмдө Үтөлтөхцөө шьа наба ытүХ
 Ваншнен нувдшой нитүв ытпыхүс тьш тьш
 Нудан эжан Үтөлтөхцөө шьа наба ытүХ
 Нарие акиндэла Үтөлтөхцөө шьа наба ытүХ
 Неронин юхи Үтөлтөхцөө шьа наба ытүХ
 Монац дэне Үтөлтөхцөө шьа наба ытүХ
 Нарие хасаруа Үтөлтөхцөө шьа наба ытүХ
 Тухдан вол Үтөлтөхцөө шьа наба ытүХ
 Кат марезел Үтөлтөхцөө шьа наба ытүХ
 Паддлет тьсэкиндэла Үтөлтөхцөө шьа наба ытүХ
 Худан торах Үтөлтөхцөө шьа наба ытүХ
 Кат еднел Үтөлтөхцөө шьа наба ытүХ
 Ийкеник пуалдэла Үтөлтөхцөө шьа наба ытүХ
 Муннол аил Үтөлтөхцөө шьа наба ытүХ
 Кат ватудел Үтөлтөхцөө шьа наба ытүХ
 Муннен нимкантимдэла Үтөлтөхцөө шьа наба ытүХ

Аңки сам

Тынаң аңкиема Вагатова

Варвара Ивановная

Хуты юхат лыпат тайсат?
Хуты ләдн дыв сёрхатсат?
Лэрат ки дыв ант па тайсат!
Муй па Мув ки антәм вәс!
Нявлак сэмн Хатл вантал,
Муйкем хошум куш ат тайл:
Эвпух сэма ант па питл,
Мува аңки ант ки китл!
Анги сам!
Муй сит симась?
Сит Хатл кинься хошмал вән!
Кадэд вураң вурты кинься,
Сит ант суханты вутаң йәш!
Мувн вәдты мет так йәр!
Тынат кинься тынаң ут!
Анги сам!
Сив па пирась ант юхтыйл.
Сив па вев ант луңтыйл.
Талта олаң дыл рув
Няврэмие вул!
Талта нуви хатл
Пуншидалув муң!
Тами кинься тынаң ут,
Тами кинься каврум тут
Нэмадт хәнтты,
Нэмадт артн
Иса па мал антәм Мувн!

Якты ки дољас ханты нэңие

Якты ки дољас
Ханты нэңие,
Хотыен тэлаң
Ар мириен
Сэмад сив питыилтал,
Самал сив ольмиилтал.
Курмаң вуљын арие хэхал:
«Ай Куриня, Куриня,
Сохдаң хот хар кутпиенна
Ешиен апар тэс ям як,
Куриен апар тэс ям як
Эви-най, якемидаје,
Эви-най, карэмидаје...»
Вэншиен нуви
Нуваң якие
Нэңие якиилтал,
Нёрхиен юхи
Менаң якие
Нэңие хасьралтыилтал.
Тухдаң вои
Кат маркиел
Падңыет восьхиилтан.
Худыен торах
Кат ёшиел
Йиңкиен пулңадтыилтан.
Мувиен вои
Кат катдые
Мувиен нямкамтыилтан.

Вэныен вотн
 Хоюм юх иты
 Нэңие менлыидтал.
 Арие хэхал, хэхлаң вулуйн:
 «Тами йис як,
 Тами тэс як,
 Тами пал як,
 Тами лэл як...»
 Мувиел тайты мухада
 Нэңие кертыидтал,
 Этриен тайты палаттые
 Нэңие восьхиидтал.
 Якты ки доляс
 Ханты нэңие,
 Хотыен тэды
 Ар мирием
 Лувиед луддиидмал.
 Мувием тэды
 Ар мирием
 Самиед нюхдыидмал.

Аннэ

А.М.Коньковая

Елта манум хэры вой
Аннэ хэн вэддииялдем.
Хувалта шэшум хади вой
Аннэ вон мултыиялдем.
Ханнэхо вэдты сяхраң мув
Ма елта хэн дарңалтыялдем.
Вухаль ёх вэдты эвмаң мув
Ма елта хэн мухалтыялдем.
Самиең Аннэ самием
Сорни мувема сив си луддем,
Мухлаң Аннэ мухдыем
Мирием йэша си дарпитмем.
Нумсыем тайты кашиң лэр —
Конда вэнт юх ар нув.
Кадыем тайты ар вурсэм —
Кэртаң хотдам ар султум.
Сакаң акань хурам хурн
Ма, Аннэ, холдилатэм.
Сэваң акань хурам хурн
Ма, Аннэ, вэддилатэм.
Пирся ювум ласькам самием
Няврэм сам иты сыиңа лунд,
Вуртды питум сэмиеңалам
Няврэм сэм иты си вантлаңан.
Хатлан похнум тынаң мувием
Ханшаң лапи хурам харыя
Ма ёшн тыилатэмие.

Вухаль мир вэлты лапат сирые
 Ма монься ларпитылтэмие.
 Нумсыем карась вэн Аннэ,
 Ма си ариилдум.
 Вэлупсэм веськат вэн Аннэ,
 Ма си моньсиилдум.

Эвие, эвие!

Хатл, похнум хатлаң кэртэмн,
Тыдась похнум тыдсяң кэртэмн.

Нэптыем ма си манмал, мал,
Йисыем ма си манмал, мал.

Эвие, эвие!

Ёшиен — ёша ювмал,
Куриен — кура ювмал.

Нэяң юл наң ёнтдан,
Ханшаң вер наң вердан.

Эвие, эвие!

Най партум наяң сир,
Вэрт партум вэртаң сир.

Луваттыен пид вэйта,
Карсяттыен пид вэйта.

Эвие, эвие!

Наң вэлты вошиен,
Наң холты кэртыен
Хатл ёшан ат поханда,
Тыдась веншан ат хойла.

Эвие, эвие!

Нурэң хот нуриен,
Усмаң хот усмиен

Нэ няхн ал хойла.

Хо няхн ал хойла.

Эвие, эвие!

Хатл весяң веншиен,
Тыдась весяң веншиен.

Мираң вош мирэн эвалт
 Ал хэлытэ, эвие!
 Кэртаң тэл мирэн эвалт
 Ал ханятэ, эвие!

Хата похуй кэртэри кэртэри мунхон дтаХ
 Тьласе похуй тьласе кэртэри мунхон эвалт
 Нэптем мь сн вешмад мь
 Нэптем мь сн вешмад мь
 Эвие, эвие!
 Нэптем мь сн вешмад мь
 Нэптем мь сн вешмад мь
 Нэптем мь сн вешмад мь
 Нэптем мь сн вешмад мь
 Эвие, эвие!
 Нэптем мь сн вешмад мь
 Нэптем мь сн вешмад мь
 Хата эвие вт похуй
 Тьласе вешмад вт хойла
 Эвие, эвие!
 Нэптем мь сн вешмад мь
 Нэптем мь сн вешмад мь
 Хата эвие вт похуй
 Тьласе вешмад вт хойла
 Эвие, эвие!
 Нэптем мь сн вешмад мь
 Тьласе вешмад вт хойла

Ешак Петар пилые

Ешак Петар пилые,
Ешак Петар хое,
Имудтына вэдменны,
Йи пурайна вэдменны,
Тынсяң сыхны сэңкмен,
Тынсяң сыхны вуримен.
Сит худт хэн юремиидмем,
Сит ант хэн нэмиидмем.
Пух ал канша, ал канша,
Эви ал канша, ал канша.
Ма энмалтум вет пухем,
Ма энмалтум вет эвем.
Ешак Петар пилые,
Ешак Петар хое,
Подт хэн нюхриидмен,
Туңк хэн соралтыидмен.
Ма ёнтылдум онтупдам,
Ма вэдтылдум няврэмдам.
Ситэм пата арилум,
Ситэм пата си луплум.
Ухем вотум вэн ими,
Ухем вотум пирась нэ.
Мудтас ясаң ант тайлум,
Мудтас путар ант верлум.
Ешак Петар пилые,
Ешак Петар хое,
Нэптэм вэдлум ям пилэм,

Нэптэм холум ям хоем.
Ант хэн вэиилтэм,
Ант хэн нэмиилтэм.
Мин таилум вет пухеман,
Мин таилум вет эвеман.
Ситэм пата арилум,
Ситэм пата си луплум.
Ухем вотум вэн ими,
Ухем вотум пирась нэ.
Мудтас ясаң ант тайлум,
Мудтас путар ант верлум.
Нэптэм вэдум ям пидэм,
Пидэм пата арилум,
Нэптэм холум ям хоем,
Хоием пата си луплум.
Яңиен пушхуп ям тыхал,
Тыхал мин таилумеман,
Яңиен сюсеп ям тыхал,
Тыхал мин пунылумеман.
Ешак Петар пилые,
Ешак Петар хоие,
Ухем вотум вэн ими,
Ухем вотум пирась нэ,
Ситэм пата арилум.
Мудтас ясаң ант тайлум,
Мудтас путар ант верлум.

Урак китл

Иса шаңкап ләйты лась,
 Уңдал хуся нявраң лась.
 Тывелт — тухелт ухап питл —
 Мирад кутн урак китл.
 Мета, мета урак пунты!
 Адмэнтыки потум тунты,
 Похнэмадан, хоев, хэнтты!
 Мосл наңен си вер хэдты:
 Урак әрн нухлы хәңхты —
 Сит мал, ёхем, ропхаң хопты:
 Пант кутупан иды ул,
 Сята хасьд улум вул.

Ярась

Велпас панта Ярась доль
 Арал дув пидэда вэл.
 Хантэт кутн дув ки доль,
 Арал иси елды тэл.
 Мосты йиңкал — мувал
 Экшаньсюпан верал.
 Мосаң сирн дув ин
 Иса пантад вераң.
 Велпаслаты ёшл каркам.
 Дув ант тайл ясаң нартам:
 Ярась ходуп хулан тэлаң.
 Уял симась тэнялтэлан.
 Падаттэң па весяң Ярась
 Вэлты тахел вера карась.
 Мосаң тухланхопа лэлты
 Си хо пида яха вэлты...
 Тэп ма палдум, уяң Ярась
 Мосты пидал алпа вэйтас.

Ям хантыдам,

Ям хоятдам

Вән Аңдумаң ин ям кәрта,

Вән Аңдумаң ханты кәрта,

Ма ки юхтыдумемие,

Ма ки пордыдумемие,

Нуваң юхи ин ям иты,

Рэтыем хурас ар хантыем

Хул па каншидатэмие.

Лэраң юхи ин ям иты,

Рэтыем хурас ар хоятэм

Хул па вэйтыдатэмие.

Эвмаң нэңи ям лотн

Ма си омсыдатэмие.

Мостаң нэңи ям тахийн

Ма си вэлдидатэмие.

Ям хантыдам,

Ям хоятдам

Тасян, вушн

Хән ишкаттэм,

Сорни вухн

Хән ишкаттэм,

Вэntyем вои

Яңхты ар пант

Хул па яңхидатэдые.

Йиңкиен хулы кулы ар әш

Хул си тэтдидатэдые.

Ям хантыдам,

Ям хоятдам.

Тәрмиен тайты ар одюпн

Самдал мал туныдатэдые,

Мувием тайты хурам одюпн

Лыпидал хэтдыдатэдые.

Вән Аңдумаң ин ям кәрта

Ма си яңхилумемие.

Вон Аңдумаң ханты кәртна

Ма си вәддилумемие.

Рәтыем хурас ар хоятэм

Хул си вәйтылумемие.

Рәтыем хурас ар хантыем

Хул си мосыдатэдые.

Хетта

Хетта нёрум мувием,
Хетта нёрум харием,
Самием вэлты тахием,
Сэма питум вудыем.
Вудэт яңхум тась сяхриет —
Әхлаң әши ханшаң мув,
Екар вәнши кашиң нув —
Самем дыпи кады дэриет.
Худься ма па юрэмалдам!
Тата эвия ма па ювидумем,
Пухием тата вэлтыдумем.
Аңки партум тынаң мувием,
Аси партум тынаң йиңкием —
Сэмаң лантаң нуви харием,
Кады хумсаң ма нёрмием.
Самиема си ханьшаньсьмад,
Самиема си пуштасьмад.
Хетта нёрум мувием,
Хетта нёрум харием,
Самием вэлты тахием,
Сэма питум вудыем.

Икен манылумалдые...

Асием Вагатов Кузьма Николаевич

пата

Хәлүм хопты кирум әхалны,

Хәтхусьяң курап, курап әхалны

Икен навралтумалдые,

Икен манылумалдые.

Ай пут луват вән ләңханьсюп,

Икен ихтылумалдые

Аиен шаңқан лораң сый

Икен савладтыилталдые.

Хәхлаң вуды ям хурас

Икен вәддилумалдые.

Наңкен пурвой питы туш

Икен таилумалдые...

Ин лоньсен аңкал нуви мил

Икен пунылумалдые,

Ин хәдән пурвой вотум туш

Икен таилаталдые.

Хәлүм хопты кирум әхалны,

Хәтхусьяң курап, курап әхалны

Икен навралтумалдые,

Икен манылумалдые.

ЛЫДҢАТ ДЫВ

...Калдат манэм даль ёх пантат,
Па сикутн шәшсат хантэт,
Тут па пәсаң мухты.
Дай - пит калы мув әхтыйн
Ас йиңк иты ара увад.
Палаң лампа похты нёдат
Кәртат, вошат пайды тәдат.
Па сикутн ханты хоев
Лаль тут хәратман ешасьд.
Пушкан поса солдат сам
Вуракатн куш вуйляды.
Сикуш нёдат тахдат тыв,
Ант па хойда си хо сам:
Йира рывдат ертсэм иты.
Мухадая тут хулыил,
Даль хо эд па венш нюдыйд.
Дув путрэмал сурмал пида,
Мува, йиңка ил питыил,
Йилпа нух дув эдумиил,
Вурак есялт сядта йил.
Худься вул дув симась әр?
Ант па тайл сурум нюр!
Питы сампи вурак ёх,
Ант нын вәслан, алпа,
Мувев, йиңкев ем, мал, тайл,
Сирн даль хо сурум ант тайл.
Моньсь йистэдн си вер ушаң,
Сирн солдат әраң, мосаң!

Ант наң вэсэн, вурак хо,
Мал дэль хоев кат сам тайс:
Хо сам тайс дув дыпелн,
Нэ сам иси си пуңалн.
Мосаң пирась аңкед сам,
Мосаң мосты нэңал сам,
Мосаң оты пидал сам
Хоид сам хонаңан вэс,
Вурак нёл дув йира тэс.
Сирн дэль тут нумпи дув,
Сирн нэптал си хо хув.
Ин па дыдаң си солдат,
Куш па питас мува ат...
Йи усумн сэм лап ханьман
Уддат эвет, пухат, аңкет
Пискаревской шэкаң мувн.
Юхат сэмйиңк — вусьдум лыпнат
Дыв әхтэда иды питдат.
Дыв нумпелн — мирэв холдуп
Сепсян шалың сыйн хәлдум.
Хәслы — сыйлы рома дәльдум:
Йилта нухды тут хулыил,
Пәсаң нухды хән ин этд —
Йилта нухды дыл пулыил,
Сит дыв далты рувел этд.
Пискаревской шэкаң мув —
Вурак ваньсюм каши нюлм.
Самн хәлдум тарнаң ув,
Шаңкап пупи хеньси ув.
Сит вурак верум тарнаң вер,
Ат хәлдадзә мирэв нер.

Ар тахиин тут хулыил,
Сята иса дыв пудыл.
Хулыева дылдат дыв,
Далты рувед муңев кал.
Кашиң хотн, кашиң самн
Муң мосты пилдув, ханнэхолув,
Пухиедув, асидув —
Хулыева дылдат дыв,
Куш хув панта долъсат дыв.
— Ат омсумдат шиваң анлан,
Дэтут хән куш дывел мосл.
Ат омсумдат каврум андан,
Яньсют хән куш дывел мосл, —
Лупад пирась ханты ими.
Анал омсас мул хот суңа,
Си хонаңн долъс туңа.
«Дылдат дыв,
Тәп дыв ант калдат,
Хотаң ёха дыв ин йисат», —
Сит йис хантэт ясцел симась.
Мандат нәптат, йилуп йисат,
А си солтатат дылдат иса.
Манэм руваң ратат калдат,
Сята иса дыв ин далдат.
Вердат нувия дыв атат.
Ванта, сята иса даль ёх пантат,
Сята иси шәшсат хантэт.

Ма арием, арием

Мы арием, арием,
Арием ат хәхалтад.
Тухдаң войн ад юхатда,
Кураң войн ад каталда...
Курмаң вои хув куруман
Ат хәхалтад ма арием,
Пасты вуды ям хәхалд
Ат хәхалтад ма ясңиём.
Нувиед, вәлкум нувды юх
Ма хән вәддиидтэм.
Оңтыед, питум мулха вуды
Ма хән вәддиидтэм.
Оңтыед, лякум хурам вуды
Ма си вәддиидтэм.
Нувиед, ләпсаң нуваң юх
Ма си додиидтэм.
Тынаң па мосты вән мувиём —
Маие вәлты даськам хариём.
Русяң па хантэң вән мувиём —
Маие вәлты хурам хотыём.
Сятсясиём хуваттыён
Нумсыём карась, карась мал вәлтад,
Ханты мириём хуваттыён
Самиём тухдаң, тухдаң мал вәлтад.
Вәлты мувиём тайты ар суңал
Нумсэма ләпмел, ләпмелые.
Мувиём хуся вәлты мириём
Самема дуңмел, дуңмелые.

Курмаң вуды хув куруман
 Ат хәхалтад ма арием.
 Пасты вуды ям хәхалд
 Ат хәхалтад ма ясңием.
 Хув ат вәлтад
 Арием пантал,
 Иса па сувал
 Ад сухантал.
 Ма арием, арием,
 Арием ат хәхалтал
 Тухлаң войн ал юхатла,
 Кураң войн ал каталда...
 Ма ясңием, ясңием,
 Ясңием ал сухантал.

Ма — най

Вэрт омасты тынаң муван,
Хатл туныты эвмаң муван
Ма, най, энмиилмемие,
Ма, най, вэллидатэмие.
Кимпең хоты кимпия
Ма ки этыдатэмие.
Домтум сахи ханшаң кимал
Елта ат эдмидаталые.
Пунум ухшам русэң кимал
Елта ат данидаталые.
Ситы, най, этлидатэмие,
Ситы, най, маныдатэмие.
Мувием вэлты лапат суң
Сэмна тэтлидатэмие.
Йңкием увты лапат сув
Пална хэдантыилдтэмие.
Ситы, най, шэшидатэмие,
Ситы, най, яңхилдатэмие.
Суңаң хоты суңиема
Ма ки луңидатэмие,
Омсум вуды ям тахема
Ма ки омсылатэмие
Худыен торах хурам
ёшеман,
Воиен марак хурам
ёшеман
Иса па вэлды нуваң ар ханши.

Ма, най, ханшидатэмие,
 Ма, най, сюртыдатэмие.
 Тынаң сампи ар хоятэм,
 Сорнең нумсуп ар хантыем
 Экшаньсюпан ма ханшдалдам,
 Экшаньсюпа па вердалдам.
 Ситы, най, аридатэмие
 Ситы, най, лупидатэмие.
 Вэрт омасты тынаң муван,
 Хатд туныты эвмаң муван
 Ма, най, энмилумемие,
 Ма, най, вәддилумемие.

Хашҗа хот

Катра хашҗа хот пайлэнҗки —
Катра кэрт вул хурас тайл.
Тыйл иды роханьдјомал:
Пайды питмал хотат иты.
Йи хашҗа па ванан антэм,
Яңхум эшдәл ара мандат —
Талты питум кураң эшат.
А муйкем дэпас, муйкем оңх,
Муйкем лыпат, муйкем нув
Тыв акатман тата вәс.
Муйкем пуш там эшат хуват
Хашҗалэнҗкет яңхсат хул,
Дәдн ситат талты тыв.
Шаңкап сята хул эх пантат,
Муй па яңхсат хув йис хантэт.
Сядта муйкем эшкур эр!
Дэпсат, лыпат, эңхат, карат...
Нэмхоята ин ант мосдат,
Дыйдат тата дыв нартама.
Нумсэм шакас, вана йис:
Шаңкап хоят сурма йис.
Хашҗа хот пай — катра кэрт вул,
Дэпсат, лыпат, оңхат, карат —
Хантэт тајом катра пурмас,
Самам каша вера пурсат.
Няврэм јонтум сыиң харат,
Тейкел тајом вәнши нуват —

Самем тайты кады нуват.
 ...Кэртаң хантэт вальсям харат:
 Сята лэпат, хопат версат,
 Пэнат сэвсат, нярсат дэрат.
 Ңаңкьюх курап карась эхлат
 Хась па тэрума нух хэңхлат.
 Хэс хэт курап меньнэ эхал
 Торат хурн елды хэхал...
 Хашңа катра хот пайлэңки
 Муя сэма манэм хойсан?
 Масаң ина кэрлам хур наң,
 Сирн сама каша хойсан,
 Иса дүңсан ма кадэма.
 Амтуп ар куш тайдум ин,
 Па муя самем вера шакас.
 Шаляң сэмайңк — кады йиңк
 Хашңа хота — кэрт вулэма
 Иды шойс,
 Иды пушас...

Тукьякаң кэрт мирие

Тукьякаң кэрт ин ям педа
Ма этмем ки ин ям артна,
Омстаң әхал ин вул эвалт
Мувием педа ма си вантмем.
Энмум юхи ар вурьем,
Дольси юхи ар мувием
Сэман омсядылтэм,
Одгум доры вән карием
Саман омсядылтэм.
Паваң пусл ар мувием,
Мувең пусл ар кусыем —
Худыет яңхты вутаң әшиет,
Си мал хәхдылтэд.
Худыет хәйты ар тыхдыет
Си мал вәлдиилтэд.
Әхдаң, хопаң ар хантыем
Дыв яңхилум пантыел,
Ма си вәйтыилдмем,
Ма си кусиилдмем.
Тукьякаң кэрт харыя
Ма дольмем ки ин пурайн,
Веншал ант вантум ар хантыем,
Хурд ант вантум ар хоятэм
Аянг вой ай тувман,
Кедаң вой кел тувман
Есядт шәшиилдмел,
Есядт юхтыилдмел.
Тухлаң вой ар хураман

Самием си хураммел,
 Кураң вои ар ханшийн
 Ма самием си мал ханשמел.
 Тукьякаң кэрт хантыет,
 Самием вуйман, вуйманые.
 Тукьякаң кэрт мирие,
 Нумсыем вуйман, вуйманые.

Вор ёх педа

Самды-мухалды хумалхайт! —
 Ситы лупдум вор ёх педа.
 Нынан ант кал сорнең йис,
 Тәп даңхалты лув ат пелда.
 Сора нын, сар, мухатлайты,
 Паватлайты иса пайды.
 Калы лэрлан калы такда,
 Сята яңхлат дык па атум.
 Вәдты хатлан хатл такда,
 Ант суханты патлам атуп.
 Самды-мухалды хумалхайт!
 Эвпух шәшмаң эвмаң муван
 Нынан тахи антәм хуван!

Сорни Лопас

Тумел педы мувев суңан,
 Тамел педы мувев суңан
 Вәлмал хәнтты Елум нәңи,
 Хәдсэм, вәлмал ханты нәңа.
 Лув энмалтас, тайс хатла
 Пән сёл падат лапат пух.
 Тәрум верты кашаң хатл
 Войхул иты килдат нух.
 Кератлат дыв йиңкаң пелак,
 Кератлат дыв вәнтаң пелак.
 Эватлат дыв вәнтвой тур,
 Эватлат дыв вәнтхор ку
 Тәп Ратпар Хо — ай пүләнкел,
 Тәп Хышпар Хо — ай пухләнкел.
 Курңал рата лукемуман
 Иса омсас лумемуман.
 Нумсал шимал вәс муй пелан,
 Муй па аңки партум сирад:
 Пулңи-луньси нюды тәлан
 Верат эвадт вәс лув йиран.
 Нох хәтлаты кашиң хатл
 Хоюм хирман омсас ратн.
 Яйдад кутн хәя лув
 Ант луңтасяс си хо хув.

* * *

Шиңшаң нуры олңал хуся,
 Суңаң нуры суңал хуся

Ёш вер вермаң Елум Нэңи
Ёнтман ханши омсас нэңи.
Ювмад хатлэв етна пелды?
Ювмад нувел шимда пелды?
Кимпең хоты кимпиела,
Хонңаң хоты хонңала
Этдилумал Елум Нэңи,
Шэшилумал Елум Нэңи.
Вош хулаты пелды вурас!
Кэрт хулаты пелды вурас!
Тэрма хоюм наңкьюх тыйн
Вурдад Сорни Лопас тыв ин.
Кимит хатд! Кимит нуви!
Хэтдад сорни иса мува!
Хэңхас Елум Нэңи наңка
Сорни Лопас иды даңкты.
Этум хатд сухнум артан,
Хэтлум хатд сухнум артан,
Елум Нэңи антпаң пухат,
Вэнтаң вои тэлаң ныпат,
Йиңкат хулы тэлаң ныпат
Вэнтан-йиңкан яңхум хоит
Сыед кутн юхи тэдат.
Нярум наңки падат ёх,
Нярум хэды карсят ёх
Аңкел падат дольсат нух,
Нарьялаты сорни нух.
Тыхал тэды пухдал педа
Лупас Елум Нэңи:
Манэм атум ад вераты,
Вура иси ад туваты.
Йиңкаң пелак кераттанан,

Вэнтаң пелак кераттанан
Мата хэйн митра тайл,
Мата хэйн нумас верат
Нётуп тэдат ханнэхоя,
Малэм сорни ма си хэя.
— Яңхты-манты пантэв кутн
Юлта дэдын ки ййлыюв,
Ох эпатдам осьхемалум,
Сэм ант калты тывал вэнт,
Шивуп юхуп, пивуп юхуп
Сэр-вэнт, мур-вэнт ертуп тывал.
Кешаң, лаймаң сот дэдь хэев
Си вэнт хуся сурмел тывал.
Аңка, сорни манэм мие, —
Лупас ситы вэн пухые.
— Сялта пантэв манад елды,
Сялта суртэв тэдэв елды.
Сурум тэты муң патэва
Питас вурак муң пантэва.
Тыведт-тухедт пулдум дэдь рув —
Тывдат сята йэхдат-нэдат
Сюрсаң дэдь ёх сята нюлдат.
Ангка, сорни манэм мие, —
Лупас ситы па пухые.
— Сялта пантэв манад елды,
Сялта суртэв тэдэв елды.
Каврум сёрс хэнтты тэдан
Хантэт пантэд шэпа ертал,
Вэн дув турас мира верл,
Хоп ма вердум хантэт пата,
Олдэм пантэд елды тата.
Аңка, сорни манэм мие, —

Лупас хэлмит лув пухыед.
— Сялта пантэв манад елды,
Сялта суртэв тэдэв елды.
Вот сай, ерт сай верты пата,
Вор ёх кимды ертты пата
Кимпед вет дад карты хотат
Ма омсалдум мирэм пата.
Аңка, сорни манэм мие, —
Ситы нёхмас си пухыед.
— Сялта пантэв манад елды,
Сялта суртэв тэдэв елды,
Муң ки питлув лантды сурта,
Мосаң питлув хулды сурта,
Ханты мирэв лэты пата
Ма омсалдум маваң пасан,
Ма омсалдум тэдаң пасан.
Аңка, сорни манэм мие, —
Вохад ветмит лув пухыед.
— Сялта пантэв манад елды.
Сялта суртэв тэдэв елды.
Сэм ант калты патдам ат
Хантэт пата тывад ат.
Ма вуситдум тэрум ар хэс —
Хатд иты хэтдад атэв.
Аңка, сорни манэм мие, —
Нёхмас аңкеда пухые.
— Наң Ратпар Хо-ай пухые,
Наң Хышпар Хо-ай пухые,
Тайдан пелы тухдаң нумас,
Альдан пелы ёха нётуп?
— Тайд мувев дапат суң ин,
Вэддат нэхо дапат сирн.

Питдат вэдты дыв йи сирн.
Дэпат мув суң дэпат сирэв
Манты питдат дыв йи сирн.
Хэтдал хатд муңев ит,
Яньси йиңкев иси ит,
Дэдты иси шивев ит,
Нумсэл иси питд ит.
Сорни мосал тэты наңка,
Йилпа ыхтэ сив наң, Аңка.
Антэм атэдт хоят пата
Суртты мосал дувел сята!
Сорнед ара дув ат увад, —
Ситы дупас ай пухыед.
Нумас верас Едум Нэңи,
Нёхмас юхлы ханты нэңи:
Хэдсум ин ма митра ясңат,
Па даңхалум хэдты яступ,
Павтум ясңат пантпатыя,
Павтум кедат пантпатыя
Шэкаң-восяң вэдты сирэв,
Шэкаң-восяң холты сирэв
Сухнуптаты мослат письдан.
Хэтдал нынан сорни сирн,
Ин нын вуты антэм письдан.
Вуянтаты йи нумаса
Па дэдыты нын йи панта.
Митра вердан мосаң хэнтты
Нэңа-хоя сэма хойдат.

* * *

Едум Нэңи таюм пухат,
Адмэнтыхи тайдат тухад,

Там сэм, тум сэм рунтэв эвалт
Порлэмасат тыхдэд эвалт.
Хув муй педы яңхсат дыв,
Ван мар педы яңхсат дыв.
Тәп ма вэдэм — вәдлум ин,
Монься ювум вәлупсыйн.
Хатд хошум хойты муvem,
Сыр-сыр ханты вәлты муvem
Дәпат митра, дәпат пись
Антәм моньсь йис — вәлты сир.
Моньсян хән тәп дәдъ ёх вәсат,
Вандэн, уңдэд вәна пуншман,
Додьлат шашман тывед пушкан,
Акар лампа па хон мир,
Дывел мосд кәдең йир.
Тайдув ертум тутаң нёдаң,
Антәм палтап вурак нёдаң.
Тухлаң сывас палаттыя,
Кураң сывас карсяттыя
Яңхдат тутаң нёдат хәса,
Манэм иса кәддат тәса,
Каврум сёрс йиңкат хуват,
Потум сёрс еңкат хуват
Тутаң хопат ховатсаит.
Митра әран хуватсаит.
Ратпар Хоев яйдал пида,
Хышпар Хоев Аңкел пида
Дәпат митра, дәпат пись
Вәлупсыйн тайдат дыв.
Тәрма хоюм вән наңк тыйн,
Мува хоюм вән наңк тыйн
Муң Хатлыев — Сорни Дөпас,

Ратпар хоев шоп си лупас,
 Хэтлад, иса муват суңа,
 Вохал, вэдты мират туңа.
 Тата моньсем сүхнупталэм,
 Пантпатэда юхтупталэм.

АЙ НЁРУМ ХО ХАНТЫ МИР МОНЬСЯТ

Ими шаншух паты эвалт вэлты Моньсьхо

Тамел мув суңан, муй тумел мув суңан вэсңан, холсаңан имеңан-икеңан. Икел хатлдуңта вэнтаң пелак кератл, йиңкаң пелак кератл, вэнт хор кур эватл, вэнт хор тур эватл, адсаң нюхи, полсаң нюхи адал, тэд.

Имел па хатлдуңта ханшаң юл, вераң юл ёнтад, ханшаң вер, вераң вер верл. Муй па иса тайсаңан, тэп тэрум дынана эвпух ант партас.

Имудтыйн ситы вэлтан сахат ин ими курл мәша йис, шаншух патэд нух пувдас. Атл эңал, хатл эңал — си эңал, си увад. Атл олум ант улдыл, хатл олум ант улдыл. Ситы хулты шэк тэд ин ими. Ситы муй ёр юхатл вантасты. Икел имудтыйн сяхрал духатсалдэ па ин имел шаншух паты си похалмаслэ, нэмасл, мосаң, сар, дыин акумса, дыял ким этл па ин имел кур яма йил.

Тё! Мата пись! Ин ими пувдум шаншух паты эвалт кады ант этас, дый ант этас, тэп кевшопие ким ракнас. Ин кевшопие ин икенаң си вантыялда: «Мата ям дэсьтан кев си рахас». Ситлан ин кевшопие суң нурума вуськаслэ, нэмасыял: «Ат сята ул, хэн мосматл кеши муй па даяом дэсьтантты, сядта адэмадэм». Ин имел курл имухты яма йис. Каши антэм, мәш антэм, тыв хэхал, тухи хэхал, икел тувум адсаң нюхи каварл, икел тувум полсаң нюхи каварл. Ситы имеңан, икеңан дэсңан-яньсьсаңан, етна йис — иды улсаңан.

Ситы хулты ултан сахат, мул суңан мулты си лятатас па иды эслуммал сасьд, пасан хонаңа ювмал сасьд, пасанан вэлты лэтутат си лэтал сасьд. Сит па муй пись, муй митра! Нухды вантыялдаңан, маттырн, йи олкема ювум хо няврэм пасан хонаңан лэвман-яньсьман омасл. Пасанан вэлум нюхет, худат лэс па иси мулхот суң нурума нух эслумтас.

Ин икеңан-имеңан тэрум лап, мув лап си питсаңан, лув муй вуюмсайңан, хойн вэды, лув муй ал сасьды питсаңан, хойн вэды. Нэпат ант вантыдум верн. Адаңая йис, пасанан иса тал. Ин ики иси вэнтаң пелак кератл, йиңкаң пелак кератл. Хор кур эватл, вой кур эватл. Алсаң нюхи, пэлсаң нюхи юхи тэс, ин ими пут си верас. Паси лэсңан, яньсьсаңан, етна-хэла йис, иды улсаңан. Хэлантыялдаңан, хэрэсман си улдаңан. Сикемн роман мул суңан мулты лятатас па суң нурум эвалт ямкем вэншака ювум пух няврэм иды эслумтас, алпа нэптал хась веткем ол луват, ванттыйн.

Ситы иды эслумтас: па имухты пасан хонаңа хатумас па елы нёхмас: «асеңалам, аңкеңалам омсум алсаң нюхи, полсаң нюхи сюняң пасан эвалт мулты лэдум. Ма, вантэ, энумты хо, ворумты хо». Ин имеңан, икеңан сив хулты ханемасңан, нэмадт сый ант верлаңан, нэмаслаңан: «Се, па мин пасанэман, лув па лупал асеңанда, аңкеңанда пасан. Я, хуты-хуты, сар, елды. Си пуляң хэнтты сив вуюмсайңан, сив тувемасыйңан.

Ин икеңан, имеңан хэнтты сив вуюмтумңан ат олуман, хэнтты алаңая-хэла ювмал, нух килсаңан. Ин катңан вантдалдан: пасан тэп сохдал вэд,

иса талты питмал. «Тё, верапа си а́д вә́лум, верапа си а́д си нэ́ридуман. Сар, ими, тамхатл ма па вэ́нтаң пелак кератлум, муваң пелак кератлум. Хуты-хуты, мулты йилуп лэ́тут ки тә́лум, там пуш па каварта йилуп лэ́тут, йилуп лант, мосаң па хоятн юхатлайман, — лупийл ин ики имел пе́да. — Тә́п там пуш иды улдуман, тә́п сив а́д вуюмдайман.

Симась нумас версаңан па ин ики вэ́нтаң пелак кератты манас, йиңкаң пелак кератты этас. Иси сиры иты хор кур э́втас, вой тур э́втас. Юхи юхтас. Ин имел а́дсаң нюхи мурта кавартас. Лын лэ́вманкем — лэ́сңан, яньсьманкем — аньсьсаңан. Ин ими хасюм лэ́тутда́д ямсыева пасана́да пунсалдэ́, лэ́сятсалдэ́.

— Я, си лэ́ты, яньсьты хоят вэ́л ки — ат юхатл па ат лэ́л, яньсял, — икел пе́да лупиял.

Ситы паси е́тна-хола йис. Ин икеңан, имеңан уллотда́на мансаңан, лывассаңан вантты, о́лумлан сикуш йилыят, лын тә́п кутанан таңаслаңан: «Ал вуялтыла, пака».

Имудтыйн ат хувашак ювум артан паси мул хот суңан мулты лятатас. Мул нурум э́валт муй тывум най пух, муй тывум вэ́рт пух иды э́слумтас, пасан хона́ңа шәшмас па е́ды нё́хмас: «Асеңа́дам, аңкеңа́дам там пуш па мет ям пасан верман, ма энумты хо, ворумты хо мулты, сар, лэ́дум». Ин хое иды пасан хона́ңа омсас, сикемн ин икеңан, имеңан па сив хатумасңан.

— Найң пух вэ́сан, вэ́ртаң пух вэ́сан, мин вә́лмеман нэ́пат няврэм ант тайсуман, сикем си аматсуман на́ңена, мосаң на́ң минат па ант хайл-

алдан, мин пухиемана вѣда, — пояксялңан ин катңан.

— Я, ситы ки па ситы. Ма хуты нын пухан си, — юхды нѣхмас ин хое. Си артан ин имеңан, икеңан вельси нумасн юхтыялдайңан, ин шаншух паты эвалт ким ракнум лэсьтан кевшэпие ал ут антэм вѣдмал. Вантлалдан, мул нуруман нэмалт-сыр кевшэпие антом. Ситы мосалтыялдат, эвумдыялдат, елды си вѣдматсат. Ал елды вѣдматыялдат, ин пухие па нѣмасыял па иньсясал асенгал, аңкеңгал эвалт: «Муя па тѣп мунг хѣдум хоят. Муй дампев хо, дампев нѣ антэм педы мухадая».

— Антэм хэн куш хэнтты вѣс дампев ханты, дампев хоят. Матта мулты тарнаңг хатл, матта мулты шѣкаң хатл хултпела мансат сит хэн мин, пухие, вѣдман».

— Я, си аңкеңан, асеңан, ма мув-автэм вантты яңхдум. Лыдаң хо ки, хэнтты лыдаң хо хурн юхи юхатдум. Хадум хо ки, наяң хо, вѣртаң хо хурэм мутшалдан, — ситы лупас ин пухиен па лэматл-яс, пунантас, мосалтыялдат, эвумдыялдат. Хуты верла, имеңан, икеңан сикуш катлэңан, потлэңан, сикуш пухиен ант эсалты веран вѣс. Я, па, нѣ нѣпат, хо нѣпат водум вер: ханнѣхо юлн хэн омасл.

Ин пухиен оваң хот ов эвалт ким этас, асед хот лапат пуш хатл манты сахат кератсалдѣ, мухалсалдѣ. Си мар, маттырн, па сѣруммал, воруммал. Монты муй вѣс, сикем ѣрн, сѣман юхтум сасьл. Ситлан си Хатл кутуп лольси тахи пела си шѣшмас.

Хув манас, хойн вѣды, ван манас, хойн вѣды. Имудтыйн Мув-аңкие тыведт овемал, тухелт ове-

мад. Мулды кумраң сыйн си итад сасьд. Муйкем вэд йивана юхаттад сасьд, имудтыйн сый сасьд: «Я, хуты па наң йисан, муй эвалт наң пакансан? Там муваң-йикаң пант хаймеман эвалт сикем ут хэн вантсуман. Там па Ими шаншух эвалт этум Моньсьхо, лув нэптад, тэп хэдум хатд. Муй лув эвалтэла наң пакансат?».

Ин хэен сый педа аңкартас, маттырн хэт ёшуп, хэт куруп вэн вурс, ёшдад, курдад, есядт ворд, елды ант манал, лув шаншад хуся Ялаң Ики омасд. Луваттад, карсяттад сот од энмум нохарьюх луват. Худта мантал вэл, си есядт шэшмас Ими шаншух паты эвалт вэдты Моньсьхо. Сив шэшас па елды нэхмас: «Я, акем ики, вуся вэда!»

— Наң муй манат няхдан, — иды вохдас Ялаң Ики ин вэн вурсад эвалт па имухты ин хо ухпат эвалт хатьсясдэ. Ин Ими шаншух паты эвалт вэдты Моньсьхо шанш мадаттыя мува луңас.

Ин Ялаң Ики еды няххатас: «Ха-ха-ха! Там питум лотэнан лувдан, нюхидан хэдахн, войн ара ат алдайт». Ситадн ин хэт ёшуп, хэт куруп вэн вурсал шанша тэп нух дэдас, роман лув хонңадн Ими шаншух паты эвалт вэдты Моньсьхо увтас: «Акем ики, иды вохда, ин па ма пураема йис». Ялань Ики аңкартас: «Тё, ина ин хэйд, сухаң мув, памаң мув эхтыйн долд ин вурс вой ики ханаңан, ёшд вурс вой икия пунмад. Худта мантал вэл ин Ялань Ики, иды вохдас, адая тайдалдэ, нэма-сыид: «Сикем хэн вантыдас, йи хэдум хатд нэптуп хо муй ёрадн пакад».

— Я, ситы ки па ситы, нэш наң па ма пидэма вура вордан! — ситы лявтэсман си вохдас. Ин

Ими шаншух паты эвалт вэлты Моньсьхойн ух паты эвалт кутартса, ин Ялань Ики антуп вуша сухаң Аңкия илы луңалса. Ситдан Ими шаншух паты эвалт вэлты Моньсьхо елды шәшумты куш вутьсидас, ин икел сухаң мув, памаң мув әхтыйн нәман додь па Ялань Ики кемаң турн тата увтас.

— Наң па хулта мандат, ин наң пураен хасяс, ин па ма артэма йис, — ситдан Ими шаншух паты эвалты вэлты Моньсьхо ух паты эвалт си кутартсалдэ, ин хоен антупьюл вуша сухаң мув, памаң мува илы си шойдас.

— Я, ха-ха-ха! — Ялань Ики нях сый мува тәхарл, йиңка тохарл. — Хася, лувен, сомен хәдахн, войн ара ат альялыйт. Наң кемен ёх хән паратыялсум, тэдаң сува патэма павтыялсум. Ситалн хәт ёшуп, хәт куруп вурс вой икел шаншанух тәп омсыдас, роман ин Моньсьхойн илы вохемасы:

— Акем ики, наң хулта мандан, илы вохда, ин па ма артэма йис.

Ситы илы вохдас Ялань Ики вурсал эвалт, нәмасыйл, мата мулды хо нәптад холум хатд тәп, ма пилэма нёда вуянтас, муй ина педы әр тайл, ситы си хәрэсман илы вохдас.

Роман ин Яланг Ики ухпат эвалт Ими шаншух паты эвалт вэлты Моньсьхойн машакан кутартса, ин ики сухаң мув, памаң мув лыпия сапдал вуша илы шойдас, тал ух пәшхал, нәман хасяс. Ин Моньсьхоен Яланг Ики алты кеши аэмас па сапдал шопа сэвармаслэ. Ялань Ики ухпәшах увас вот, нум вот севаң сыйн тум ларэмас хултпела.

— Эй, хәнтты найң тәрум тывтыйн, вәртаң

төрүм тывтыйн, тамась эви недты, пух недты тэлаң хунуп куль па ад тывал. Ситдан ин Ими шаншух паты эвалт вэлты Моньсьхо пантад елды тэты хо елды шэшмас. Имултыйн па си мувием нэман торңалда, йиңкиен нэман марңалда. — Муй па сит? — Ңэмасыйд Моньсьхо. Сикутн сый сасияд: «Тё! Наң па хуты йисаң, наң нэмасдан мулды палтап ут си есядт йид, сит хуты Ими шаншух паты эвалт вэлты Моньсьхо, нэптад тэп хэдүм хатд, — маттырн хэдүм ухуп Ялань Ики хэт ёшуп, куруп вурс вой ики шашн омасд, ин вурсад ёшдал, курдал есядт ворд, елды ант манал, сив додяс. Ситдан хэдүм ухуп Ялань Ики иды эсдүмтас, Моньсьхо есядт шошемас па ухпат эвалт кутартсалдэ, ин хояд имухты антуп юд вэнта тосы сухаң мув, памаң мув лыпия.

— Я! Ха-ха-ха! Си там хоев палтапал арат! Тамкем хоят таңха мин вэятдясман там сот олдал, вэлмев мар, там сот олдал холмев мар, — вурсад педа путартман вурс вой икед шанша дэдман лупас Ялань Ики. Ясаңдал анта сухандат, роман лув хонңалн ин Моньсьхо увтас: «Акем ики, наң па хулта актасьсат, ин па ма пураема йис, ин па ма машкем эсалдүм, ин па ма ёрем эсалдүм».

Ин Ялань Ики сив хон эвал, хулта мантад вэд, ин хойд пела керлас, сикутн роман ухпат эдты машакан кутартса па сухаң мув, памаң мув илпия ин ики иды си тэсы, там вуш вэнта тамась вера ант па питыдас, муй арат тэлаң кэрт паратас, муй арат тэлаң вош паратас, тэлаң сува, нелаң сува патэда мурта мирие павтыдас, няврэм ант тыштас, пирась ант шалитас. Ин па тэп хо-

дум ухал, хэдум тахийн дольдот, ин Моньсьхо Ялань Ики алты кеши алэмас па хэдум ух пәшах атэдта сэвармасдэ, ин ухат увас вот севаң сыйн, нум вот сюваң сыйн хултпеда си дарисат. Ин ики вәлтал си парас. Ими шаншух паты эвалт вәлты Моньсьхо пантал, елды удас, пантал елды вәс, ситадн елды шәшмас.

Хув манас, хойн вәлы, ван манас, хойн вәды, имудтыйн паси мулды кумраң сый сымидас, мув сухие тыведт сохтады, тухелт сохтады, мулды си пәрантты сасьд, мулды си йитад сасьд. Сикемн сый па сымидас, похты сый, муйсир тайл: «Ивл-ап, аслап! Наң па муен хуты йис, муйн сив донльд-сясыйн! Наң нәмасдан, мулды палтап ут есялт йил. Там сот олат хаймеман мар, там сот олат вәдме-ман мар, мин палтәман нәмалт антәм вәс, мин паканмеман нәмалт антәм вәс».

Ситы си эвалт дәпат ухуп Ялань Ики дәпат ёшуп, дәпат куруп вурс вой икел педа похал. Вурс вой ики дәпат ёшал, дәпат курал есялт вортмал, сив доляс, елды ант манад.

— Мата вой ики наң вәдмен, муй Ими шаншух паты эвалт вәлты Моньсьхо эвалт пакантсат, дув муй хо, нәптад тәп хэдум хатда йис. Сар па вантдәман, — ситдан ин дәпат ухуп Ялань Ики иды вохдас вурс вой ики шанш эвалт. Сив шәшас Моньсьхоев па ин икийн роман ухпаты эвалт кутартса. Ин Ими шаншух паты эвалт вәлты Моньсьхо саплад вәнта емаң мув, пасаң мув дыпия си тәсы.

— Я, ха-ха-ха! Си ин хоен кемад, наң па пакансат, ёшен, курен есялт вортсан, ин си там ло-

тан ханты хо сэм вуйдал, хэлахан, войн ара ат альядыйт, тата ат нэхдайт, — вурс шанша нух вуратман, ясаңдал анта сухандат, ин Моньсьхо роман увтас лапат ухуп Ялань Ики хонаңан.

— Акем ики, наң па хулта мандан, ин хуты па пураема йис, ма машкем па эсадум, ма әрэм па ванта. Ин Ялань Ики ант эвалман ин Моньсьхо педа кердас, маттырн, ина хәйл талаң хо, мэтды хо хурасн лув хонңалн долъ. Ин Моньсьхойн си кутартса машакан, ин Ялань Ики сухаң мув, памаң мув илпия тум тосы, тәп лапат ухдал нәман хасъмел. Моньсьхоен Ялань Ики алты кеши алэмас, ин лапат ух худыева нух сэварсайт па увас вот севаң сыйн, нум вот севаң сыйн си хултпеда тәсыйт. Ин Ими шаншух паты эвалт вэлты Моньсьхо пантал елды тәты хо, әшл елды вэлты хо елды шәшмас, елды манас. Лув муй хув яңхас, лув муй ван яңхас, имудтыйн асед нумасн питса, аңкел нумасн питса.

— Я, сар, юхды каншаньсьдум, хутыса асеңадам, аңкеңадам волдаңан, — ситы нәмасман юхды әшл педа кердас. Юхды манты әшл хуся маттырн, сиарат хантәң вош энуммал, сиарат мираң вош энуммал, найң мув омсантмал, вортаң мув омсантмал, хатл сюнь вантлат, атл сюнь хайлат.

Ин Ими шаншух паты эвалт вэлты Моньсьхо кәртада этас, кәртал мирн тэлыева. Кәртаңтэл мирал есядт шәшлат, вошаңтэл, мирал есядт шәшлат.

Маттырн, там елпийн сыры вәдум хәлум Ялань Икийн хатл вэлты, ат вэлты сирлы павтыдумат, сирн си аел-вәнэдн амтатлядат. Юхи юхтас, юхи

луңас, аңкеңал, асеңал най вэдты наян хот омас-
лаңан, вэрт вэдты вэртаң хот омаслаңан.

Кэртаңтэл, вошаңтэл мирэн йир пасан омас-
сат, мой масан омассат, хатл веншуп веншаң най
эви, тылась веншуп веншаң вэрт эви Ими шан-
шух паты эвалт вэдты Моньсьхоя омсалса. Си
сюнед, хэдэлн ин па си вэдлат.

Ай Моньсьхо па Лэхолэ

Хор лантаң хар ёхум кутупн, вой лантаң хар ёхум кутупн хэдум паварт падат хот дыпийн Ай Моньсьхо Моньсьнэ упед ими пида сята вэддаңан, сята холдаңан.

Ай Моньсьхо тэрум верум ар хатл йиңкаң пелак кератл, вэнтаң пелак кератл, нёрум хор тур эватл, вэнт хор тур эватл. Ситы вурты вой тэлаң пант яңхал, питы вой тэлаң пант янгхал. Вуяң нюхи, адсаң нюхи хатлдуңта тэл. Моньсьнэ упед ими тэп лэтут вера, па домтум па пурмас ёнта, муй па иса тайс, тэп хатл вэлты, тэрум вэлты пил ант тайс.

Хув вэсңан, муй ван вэсңан, хойн вэды. Имудты алаңая йис Ай Моньсьхо йиңкаң пелак кератты хэ, вэнтаң пелак кератты хэ — юлн хэн вэд, доматляс, пунантас па си юхаң вэнт шаншала шэшмас, йиңкаң пант ёрада доляс.

Лув тэп манмад юпийн упед ими омастад сахат хэддалдэ: каман рошка ай ампиел хураттал сасьд, лоньсьдал, еңкдал паркатмад сасьд.

Юхи луңас, маттырн, Ялань Ики. Хот овнин ут тэп си нял ёшн-курн ваңкман юхи путлас. Моньсьнэ хулт пакнас па сасьды хась пйтас. Сикемн Ялань Ики лупийд: «Ай-кай, Моньсьнэ хыднэңие, ма эвалтэма ад палтама, ма атум верты хэн юхатсум, наңена ям верты юхатсум. Моньсьнэ сив такамтыдас, Ялань Ики адсаң нюхийң, полсаң нюхийң лапатсаддэ

яньдьясдэ. Хув-ван путартман, ястуман омас-саңан.

Имултыйн Ялань Ики лупийд: «Моньсьнэ хылнэңие вэсн, наң вэлдан, ма вэлдум, мин китумтак тыдась вэлты, хатд вэлты пил ант тайдуман. Наң нумсэн ки ситы пилд, мин долн наң пилэна яха вэлматдуман, яха холматдуман».

Моньсьнэ сикемн эдал нюр потум йиңкан шошемасы, лупийд: «Ялань Акем Ики вэсан, ма мосаң симась нумсэм пилд, тэп Ай Моньсьхо йивпухем ситы хэн кашасьд: манатты хэ недтум, нэ недтум ута омсалты».

Ялань Ики лупийл: «Ай Моньсьхо йивпухен пата ад хэрия, дуват ма недаң сува патэма паватдэм. Там етн дув юхи юхаттад елпийн ма вась йинтупа йилум. Сялта манатты вуге па дув улты тахтэд пун хэла пунэ, атдан дув вуюмтад артан, дув ултал эвадт сята ма дуват тайдэм, сята ма дуват неддэм. Си юпийн дув каншум тасяң хотдан, дув холумтум ям вуншаң хотдан мин сюньдуман».

Ялань Ики вась йинтуп хура карэмас. Моньсьнэңан вусы па Ай Моньсьхэ улты тахты пун хэла нюхтасы. Еша вэлумкемн Ай Моньсьхо си юхи юхатмал сасьд, имултыйн юхи луңас. Юлн упел ими няхаң венш, юнтаң венш кариид, апселн си вер мутшасы па лупийл: «Упа, хотэн сэмад — палатд, исипа хоят юхтыдас». Упел ими лупийл: «Антэм, ай, ад нэрыдан, нэмадт хоят ант юхтыдас».

Упел Ими пила дэсңан, яньсьсаңан, амтаң путрэн, амтаң келэн паватсаңан.

Ай Моньсьхо йиңк яңхум хэ, вэнт яңхум хэ

сикем тәюммад сасьд, улты лотда иды керупты-
дас. Еша кератдяс па сикутн лупийд: «Кай, упия,
улты лотэм хуван пайды ант дэрмадтыялдсэм, тах-
тэм ким, сар, тувемиилдэм, ямсыева паркатдэм
па йилда дэрмаддэм». Нух долюмтас, тахтэд по-
хла хумалмасдэ, ким этмас, охал тахты паркатты
нарэп адэмас па сэңкты си нармадсалдэ, сикутн
увад: «Холэт, лымат, химат, си каншум утлат, ма
нынана рув тайлум!»

Ин Ялань Ики дыдал, хэрад тәп си воньдьсалдэ,
оңат нарэп юхан хась си потлтасы, митлдтасы.
Ситы па нэш тахты пун кут эвалт ким лакнэмас,
доньсь охтыя иды керийс. Си юпийн Ай Моньсь-
хо нарэпад иды вуськас, тахтэд юхи дуңалтас, лэ-
румсалдэ, иды удумтас, нюр шаңкап оңат кавр,
хэдт кавр хатьсясы, сив си вуюмса.

Адаңая йис, нух вердас. Упел, ими пида елды
хатд елды нуви вэдматсаңан, дэсңан, яньсьса-
ңан. Ай Моньсьхо дэматдяс, пунантас па си вэнта
шэшмас. Упел, ванттыйн, сикем мулдтыя амтатдяд,
сыры вэдтадн катлы нэ, потлы нэ хасиид.

Ай Моньсьхо тәп манас, Ялань Ики па си
юхтас, ихи дуңас. Моньсьнэ, муй тывум най эви,
муй тывум вэрт эви, есялт шэшд, есялт манад.
Пилаң ан, пилаң нялы пунсаңан, адсаң нюхи,
подсаң нюхи сюняң пасан омассаңан. Па си
нэмасты питсаңан, хуты верты Ай Моньсьхо ап-
силэңки. Ялань Ики лупийд: «Ма сорум песд
турн хура йилум. Наң манатты нир илума турн
пида пунэ. Хадэват дув вэнта маны пант па-
тэда юхаттал артн ма дув кур патэда педантты
питлум. Сята нирд нух эңхты тахелң ма дуват

неддэм-тайдэм». Ялань Ики сорум пелд турн дэра карэмас.

Етна йис, Ай Моньсьхо юхи юхтас. Вантдэдэ, упел па си амтаң венш, няхаң венш елды шэшл, юхды шэшл. Нэмасл, сар ямсыева па артасьдум, хотэмн иси сэматл-падатл. Етнан худас, алаңая йис. Моньсьнэ лупийл апсел педа: «Ма, сар, нир-ңалан йилуп илумн пундалдам. Ин Ялань Ики нир илума сив нюхтасы Моньсьнэңан. Ай Моньсьхо дэматляс, пунантас, вэнта си шэшмас. Хув манас, муй ван мар шэшас, тэп манты пант патэда анта юхатл.

Ай Моньсьхо дыда-мара тутьюх сэврас, тут адумтас, нымалңал эңхумтас, нир илумңал адэма-слэ па тута вуськаслэ. Ситдан нирңал ломтас, нымалңал ваттас, юхи шэшмас.

Юхи дуңас. Упел ими катды-потды лупийл: «Тё! Ивпухие, там пуш сора худты яңхемиидсан, мул-ты верэн муй ювра?»

Ай Моньсьхо ропах сахат лупийл: «Олңалн шенгк паста шэшсум, нымал унтасн курңалам шаңкумсайңан, илумңалам сорады вер вермем тахийн, ин утңалам тутн нух вусемасыйңан. Илумды нирн муйсирн елды па мандум, сирн юхды си кердасум». Моньсьнэ — катлы нэ, потлы нэ хурад иса йира ант раканл. Си атаңхатдан вэсңан, па алаңая йис. Ай Моньсьхо лупийл: «Ма, упа, иса яңхман шеңк тэюмдем сасьл, эдэм, ню-хем ат рутьсядат. Тамхатл, сар, юлан волдум, рут-сюптыйлдум».

Ситы вэлтан, омастан кутн упел ими ант вэты эвадт, Ай Моньсьхо алты кешел вуслэ па тутьюх

тахты сюра нух вуськаслэ, сикутн лупийд: «Упа, олмем иды, ма нух мандум, еша уддум». Нух манас Ай Моньсьхо, тахты дэрумтас, си кератляд.

Имудтыйн, камн ай рошка амплэ си хуратты питмал сасьд. Хоят ова си юхатмал сасьд, ов пуншас. Моньсьнэ педа шитама лупийд: «Исипа Ай Моньсьхо юдан си вэд».

Ай Моньсьхо вантыйд, маттырн, Ялань Ики. Моньсьнэ элуп анто, хур анто, катлы-потлы лупийд: «Ай Моньсьхо ивпухем, вэнтаң пелак кератл, йиңкаң пелак кератл, манат давадман юдн хэн омасл. Си вантдэн, антэм». Сикемн Ай Моньсьхо си дывасас. «Сар, — нэмасл, — кудэм, рахсан!» Ялань Ики юхи ваңкас, тэп нух долты питас, сикутн Ай Моньсьхо иды эслумтас па алты кешедн Ялань Ики сапал шэпа сэвармаслэ. Ин ики сив си рохнемас. Ай Моньсьхо упед ими педа лупийд: «Я, упия, сора актася, па кэрта мандуман».

Лыда-мара актасьсаңан, сора па кэрта касалсаңан. Тэп упед ими касалтал едпийн, апсел ант вэты эвалт нудасты юхал вуслэ па сюхал оңха доньсюмсалдэ. Йилуп кэрта каслум катн еды вэдматсаңан, еды холматсаңан. Ай Моньсьхо иситы йиңкаң пелак кератл, вонтаң пелак кератл, питы вой, вурты вой тэл, алсаң нюхи, вуяң нюхи тэл. Имудты хатл алаңая — хэла йис, Моньсьнэ лупийд: «Ивпухие, хаюм кэртэмн нудасты юхлэм юрэмасум, тамхатл сив яңхлум нудастутэм тоты».

— Я, нанг яңхдан ки яңха, — Ай Моньсьхо лупийд, сикуш хэдталн, вэталн упед ими па си мулты нумас верас, муй па сырытэдн таюм роп-

хал. Моньсьнэ апалэд манум юпийн хаюм кор-тада манас, ов пуншсалдэ, вантыйл, маттырн Ялань Ики симурт вуйтум, ара хась си похал, тэп дыдаң хо хурадн ул. Моньсьнэ кеши лавемас сотуп эвалт па Ялань Ики веншпуңал эвалт вуй пулые эват-мас па воньсюп дыпия пунумсалдэ, нуласты юхал адэмас, юхи манас. Ин Ялань Ики веншпуңал пул ямсыева поткасьтаслэ, эвумдаслэ па онтуп, сон-сух дыпия вэдтаслэ па усум патэда омсалсалдэ.

Ай Моньсьхо мул шиңашн омастал сахат хо-дантыйл, маттырн, упед усум патын мулты эңадты сый сасьл. Ямсыева вантты питас: упед усум сухат нюхалат. Ситдан Ай Моньсьхо нух доляс, дый вус па нюхи пут дыйн нёрьядыйлдалдэ па лупийл: «Кай, упия, пут овеман симурт вуйн хувдум, ин долн вуй яньси хоят тайсуман ки, долн мултыкем вуй си яньсяс». Сикемн упед вэдты суң паты эвалт нял — вет олкема ювум аики нык навармас, рат хонаңа хатумас па лупийл: «Я, вэрты ики, хута вэд вуй, ма, сар, яньсьдум. Ма энмал-тыйлты хо,манэм ёр мосл, кэс мосл!»

Ай Моньсьхо дыйл дувела мешумсалдэ, лупийл: «Па там вуй пут, янься, муйкем әрен тармад». Ин аики дыйл иды пунас па каврум пут йир эвалт вуяң хошумйиңк си яньсяд. Ай Моньсьхо йисирн си мутшаслэ, там антом ям пата сэма павтасум няврэм. Ялань Ики калы, Ялань Ики нюхи пул эвалт елды шәшмум ут, ям ант мосл давалты. Сикемн Ай Моньсьхо ин аики курңал эвалт кат-думсалдэ па каврум пут ова ухтохи куркаслэ па лупийл: «Си, Лэхойе, вуй яньсьсан, ин па сята нюхи дэва!»

Сялта нюхи путл а́дэмаслэ, ким тувемаслэ па пэшас кимпия шошемаслэ. Упеда па йилпа нюхи мудты партас. Кимит нюхи пут кавартаджем каврас, пуншаджем пуншас. Упед нюхи хонас, дэты-яньсьты омассаңан. Роман ов пуншмасы, маттырн, ин аики тадаң хо, мотлы хо керийс па елы нёхмас: «Я, вэртие, ма па нюхи дэдум». Ай Моньсьхо вантыйл шотн: ин аики лапат, муй па янг тал кема ювмал. Антэм, там а́д вер антэм. Сикемн Ай Моньсьхо катлы-потлы лупийд: «Я, па, Лэхойе, омса, нюхи лэва». Аики омсумтыдас, ин лапат па́дуп вэн кевпутн кавартум нюхет худыева давемасыит. Ай Моньсьхо нэмасл: «Ялань Ики йилпия сикуш паватсэм, там аики-дув пухад па хуты вердэм, каврум хошумйиңкан ант ха́дас. Ешак хатл, шаңкап ды́дэм си ву́лдэ там Лэ́холэ».

Елды яха вэ́дты, хо́дты си питсат. Ин аики Ай Моньсьхо эва́дт иса йира ант хасьд. Ай Моньсьхо еды сохум ву́д — Лэ́холэ иси еды сэхматл. Ай Моньсьхо ху́дта карэма́д — Лэ́холэ па сиведт но́ема́д. Симась ны́ды кавась, вэ́ды кавась си э́н-ма́д, иса си наварл, си хэхатля́д. Арэма́д — еды шо́хма́д, ня́ххатл — елды уватл.

Йиму́дтыйн Ай Моньсьхо нэмасл: «Таммурт кавась аики — сит ханнэ́хо антэм, сэмат ма ды́дэм вуты сира ты́вум ут си. Ха́дэват, сар, пу́д вантты тэ́ты тахе́мн хутась вердэм, иса вэ́на йил ки, си кинься си — ды́даң тэ́рум хэн манэ́ма па питл».

Ада́ңа — хэ́да йис. Ай Моньсьхо пу́д вантты манты сонту́мас. Ин Лэ́холэ иси сыры иты имухты сонту́мас: «Я, вэ́ртыхо, ма па ма́ндум».

— Я, па ма́ндуман, — нё́хмас Ай Моньсьхо.

Пул хария юхатсаңан, Ай Моньсьхо пән ов пәхлас, Лэхолэ еңк умал. Ай Моньсьхо хунта улас па пән ов еңк вус эвалт йиңк яньсяс, Лэхолэ па нёхмас: «Ма па, вэртие, йиңк яньси лаңхалум».

— Янься! Янься! — аматман нёхмас Ай Моньсьхо, нэмасл, — сар, ма наңена ин тайлум сут, сурум.

Лэхолэ хунта улас, йиңк си яньсял. Ай Моньсьхойн курңал эвалт каталса па еңк илпия нюхта-сы: «Си, Лэхолэ, асен верум сохаң пул, вуншаң пул сята вэл. Вера лэва, вера янься». Ситлан Ай Моньсьхо юхи шәшмас, нэмасл: «Ин, я хуты па хән еңк илпи эвалт юхи юхатл».

Ай Моньсьхо юхи юхтас, хотада луңас, мул шиңаша илы омсас. Еша вәс каман хоят си юхатмад сасьл: «Вэртие, сәхдам, вуншдам хулта пунд-алдам».

— Кай, ал куль Лэхолэ, муй вуралн юхи па сит юхтас. — Моньсьхо ал пакнас.

Лэхолэ юхи луңас, иситы еды арэмад — шәхматл, еды няхатл-уватл, тыв кавсюмл, тухи накал па ситы па ант лупал: «Муя па манат пән ов еңк вуса куркасән». Моньсьнэ иси хәсда, дын педэна нэмадт вурал антәм. Ситэлн па еды вәдматсат, еды ходматсат. Лэхолэ иса Ай Моньсьхо вэртэл эвалт йира ант манад. Хулта сохматдаңан — йивонда, хулта каремалдаңан-йимуртан. Па хатда — хәда йис, Ай Моньсьхо лэмадляс, пунантас. Лэхолэ па лув пидэда сон-тумас: «Я, вэртие, ма па мандум, юдн хән хась-дум».

Ай Моньсьхо лупийл: «Ма лаваң паватты на-

ңкьюх сэварты мандум. Тал пура, хотэв хошум ат вэс. Мандуман ки — па мандуман».

Си мансаңан, наңкаң тахия юхатсаңан. Ай Моньсьхо нэман наңкат иды менатсалдэ, тыйдал эвалт пелка лоңхатсалдэ па лупийл: «Сар, Лэхолэ, вантэ. Ма ванттэмн там наңкат юврайт».

«Вэртые, ина там наңкат юврайт. Ай Моньсьхо па йи вэн наңк иды меншас па Лэхолэ сив хатумас вантты. Ай Моньсьхо сит си лавдас па ин аики сапалдувал эвалт сив тапалдмасы, ситдан Ай Моньсьхо имухты наңк тыйл эслумсалдэ. Лэхолэ наңк тыйн курңал тэп вусылаңан. Ай Моньсьхо няхман лупийл: «Ин, си, Лэхолэ, ситы тейя, саплэн лыйты артн иды керидан». Ситдан Ай Моньсьхо юхи шэшмас. Юхи тэп юхтас, хотада луңас, мул шиңаша иды омсас. Роман каман хоят си уватмал сасыл: «Вэртые, наңк юхлам па хулта пундалдам?»

Ай Моньсьхо ким аңкармас, лув сэмңала моньсь ки антэм вэс, долн ант па эвдас. Лэхолэ талаң хэ, тумтак хэ, хурасдан, весядан долд. «Я, сившак пунадн тувум юхдан — си антэм хутыса лупал Ай Моньсьхо. Лув па ким этас. Ыаңкан тут юха сэвартсадан па вэрты ики лупал: «Я, Лэхойе, наңк юхдуман лаваңа адлялдуман». Наңк юхи пайдан си вусисат, имултыйн тут яма думсяс. Ин аики Ай Моньсьхойн тут сама си пэхалдмасы, тутн нух си худатса. Ай Моньсьхо нэмасл: «Ин па хэн Лэхолэ юхатл». Наңк юхи пайл иса лаваңа тутн дэсы, си мар Ай Моньсьхо сята доляс, сята вэдас, а муй артн нюр лаваңдал хасьсат, тут дэсьтаты юхн ямас карадаслэ ат па сялта нэмасл: «Я, си,

сар Лэхолэ вэлум кемал си, па хэн нух долъ. Интам дыдэм си этас. Луватты илпия си паватсэм». Ситдан Ай Моньсьхо юхи каремас па юхлы си манас. Хотала юхи луңас, мул шиңаша иды омсас па едды вэдты олңал педа си нэмас. Сикутн па си холдалдэ, камн хоят си шәшийлтад сасьд. Роман Лэхолэ увтас: «Вэртие, лаваңлам па хулта шавилаллам!» Ай Моньсьхо аң едумса. Катды хо, потды хо хурн айлтыева лупийд: «Сив хулты шавиядан». Ай Моньсьхо ант эвдас па ким си аңкармас. Маттырн, Лэхолэ таланг хо, тумтак хо хурн тум долъ. Вон хинт вуймал па лаваң адыюман шәшиил. Ай Моньсьхо нэмасыйл: «Ма си митраиң, писяң хэ куш вәсум. Ин па иса си письды питсум. Исипа там аикийн ивем хот патыя, аңкем хот патыя си луңалдаюм».

Етна — хэда йил, омассат, вәсат, ат па манас, хатда йиты питас. Лэхолэ вэртэд педа лупийд: «Ма, вэртие, хәдядэм, маттэ Вошаң Вэрт ики мойпар яктад. Ма, сар, якты яңхлум». Ай Моньсьхо лувманмал юпийн муй хув нумас нэмасас, муй ван нумас нэмасас: «Йи муй вер там манты пантадн верд Лэхолэ, муй сирн уша верты. Ям хэн исипа».

Ин Лэхолэ Вошаң Вэрт ики кэрта си манас. Тухи юхтас, маттырн, ина мойпар якда. Юхи луңас, манас мул суңа, иды омсас. Хоттэл мир муй вер тайдат лув хуседа. Ким юхи яңхты няврэм ар, ким юхи шәшты хоят ар. Сикутн якты пурая си йис. Мир якты додиидат. Па хо вудыил па хо якты долъ. Имудтыйн суң паты эвалт Лэхолэ хотхария шәшас, лупийд: «Я, ма па якдум!»

Мир няхиилдат, лупийдат: «Па хуты якты хоят си мосл, якты хот си, яка, няврэм хо, яка!»

Лэхолэ ариман якты си лолюмтас:

«Тови лаңки пун такал,

Сус лаңки пун такал,

Додатдэм, холатдэм

Тэдды кэрт тэда вердэм,

Тови лаңки пун такал,

Сус лаңки пун такал.

Додатлэм, холатдэм».

Ин хоттэл мир ад ольмемасат: «Кей! — лупийдат. — там няврэм, муй аңкелн, муй аседн вэнлдасы, якты сит па си хошмал, арал муялн тэллэ». Сикутн Лэхолэ Вошаң Вэрт ики ай эви куншемаслэ, хэңанпатыя тапалмаслэ па хэхалман ким тута манл.

Юхи юхтас па Ай Моньсьхо вэртэл педа лупийд: «Вэртые, кашасьдан муй антэм, ма наңатты тыдась вэдты, хатл вэдты оты пилн тэсэм». Ин Ай Моньсьхо си нэ педа аңкармал сахат, самад иды хатумумал сасьл, нух амтас. Вошаң Вэрт ики ай эви иси, хой аңкелн, хой аседн симась нумасн пунса, самад сив си сохтасы, сив Ай Моньсьхо хуся. Йи нумас, йи кел паватсаңан, еды волматсаңан, еды холматсаңан. Тэп Моньсьнэ катлы нэ хурн омасл, потлы нэ хурн омасл, нэ вур ант тэд, хо вур ант тэд, путар ант этлтал, ясаң ант этлтал. Ситы хулты си волдат. Лэхолэ аңкеда па пил каншты нумас верас. Имудты хатл Лэхолэ вэртэл педа лупийд: «Вэртые, ма тамхатл па якты яңхдум».

— Яңха, яңха! Наң якты тэс», — юхды ясаң этлдас Ай Моньсьхо. Ин Лэхолэ па Вошаң Вэрт

Ики хота манас. Тухи юхтас па кэрт няврэм, вош няврэм кута дылтасас. Юхи луңас, иси хот суң патыя омсас. Ин хотаңтэл мир яклат, арилат, усьхуль верты хо-усьхуль верад. Сикутн хот суң паты эвалт Лэхолэ хот хария эслумтас, йимухты якты долюмтас, арал дув елпелн хэхлалдалдэ:

«Тови нюхас пун такал,

Сус нюхас пун такал,

Долатлэм, холатдэм.

Тэмы вош — тэлаңа вердэм,

Тэмы кэрт — тэлаңа вердэм.

Тови нюхас пун такал,

Сус нюхас пун такал,

Долатлэм, холатдэм...»

Ин хоттэл мир ад ольмемасат. Няхты хо — няхал, вантты нэ — вантл. «Кей! — лупийлдат. — Там няврэм муй аңкелн, муй аселн якты па ари-ты вондтасы, хуты си хошмал, арал муйялн тэлдэ».

Вошаң Вэрт ики си увтас: «Я, ёх катдалан, ай эвием хунтуптум кулэн си!» Сикутн Лэхолэ мул шиңашн омсум ухад вотум пирась ики куншема-слэ, хоңанпатыя тапалмаслэ па ким-йи кур тайс, ин па си каншидалн.

Юхи юхтас па Моньсьнэ аңкел педа лупийл: «Аңка, ма наңена хатл вэлты пида ханты хо, едум хо тэсум мосаң нэ олтуп, хо олтуп дылаң дыл па елды увдатл». Пирась ики Лэхолэңкийн хунтуп-тум мар пирсял хулты па антом, дыв есялтэда муй тывум вэрт пух, муй тывум хэлт пух долд. Моньсь-нэ пида йи сэпас, йи пун, нумасдан, келдан яха питсат, еды волматсаңан, еды холматсаңан.

Омассат, вэсат. Етна-хэда йис. Лэхолэ лупийд: «Я, вэртэт, аңка, ата йис, иды улаты. Алаңа нух кидтэв арти мулды пирлув ки — пирлув, антэм ки — па хуты верда».

Алаңа нух питмел, арти, кимды вантыилдат, маттырн пуңлаң хот пуңалн няр наң сэхтум хот, няр хэл сэхтум хот хэнтты тывмал. Ин хот ид сорнед нухды манад, нум сорнед иды манад, адси хумпалдыйд. Си хота си худыева вэдматсат. Си хота касадсат, сикутн сэмлал питсат, маттырн мухадая исимась хотат, си эвадт талаң вош ом-сантмал. Ай эви, ай пух тыведт шэшлат, тухедт шэшлат.

Вошаң Вэрт ики пила лывед, вэдум кэрт тэлаң, вош тэлаң ар нэ, ар хоел акатсат, мой-поры версат. Мосаң атл ки — лапат ат яньсьсат, хатл ки — лапат хатл сюнсьсат.

Маттэ, Лэхолэ интам хоя-воя ювмал, питы ухуп пухи хот омасл, питы ухуп эвең хот омасл, ханты нэ дылаң йис еды тэд, ханты хо дылаң йис еды тэд. Ялань Ики недаң сува патыя павтыдум нэхо лыд еды пулатсалдэ, еллы хуватсалдэ.

Ай Моньсьхо вельси ушн юхтыилла: «Ма па муйсар симась хоят, Лэхолэм паратман вантас-сум. Тэллы корт тэлаңа вертэм юкана, тэлды вош тэлаңа вертэм юкана, нэ лалты — нэ лыд еды тэтэм юкана, хо лалты хо лыд еды тэтэм юкана. хонтты сяха матта вэлты сотаң йис тывтыйн, матта вэлты сюрсаң йис вэлтыйн, ма лампем ювра нум-суп, ма лампем нараң веруп ханнэхо нэ нерн ат хойда, хо нерн ат вуды».

Воньсюмутсэм нэңие

Йи икилэ вэд, тайд хэдум пух. Атэлт мув суңан си вэддат. Нэмадт кеши пос ант вантыилдат, нэмадт даюм пос ант вантыилдат. Моньсь па моньсь, ими тайс, муй ант тайс: муй ушд вэд. Имудтыйн, хув вэс, муй ван вэс, няврэмдал педа лупийд: «Нынана, аньхи каншты яңхлум». Ампи охал кирас па си манад. Хув тахед хув мандалдэ, ван тахед ван мандалдэ. Имудтыйн ёшд вевлы йис, курд па вевды йис. Мантал сахат поспелкад хойс лыюм аңкалшэпа па сядта нухды пэсаң лунемас. Икилэ си аңкалшэп мухадая дариты питас, нэмадт ов антэм. Ситы ларитал сахат хойсалдэ сумат карлэ па роман ов пуншантас. Юхи луңас, маттырн, хот дыпийн нэмхойт антэм. Еша вантыдас, шэшидас. Путхота шэшас, роман Воньсюмутсэмие ким дарэмас. Еша вэс ин Воньсюмутсэмие па си худты педа дарэмас, иса шивад худас. Имудтыйн дэпаң лыпийн сый сасиид: «Там мулды сякрэп патэп вэн кевпутэм ант, най, вермилатэм». Икилэ дэпаңа ким этас, маттырн, пувлы паты. Еша вэс па си сасьтал сасьд: «Там мулды вэн ухем ант вермилатэм, най».

Икилэ вана манас, маттырн, даңки ух. Ин ухнык каварсалдэ Воньсюмутсэм нэңие. Лэсңан, яньсьсаңан. Хой асенан яха омсалсайңан, хой аңкенаан яха омсалсайңан — яха холматсаңан, яха вэлматсаңан. Мой-поры версаңан, яха вэлты питсаңан. Хув вэсңан, ван вэсңан, имултыйн икилэ

имел пела лупийл: «Я, сар, юхлы каншаньси мосл, юлн няврэмат тайлум». Воньсюмутсэм нэңие хураң эхала дэлас па ампат кирум меньнэ эхал еды хатумас па икел кэрта си юхатсаңан.

Юхи юхатсаңан. Няврэмат есялт хэхадсат па увдат: «Йи-йи, асев си юхтас! Алпа аньхийн си тосьюв! Аньхев па хута вэд!»

— Аньхан хураң охал дыпийн, нётадн иды вохалты, — лупиил аси няврэмат педа. Ай няврэм хураң охада хэхлас, нух хэңхас па эхал хур куш нух хуратсалдэ, роман Воньсюмутсэм ким ракнас па иды дарэмас. Па ин утые си дариил. Няврэмие дув юпедн си хэхал, юлта нёхалдалдэ, сикутн ант войман элты пэрумсалдэ — Воньсюмутсэмие педка пасьлумтас.

— Я, хуты, аньхен юхи тэслан? — иньсьмас асед.

— Мултсар Воньсюмутсэмие вэс, курн ант войман элты пэрумсэм, дув ара пасьлумтас, — нёхмас ай пухие.

— Сит, мал, си аньхан вэс, ин па хулься вулэв дуват, — лупад асед. Ситэдн па еды холматсат, еллы вэдматсат.

Шоп, лупла па, тал хурасэн нэмадтыя ант хойл, ванттыйн Воньсюмутсэм лампа нэңие, элпал, хурад ал си туныйл, тэп нэмадтыя ант рахал, нэмвалт верты ант хошл, нэмадт хоята унтас ант тэд. Симась хоят вэлупсы Воньсюмутсэм нэңие хурас.

Ай Нёрум Хо

Матта най омсум найң мув, матта вэрт омсум вэртаң мув суң хуся вотум нюки лаңкум хот лыпедн Ай Нёрум Хо вэдас. Лув хулна ёшл нёрх, курал нёрх вэдум артн матта мув, матта йиңк олңал эвалт йимудты тышаң хатл хэтдылудман, йимудты वोсяң хатл хэдум хор кирум хэдум эхалн юхатсат нёлаң, ёхлаң хэдум хо. Мултыя си хэдум хо йипелак сэмдал сяшканан лап йирман вэсат. Асел вэдмал хуват йиңкаң пелак, вэнтаң пелак эвалт актылум вурты вой, питы вой картум ар кар худыева нарьядасыит, худыева вусыит. Аңкеңал, асеңал йи ёшлан, йи курдан шэпа хатьсясыйңан па хор эхал, вой эхал пушия дэлсайңан па матта мув олаңа тэсыйңан. Ин вэнта па Ай Нёрум Хо ант вэдэ. Си вуш эвалт лув асел таюм, аңкел таюм хораң тась, вояң тась пида атэлт хо дуваттэдн атэлт хасяс.

Лув ерт йиңки ар шэкал, лоньсь йиңки ар шэкал арл вантмал юпийн, имудтыйн ёшл — ёша йис, курл — кура йис. Тыдась весюп, хатл весюп хо энмас.

Тэрум сот ар хатл лув вэнтаң пелак кератл, йиңкаң пелак кератл. Лув атэлт хасьмал тэлан лампаңал нэ венш ант вантыдас, лампаңал хо венш ант вантыдас. Лув нэ манум нэңаң мув ант вантыдас, хо вэдты хоиң мув ант вантыдас. Ситы вэдтал, ситы холтад сахат па нумсал тум пелака па нумсал питыял. Хэн вэнта атэлт дэңьюх аватн,

атэлт калтыюх аватн вэлты питлум. Матта муv олаң педа яңхлум ки, мосаң лампаңем нэнаң муv, лампаңем хоиң муv вэитлум, — нумас верас.

Ай Нёрум Хо хотл эвалт ким этас. Хот суң эвалты хор катадты, вой катадты сяңар кедад вус, сэвысалдэ па тась сама тахумаслэ. Йи тынсяң дысн хэлум еңк хопты питсайт. Си хэлум еңк хопты эхала кирсалдэ, эхалдал, нёлдал эхала дэлтас. Хот шаншада шэшас, ух пунас, дапат пуш мухаладая кердас хатл манты сахат. Нумсалн нэмасыил, масаң хув яңхлум, муй ван яңхлум, там хот харэма дылаңа юхатлум, уяңа ки яңхлум. Мосаң уйды пант яңхлум ки, хада хо хада хурн, доңх хо доңх хурн юхатлум. Уш антэм.

Тэп эхала дэлумтас — хэлум еңк хоптыйн си хурэмасы. Эхал пушел эвалт тэп йи пуш доньсь пэсаң кавармидас. Хэлталн, карась муваң тахийн эхал, ольңал донься ханыилтан сасьл, дэл мувуп тахийн, хэлталн, нэмадта си тэты сальл.

Ситы хув навралтас, муй ван навралтас, вантыил — юхана юхтас. Хоптыдал юхана вохалтас, еша артасяс па йи юхан олаң педа елды дэлумтас. Хоптыдалн па си доньсь пэсаңа дылатса. Муйкем манал, юханал йи вутңа йил. Имудтыйн юхан хурдал ас хур иты йиты питсат. Сикутн вантыйл, маттырн ел юхан хур олаңан йи дув лампел хэлум еңк хоптэң эхал йил. Эхал, охтыйн кат хо омаслаңан. Ай хэхлада павтассаңан па есялт си йилңан. Сикутн Ай Нёрум Хо вантлалдэ: ин хойңан юватты нёл вуша юхатсаңан, уккелдан сив талсалдан, эхал эвалт иды вохалсаңан. Тэп хойңан эхалдан, нёлдан ёша вус-

ңан, Ай Нёрум Хо иситы әхдал, нёдал ёша ву-
слә.

Хойңан нёлдан лув педала шашсалдан, әхал
йинтдан там лаңкар манты, тум лаңкар манты
талсалдан. Ай Нёрум Хо иситы йинтаң әхал, йин-
таң нёдал талсалдә.

Артадатыйн, тум хойңан юватты нёлн лув хой-
ты артн, там хо юватты нёлдн тум хойңан самаң
мевал, турхаң мевал эвалт йи нёл, вея ат каратд-
айңан. Ситы си долъдат. Хәлтадн, тарум вәрт та-
рум лаңкарн талты әхдат, лалдал йи муляң сый.

Лыв хув долъсат, муй ван долъсат, имулдыйн
тум хойңан әхалдан, нёлдан илы эсалсалдан, әхала
дәлтумсалдан, уккелдан няратсаңан, иси ювум
пантан хуват тум пентумсаңан. Ай Нёрум Хо иси-
ты әхалдал, нёлдал дәлтумтас па иси пант хуват
хәйңан юпийн дәлумтас. Ситы Ай Нёрум Хо на-
врадтман мантал, кутн вантыил, маттырн, сырыя
манты хәйңал хопты сәхумдан оңтәң вал хуват-
тәтн питыялдат. Юхды вантыйл, нэш лув хопты
сәхумдал, иси си хуваттыйн питыилдәл. Сикемн
лув хоптыдал, па уккелн па валн йи нэш елды хар-
сятлалдә. Еша манас па вантал, маттырн, сыры
хойңан хопты сәхумдан кат — хәдум оңтәң вал
хуваттыйн питыилдат. Юхды вантал; лув хоптыдал,
сәхмат исикемн питыялдат. Лув хоптыдал, па еллы
харсятлалдә.

Ситы навралтал, кутн доньсь кут эвалт ван-
тлалдә, мулты ермат тахия си юхатмал. Имудтыйн
уша си паватсалдә, маттырн сырыя манум хойң-
ан олңал, юхатла хораң тась, олңал юхатла вояң
тась сам эвалт навралман, вулэт хуты катна ха-

тыдумед, әхдаң әш вутат пант тывмал, лув си пант, си хәл хуват си навралтал. Сикутн роман хоптыдал сив дољумсат.

Ай Нёрум хо иды дољяс, доњсял, еңкал паркатас, уккедал йирас, артасьты си питас. Кай! Нәш лув елпелн ювум хәйңал хоптыдан интам эслумман, худна даллат. Лын ювум әхалдан тосдал па курдал талаң сумат шәп эвалт верумат, ољдан па шоитдан тал вур сумат эвалт верумат. Вудәң келдан, нюрдан хуты ара тахман, ситы улдат, ситы кератлядат. Маттырн, кат педакан кат нюки хот дољдаңан, ов эвалт веншат ким этмиилдат, тәп ханнәхоит ким ант этлат.

Ай Нёрум Хо вантдалдә, маттырн йи педак нюки хотатн волты ханнәхоит йи сәмпедкат, кимит сәм ант тайдат. Си пелакн интам ювум әшалн вәдум вудәт, ампат иси иса йи сәмпедкат. Кимит пелакн лольси нюки хотан — сит па иса йи лув дампел кат сәмупат.

Ситы хув дољяс, муй ван дољяс, нәмасыид. Муй вәнт ләңхат, муй вур меңкат хотата юхатсум а муй па дампаңем ханнәхоятдам хуся юхатсум. Там вуша юхатсум юхды манлум — исимурт, хота луңдум — исимурт.

Сар, луңатдум йи ма дампом кат сәмуп ехдам хота, — ситы хув муй ван нумсал дариис.

Уккедал сив йирас, хоптыдал нух мухатас, айдтыева шәшас, хот ов пуншсалдә, юхи луңас па вантыид. Маттырн, йи пелак нюки хот нурины лапат хо па лапат нә омаслат па йи педак нурийн, мул нуры верум па нури кутупн мой хо омасты питы нюпаллув кевра вуд сив дәсятум. Йи нури-

ин омасты йи хойн Ай Нёрум Хо ёшн па пелак нурыя вусэмасы. Ай Нёрум Хо вуты манас, мой хо омасты питы нюпаллув кевра вула иды омсас. Иса нэмад хоят йи сый па ант верал, иса хэсда вэсат, рома омасдат. Еша омассат па йи пелак нуры эвалт няд хо нух долюмсат, ким йи кур тайсат. Хот мухадая вулэт нёхатляты сый тэп сасьд, еша вэдман няд хо юхи луңем асат, хэлум хор хурмел па нюхидал, сухдал, дыпия пунман юхи адэмумел.

Итох нюхидал пута мулсалдал, итох нюхидал дулаңа лэты хайсалдал. Ай Нёрум Хо дулаң нюхи пунум анан омасса. Йи ан олңал нэ кешийн пунса, кимит ан олаң хо кейшийн пунса. Сикутн пирась ики йи дув ясңалн нёхмас: «Па наиң мув суң эвалт юхтум хо вэсан, па вэртаң мув суң эвалт юхтум хо вэсан, лэты-яньсьты пил, наң канша».

Ай Нёрум Хо сикемн нэмасыйл: «Па ма шаңкапн хулься лэты, яньси пил вэйтлум». Сикутн хашап сай эвалт муй тывум най эви, муй тывум вэрт эви нух доляс па дув ан олңала нюхи лэты омсас. Си нэңалн дын муй ар дэлңан, дув муй дуй тый муньсюп, паң тый муньсюп йи пудат вуйдясңан, сядта хоттэл мирн омсумтыидсат, ин хэлум хортэл нюхи лэсат, яньсьсат. Хув омассат, муй ван омассат, муй ван нумас кератсат, муй хув нумас кератсат. Имудтыйн пирась ики па си путартты питас: «Па йиңк олаң эвалт юхтум хо, па мув олаң эвалт юхтум хо наң нумсэн наң тайдэн. Си наң пилэна лэвум, яньсюм нэңен — сит мин дуй тый муньси, паң тый муньси ай эвемн. Тыдась вэлты, хатл вэлты оты пида наң ки ка-

шасьдан, лув пилала яха вэлмататн, яха холмататн. Тум пелак нурины мин лапат пухемаң, мин лапат менеман си омаслат». Ай Нёрум Хо лупийд: «Ма муй ант кашасьдум. Тыдась вэлты, хатд вэлты оты пил каншман си яңхдум». Пирась ики па елды путрал тэлдэ: «Тамхатд юхатменны вера си вантсэн там кэртэнны вэлты мир, вулэт, амплал. Тум пелак нюки хотатн вэлты ёх иса йи сэмупат, муң, там пелак нюки хотатн вэлты ёх иса кат сэмупат, муң, там пелак нюки хотатн вэлты ёх исат тайлув кат сэмат. Тамиты мунг иса мулды арат сот ода иса си йис, хуты йи яха си вэлдув, кутэвн воться ант вантыилдув. Вэться хэн вантыилдув ки, имухты нёда си питдув, сирн си даясты си долъдув. Наң талта елды вэлтэнны там вер ал юрэме, дыв пелэда ал вантыла. Ай Нёрум Хо ситы паматса, яма туңматсалдэ си вер. Пирась икеңан, пирась имеңан ай эви пида яха нэмадмасңан, елды вэлматсаңан, елды холматсаңан. Уплал па вэнтуплал пида елды яха вэлты, яха холты питсат.

Ар ёх, моньсь ёх, ар еды манал, путар еды манал. Ситы си елды волупсы тэсэл. Йимудты хатда ювум арт вэн педа упал хулты манты сон-тумас, доматдяс, пунантас. Ай Нёрум Хо лупид: «Наң упа, хултыпеда си мандан, манатты па тэтде, юдн омасман питаса си йис» Упал юхды лупийд: «Ма лапат нёрум тум пелакан вэлты ал сот сумат, хусь сот сумат долъси вура вэнтхор каншты яңхдум. Мандан ки кат хо яңхлуман». Ай Нёрум Хо дэмаддяс, пунантас, ким этас. Упал тынсяң сэвиис, хораң тась, вояң тась сама тахумасдэ, йи тынсяң дыс лакны хэдум хоптарка питсаит. Эхада

кирсалдан, нёлдан, эхалдан дэлсаңан. Тәп эхала дэлсаңан — вулдынанан си хурэмасыйңан. Хәлта-нан, карась мувуп тахийн — нәмалта тэдыйңан. Йимултыйн упал уккедал сив талас, эхалдал, нёлдал адэмас. Ай Нёрум Хо иси эхалдал, нёлдал адэмас. Маттырн хәдүм вәнтхор дольдат. Упал лупал: «Кат хорал ма эсалдалам, йи хорал наң ювтә. Сялта нум вот севаң сыйн, ил вот пулаң сыйн нёлдат си эсалсаңан. Хәдүм вәнтхор сив ракансат, хәдүм вәнтвой сив керисат. Сикемн эхалдан, нёлдат эхала дэлгумсаңан, упал уккедал няртас па юхды педа дэлумтас. Ай Нёрум Хо нәмасл: «Кай, алвәдты велум вой нюхилуман, алвәдты велум хор нюхилуман, сухлуман ал си сята тохандат». Ситдан ситы тәп упал педа лупилас: «Ма дулаң мухал дэты вутсиидсум куш». Упал няхиид: «дулаң мухал дэдан ки, юдн иси хурасуп дулаң мухал си вәл». Юхи юхатсаңан, юхи дуңсаңан. Ай Нёрум Хо вантыид, маттырн, ин вутн велум хәдүм вәнтхор матта тухлаң вотсины, матта кураң вотсины юхи тувумат па хурсалумат. Дулаң нюхи тэлаң анат омаслат па падан вән нәраң нык ихтылум па кавартум, нюхет дувдал эвалт ара лаканмел. Сикемн упал няхиид: «Я, веңа, ин си дулаң мухал си рахас, дэва».

Ай Нёрум Хо хулт елумса па ал няхиид. Си сюнел, хәдәдн па еды вәлматсат, елды холматсат. Йимулты хатда ювум артн Ай Нёрум Хо кутуп упал пида дәматлясңан, пунансаңан, ким этсаңан. Упал тынсяң сэвиис па хораң тась сама, вояң тась сама тахумас. Йи тынсяң сых лака хәдүм хопты питсайт. Эхлана кирсалдан, эхалдан, нёлдан дэлса-

ңан. Упал уккедал няртас па си лэлумсаңан иси лапат нёрум тум пелакан вэлты ал сот сумат, хусь сот сумат долъси вура кураңвой каншты. Ин хэлум хоптэнны паси хурэмасыйңан. Йил вот сюваң сый тэдыйңан, нум вот хеваң сый тэдыйңан. Йимултыйн упал уккедал сив тадас. Эхдал, нёлдал ёша вус. Ай Нёрум Хо иситы эхдал, нёлдал ёша катдас. Маттырн, вет кураңвой долъдат. Упал лупийл: «Хэлум войл наң юваттадн, кат войңал ма юватдалдам нёлдн». Ин вет кураңвой сив керисат. Сялта упал иситы уккедал няртас, юхды лэлумтас. Ай Нёрум Хо ситы тәп лупидас: «Кай, упа, ма вой ведум куш дэты верәм вәс».

Упал няхийл: «Юхи юхатлуман па юдн исихурасуп ведум па вэл». Юхи юхатсаңан, юхи луңсаңан. Ай Нёрум Хо вантдалдэ, маттырн, ин вет вой матта тухдаң вотсийн, матта кураң вотсийн юхи тувумат, хурумат, нюхидал кавартуман па нюхи анат пәсаңан кавардат, дэсат, яньсьсат. Си вуш эвадт Ай Нёрум Хо па хатл верл — па упал пида хор велты, вой велты яңхийл.

Йимулты пурайн пирась вән упал ики омастал кутн лупиил: «Веңхо, тонтхо вәсн, атэдт юх аватн вэлум хо, хой асенны, хой аңкенны хор велты, вой велты вәнлтыилсайн, яма си хошмен». Си вуш эвадт иситы Ай Нёрум Хо хор велты, вой велты упдал пида си яңхийл.

Йи адаңа, йи хэла ювум артн нух вердасат, нух кидсат. Муй тарн хаим тарнаң хатл хэтдас. Дыв ант вәсэд, ин таңха ар еды манты пата, ин таңха моньсь еды мантад пата ай упал лупийл: «Я, веңа, яйлам пиа иса нёрум хор тур, вәнт хор

тур эватман яңхдан. Ин, сар, па мин яха яңхдуман, сыры яха иса ант яңхиялсуман. Наң ки кашасьдан, тамхатл мин яңхдуман. Лапат нёрум тумпелак ал сот сумат, хусь сот сумат додьси вуралиты вой, вурты вой каншты яңхдуман». Веңал юхды лупийл: «Я, па яңхдуман». Ломатлясаңан, пунансаңан, ким этлаңан. Ай упал тынсяң сэвиис, хоран тась, вояң тась сама тахумаслэ. Йи тынсяң дысн хэдум хор питсайт. Эхада кирсадан, эхалдан, нёлдан лэдсаңан. Ай упал уккелал эңхумтас, хэдум хорн ин си хурэмасыйңан. Йил вот сюван, нум вот сюваң сыйн си тэдыйңан. Карась мувуп тахийн эхал донься ханыил, лэд мувуп тахийн нэмалта си тэдыйңан. Ситы мантан кутн, хутась вэдум тэлас шипаң, хутась тывум хумас шипаң нёрум харийн хордан ай хэхада павтассат. Ситы хэхдалтан кутн Ай Нёрум Хо вантдалдэ, маттырн, йи сэмпелак хо еңк войт ювтатдюман нымад охтыйн шэшийл. Тывел юватл, тухелт юватл. Тывелт па пай тахумал, тухелт па пай вермал. Сикутн нэмасыил: «Кай, сорни нуви, па муй верум верэм, ма па сэмпелак хо пела муя вантдум». Тэп нумсал манэмас ситы, сикемн сэмпелак хо тэлас пай сая манэмас па дын пелэна юватдыты си питас. Ай упал уккелал сив сэхтас, эхдал, нёлдал адэмас, сэмпелак хо пида вэться нёл ювтаң хареды додьсаңан. Хув вантасман юпийн, сэмпелак хо ювтум хутась вэдум сусл веюп, эр веюп нёлн ай упал эсмаң мевал, турхаң мевал эвалт, пулаң уңдуп нёрум хэдах мухты сэхарса. Сикемн сэмпелак хо Ай Нёрум Хо пела юватдыты питас. Илы сэңкты нёл — илы куш сэңкал, нух сэңкты нёл

— нух куш сэнкал. Сикемн уккелал няртас па юхды дэдумтас. Кэрт харыя селтас. Тум хотат педа сэмолаң тувемас, маттырн, сэмпелак дэпат хо дэдь пуш, мой пуш хуван павтасмел, ёхал, олаңдал пурман долъдат.

Ай Нёрум Хо эхдал эсдумтас, юхи дуңас, иды омсас, лупийл: «Я, упат, хэдантаты, там яңхум тахемн вэн сюхлаңа питсум. Сэмпелак хэйн ай упум велса». Ситы лупмал тэп етшас, юдн хасидум хэт упал йи кур тайсат. Дэдь пуш, мой пуш верасэмасат, дэдь пуш, мой пуша павтасэмасат, ким си мансат.

Упдал ким этум юпийн Ай Нёрум Хо дув па нух доматляс, дув па дэдь пуш, мой пуш пунантас, ким си этас. Дув ким питмалн, маттырн, ин ёхдал вэться нёл вулңаң хар мевалн долъмел. Йирашак манас, эхал эхтыя иды омсас. Ёхдал кутэдн юватты нёлдал шив иты си мандат. Дыв картаң нёл сэлаң сыел, дыв йинтаң нёл пиваң сыел кусы кертум наиң сюрас тохарл, кусы кертум вэртаң сюрс тохарл. Картаң нёл, вейң нёл вулңатн хойт лольси лотата лай кады, вур кады увлатсат. Тум ёхдал эвалты йи хойн велдат, там ёхдал эвалты иси йи хойн велдат. Хув тарандасат, муй ван тарандасат кутэд-кутэдн дыват хулыева велмел юпийн, тэп сэмпелак ёхдал эвалт йи хо хасяс. Йи сэмпелак хо Ай Нёрум Хо педа ювтатляты си питас. Ай Нёрум Хо па юватты нёл — нох хатьсялдэ, па юватты нёл — илы хатьсялдэ. Имудтыйн лупийл: «Ивлап, аслап вэсн! Муй аңкен нур, муй асен нур ма эвалтэма каншдан, ма наңен верум нур ант тайлум. Тэп наң манэм асең нур,

аңкең нур тайлан. Наң асилан па сятсясилан ма аңкеңалам, асеңалам ёшдан, курдан шәпа сэвар-муман сав лэты, хәдах лэты тәслан, манат туңқаң онтуп патыйн, полтаң онтуп патыйн вәшemasлан куш. Ма ин ёшем еша йис, курэм кура йис. Ин ма вантман лапат упем ведсаты. Сар, ма наң тар-мен, наң әрэн нух вантдэм». Ситдан әхдал эвалт нух додумтас, әхдал, нёлдал адэмас, сусл веюп, әр веюп йинтаң нёл си ювтас. Сәмпелак хо сив керийс. Сикемн тум нюки хот ов пушмасы. Йи Шоварсух Кумал имие ким этмас, ухшамал са-палдува йируммал, ладь пуш, мой пуш дәматмал, әхалдал, нёлдал ад си сулпидалат, лупийл: «Ма лапат яюм, я — сар, сикуш ведсалдан, сар, ма тармаң нэ тармем, ма нараң нэ нарэм па ванта-дан».

Ай Нёрум Хо пида Йи Шоварсух Кумал имие вәться нёл вудаң ёш еды додьсаңан. Хув вантас-саңан, муй ван вантассаңан, нэмадта утн эвалт сяраң карты йи пул ант холдумдаңан.

Имултыйн Йи Шоварсух Кумал имие нюки хота луңемас. Сялта ким питмадн, маттырн лапат аньхел па ухдал вотум пирась имеңан, икеңан — дув асеңал, аңкеңал әхалн, нёлн катлуптумал па ким этдгумал.

Ин утат тәп ким питсат — Ай Нёрум Хойн йи нёл вея нәратсайт. Сикемн Ай Нёрум Хо юхи луңемас, иситы вәнтупдал, па пирась упңал, вәнту-пңал ким этдтас ладь пуша, мой пуша паватман. Ин ёх тәп ким питсат, Йи Шоварсух Кумал имие вәться нёл вуданг ёш еды додьсаңан. Хув вантас-саңан, муй ван вантассаңан, имултыйн хатл етна

ювум артн Йи Шоварсух Кумал имие, хэлталн, өрал па хуламал сасьд, вевд па хуламал сасьд. Шашн хатман манас, манас, нюки хота юхи куш луңемас, Ай Нёрум Хо ювтум нёлн кат пушд мухты манса.

Ай Нёрум Хо каремас, дув хотда юхи луңемас па имед педа лупийд: Иса өрэм па хуламал сасьд, сёмем па хуламал сасьд. Ма талта еша улдум. Луйдам эхал йинтийн иса нярты хурсайт, наң манэма дуй хурат ёнта, даль йиты сый ки холдан — манатты имухты нух увтэ. Ситы лупас па тэп ухад иды пунумсалдэ, адмэнтыхи оңат каварн евалмасы, юх каварн евалмасы — еды эңхрумтас. Имел тыши-нэ, пиши-нэ холдуман, еслуман дуй хурат ёнтман си омасд. Дуй хурдал етшемасат, нуви вусаха ювум артн, хэлантхил: даль луват даль йитад сасьд, мой луват мой си йитад сасьд, Ай Нёрум Хо имедн нух килтасы, дув сора нух долюмтас, луй хурдал домтумтас, ким этмас. Вантхыл. Маттырн, сот хоюп даль вана си юхатмал. Сот хоюп даль ухн дылаң нэ, талаң нэ Йи Шоварсух Кумал имие йил, ухшамал сапада йируммал. Сот хо юватты нёл иса шив иты йилат. Ай Нёрум Хо иды сэңкты нёдал — иды сэңкдалдэ, нух сэңкты нёдал — нух сэңкдалдэ. Сикемн Ай Нёрум Хо кэм холумтхил па сусд веюп, өр веюп йи нёл юватд. Йи нёл вея няд хо, вет хо нэратд. Сикутн па доньсь пай эвалт хэхал па доньсь пая керуптхил. Хув вантассат, муй ван вантассат, имудтийн Ай Нёрум Хо сот хоюп даль худыева паратмал юпийн иси Йи Шоварсух Кумал имие пида вэться нёл вулдан хар па си яха хасьсаңан, па си

яха питсаңан. Кутанан си вантаслаңан, си тарандалаңан. Сикутн Ай Нёрум Хо ювтум нёлн Йи Шоварсух Кумал имие па си кутлупал эвалт мухты манса, юватты нёл, китты нёл хуваттыя адумса. Ай Нёрум Хо каремас, хотла юхи луңемас. Хэлтадн, ёрал па хуламад сасъл, сёмад па хуламад сасъл. Имел педа лупийл: «Ма, сар, еша удлум. Па ки ладь иты питл, па ки мой йиты сый хэлдан, манат нух килттумтэ».

Ухал илы пунумтас — елды ёңхрумтас. Имел икел педа вантыйл, маттырн, ин сот хо юватлдом картаң нёл, веяң нёл нюлматн икел вантды хур, вэлы хур павтум, луваттадн лай вура, пит вура павтум. Ин нэ хуты йитад вэл, холдуман, еслуман ад омсыйл. Имудтыйн, хэлтадн, па си ладь йиты сый сасъл, мой йиты сыйн мув тохарла. Икел нух килттэмаслэ. Ай Нёрум Хо нух сюрумтас, ёхлад, нёлдал адэмас, имел педа лупийл: «Я, ин юхи хасюм сёмемен сяраң ладь мевала си долълум. дьлэм ки этл, тылсяң тэрум, хатлаң тэрум елды волты си питлдуман, дьлэм ки ант этл там ким этты тахемн сав лэты, хэлах лэты харэң кэрт харэма си питлдум».

Ким этас. Маттырн хэлум сот хоюп ладь тыв там юхатмел, иси ладь ёх елпийн Йи Шоварсух Кумал имие — дьлаң нэ, тадаң нэ йил, ухшамал сапада йируммад.

Ин моньсь еды мантад пата, ар еды мантад пата, Ай Нёрум Хо сусл веюп, ёр веюп йи нёл юватла яң хо, хэс хо йи нёл вея каратлайт. Хув таранласат, муй ван таранласат, имудтыйн хэлум сот хо хулам юпийн Ай Нёрум Хо па Йи Шоварсух Ку-

мал имие пида па си атэлт хасьсаңан. Эхалдан шэпа сэңксаңан, си юпийн вэться напатсаңан.

Хув тахансаңан, мув ван тахансаңан, имултыйн Йи Шоварсух Кумал имие, холталн, эрал па хуламад сасьд, вевд па хуламад сасьд. Сикемн нахэмидас-мухэмидас — шош хура карэмас, еды пэрлэмас.

Ай Нёрум Хо иси нахэмидас-мухэмидас — юхан лэнт хура карэмас па юлта пэрлэмас. Йи Шоварсух Кумал имие манты хуши кута, хэла хуши кута нух пэрдас па Тэрум аседа пояк пунал: «Тэрум вэн асем вэсн, курс вэн асем вэсн, хутась сахат партылум ханты пухенан лыдэм си вуды. Си дуват ям вера, манат хотэна юхи эслэ».

Ай Нёрум Хо дув юпелн йил па иситы пояк пунал: «Тэрум вон асем вэсн, хуван нэхлум калэң пастэк пушхем хотэна юхи ад эслэ. Оваң хот овен пелка ки вэд кев вэлты — карты вэлты ухр туман лап тэхрэ».

Тэрум Ики дын сыин хэлмадкемн овал лап тэхарсалдэ, ишни ов эвалт увиил: «Йивлап най, аслап най таран эвеңан — пухңан, муй йиван нур, муй асен нур каншдатан. Ма нынатты иса вэлты тухдаң сот, кураң сот нумпия мулатсалдам. Талта иды юхатдатан па елды вэлты нэңаң нуви пойкатн, еллы вэлты хоиң нуви пойкатн».

Йи Шоварсух Кумал имие сикемн иды карэмас, Ай Нёрум Хо — дув юпелн. Иды юхатсаңан, латсаңан, нахэмиядсаңан — мухэмиядсаңан па яха нёда напатсаңан. Хув тарандасңан, мув ван тарандасңан, имултыйн Йи Шоварсух Кумал имие лупийд: «Я, Ай Нёрум Хо вэсн, ина тарум хо

вэдмен, ина веваң хо вэдмен. Ма тармаң нэ тар-
мем, ма веваң нэ ведем си худас. Си дуват ям
вера, мос, вулдыман». Ай Нөрүм Хо лупийл: «Ма
тарум хо тармем, ма веваң хо ведем наң хән ву-
лэн, хуван куш мосас вудыты. Мин вантасум ма-
ремн кусы кертум наиң сюрс, кусы кертум вэртаң
сюрс тарнаң тэрүм мирэв хойсат, хэлтаң нуви
хойсат. Талта елды волтыйн тамась лампа нэ вел-
ты нэңаң дадь ал тывал, хо велты хоиң дадь ал
тывал».

Вет ясаң, вет путар

Атэлт лоңхьюх аватн, атэлт калтьюх аватн Имилэ Хыдылэ, пида вэсңан. Хув-ван вэсңан, хойн си вер вэды, хойн си вер вантса. Си вэдтан, холтан сахат Хыдылэ имел ими педа лупийл: «Имем Ими, манэма ай эхдые па ай нэдые вера, ма ай воят юватдэты питлум».

Олңалн Имел Ими нэдн, эхалн ант верла, катлы. Ар пуш Хыдылэ сютши, пойкасты питас па имудтыйн Имел Ими шадял хувдас па вотлупьюх хоиң ай эхдыенан, вотлупьюх хоиң ай нэдыенан си верса. Имел Ими лупийл: «Хыдые, нэдэн, эхлэнан ювтатдэты яңхты питлан, тэп нэмман тае, хотэн ант калты вуша еды ал мана, каман хулт доматдан».

Па хатла-хэда йис. Хыдылэ вэтлупьюх хэиң эхдал, вэтлупьюх хэиң нэдал вус па хот мухадая ай воят юватдюман си яңхал. Нэдал юватдалдэ — сив хэхал. Нух вулдэ нэдал па еды юватдалдэ. Имудтыйн нэмасыйл: «Шоп, Имем Имины еды манты ант эсалсаюм». Юхды куш аңкартас, маттырн, хотд сэм вушн антэм. Куш па тывелт вантал, куш па тухэлт вантал — хотд иса ант кал, ант волдэ, мата одаң педа манты мосл. Сикутн шувадаслэ, маттырн, лув пуңдалн симась шашл тохнум, оядл тохнум вэн эш манал. Хыдылэ нэмасл: «Ин си, там эшем хуват манлуп па хотэма, Имем Ими хуся, юхи си юхатлум». Вэтлумьюх хойң нэдал, вэтлупьюх хоиң эхдал, хэңан патыя тапал-

маслэ па ёш хуват си шэшмас. Ёш лэхи, кур лэхи си шэшл, пулңал вот есялт дяксадлэ па веншлувада хойталн лысн сасьл. Хыдылэ еды няххатл, еды шохматл. Хув манас, муй ван манас, вантлалдэ, маттырн, няр наңк сэхтум, няр хэл сэхтум хот сята омасл. Хыдылэ нэмасл: «Вер там пись. Мал Имем Ими пида мин хотэман тамась антэм, там хурас па ант тайс, там хот шеңк вэн». Я, алпа хуты верда, там няр наңк сэхтум, там няр хэл сэхтум хота юхи луңлум, мосаң ина Имем Ими пида мин хотэман, нэмасыял.

Хыдылэ йи шэшмад итн хот ова шэшас, ов пуншсалдэ, юхи луңемас, вантыйл, маттырн, мул нури одаңан питы нюпаллув сюняң тыхалн ухад вотум пирась ики омасл. Ин ухад вотум пирась ики няхаң веншан, юнтаң веншан карийл, нух долюмтас, Хыдылэ апалмаслэ, мосалтаслэ, эвумдаслэ, лупийл: «Кей, Хыдые, ма наңат вантмемн, наң подтаң онтуп патыйн, туңкаң онтуп патыйн улсан, нэшкемн, муй хоя ювмен. Муй наиң аен тувман, муй келдаң вой келэн тувман ма хусема юхатсан, хулыева путартадан!»

Хыдылэ лупийл: «Имем Имийн вэтлупьюх хэиң ёхалшэпан версаюм, ай воят юватлюман яңхтэм кутн худт доматсум. Сикутн шашл тохнум, олял тохнум вон ёша юхатсум, си ёш хуват си тыв наң хусена юхатсум». Акел Ики лупийл: «Ям си, Хыдые! Ма пидэма еша вэда, муй уш, муй кел тайдан, лэрамтыилдуман. Си мар ма наңена вет ясаң, вет путар путарлум». Си хатдан вэслан, етна — хэда йис, улты пурая йис. Акел Ики лупийл: «Хыдые атдан ким этты ки питдан, атэлт ад эта, лупа манэма».

Иды улсаңан, вуюмсайңан. Сикутн Хыдые нух вердас, сядта па иса ант вуюмда, олмал, нух сорас. Вантыйл, сяхал ратхарн тутаң лаваңдан хулна анта раңанлат. Нәмасл, ким ки этдум. Акем Ики, пирась хо, муя шәкатдэм, ат ул, ма атэлт этдядум. Ай молупсел домтас, ким этас, вантдалдэ, ат кутупкема ювмал. Тыведт-тухелт кариидас, нәмасл, я юхи луңдум, камн Акем Ики нух вердас. Овал пуншас, юхи луңас, вантыйл, маттырн, сяхал рат дыпийн тут лавңат иса раңанмел па, мал, интам ким этмеман тутаңат вәсат. Улты лотада вуты манас: «Кей, маттырн, улты лотн имеңан-икеңан нюки ай нюкни лаңкман, ай нюки молсяң лаңкман, пунал хулам нюки ай тахты дэрумман, иськийн потман улдаңан. Хыдылэ палтамас па ким сюрумтас, нәмасл: «Сорни нуви, нэш па хота луңмем, хатдалн па юхатмеман си хот ант си вәсэм. Сит, исипа, вера нуша имеңан-икеңан си уллаңан».

Вантыйл, нэшкемн, Акед Ики хот сяташак си вәлтад. Сив манас, ов пуншсалдэ, юхи луңас, вантыйл, маттырн, сяхал ратн тутлуман иси раңанмал. Нурыя вана манас — иси, маттырн, имеңан-икеңан улдаңан. Йилуп хошум сахатн лаңкасыидман, кат-хәдум пуш йилуп тахты дэрумман, шаңкйиңк эсалман улдаңан. Хыдылэ паканман па си ким этас. Хыдылэ ким этмумал юпийн, нәмасыил: «Кей! Па ма муй вера питсум, Акем Ики хот иса си вотшасэм». Вантыйл: «Сар, сята си Акем Ики хот». Сив манас, юхи луңас, антәм — иси па хот. Мул нуры хуся иси имеңан-икеңан улдаңан, дынан нюхи антәм, вуй антәм, нюр лув-

шуки кардан улдат. Шиңаш илпийн тал пасан юхлак омасл. Нэмасл Хыдылэ: «Тамеңан исипа, иси нуша имеңан-икеңан». — Ситдан, ким этас, вантыйл, сята маттырн, па йи хот. «Исипа Акем Ики хот си», — нэмасл Хыдылэ. Па юхи сив луңемас, вантыйл, вут нуры суңан иси имеңан-икеңан улдаңан, дын хоңңан хуся маваң пасан, дэтунаң — яньсютаң пасан омасл, ховийл. Икеңан-имеңан весяңа-хураңа улдаңан. Хыдылэ нэмасл: «Исипа тамеңан иси тасяң-кэсаң катңан вэдаңан». Ким этмас, тыведт-тухелт вантылас, ким этмас, палты па ант питас, тэп нэмасыйл: «Кей, па муй верум верэм! Акем Ики сирн си лупидас, атэлт ким ал эта. Ин па Акем Ики хот там патлам атн па хулься вэитлэм. Акем Ики, пирась хо, нух ки вердас: ма антэм, мултыкем си пакнас». Сикутн вантыйл, маттырн, тута си йи лупас, сив вана манас, хулт пакнас: йи ики талаң хот путлаң патыя адуммал, ситы долъ. Хыдылэ карэмас шашн, еды хэхалмас. Вантдалдэ, нэш-кемн, Акед Ики хот сята си, дэпаң олаңн лув вэтлупьюх хэиң эхдал, лув вэтлупьюх хэиң нёдал хуты нух ыхатсалдэ-иситы доидаңан.

Хот ова шэшас, юхи луңас, вантыйл: сяхал ратхарн тутаң лавңат хулна анта раңандат. Акед Ики тарум олумн хулна уд. Хыдылэ молупсилэң-кел нух эңхас па шитама Акед Ики пида иды удум-тас. Сыры палтамум рувалн ухад, сэмад мунтал-мас — сив вуюмтэмасы. Адаңа — хэда йис, нух килсаңан. Акед Ики лупийл: «Хыдые, атдан ким этдюомен сасьд, си этдюоменан мулты вер ант педы вантсан?» Хыдылэ ин вантум палтам вердал, ям

вердад путарсалдэ Акел Икия. Акел ики лупийд:
«Ма наңен, Хыдые, адхон етн лупсум, атэди ким
атдан ад эта. Си вантум утдат сит иса сурма пи-
тум утат, сит катра дыв дыланг тэрумн вэдум ве-
рэд лыведа си вандалды, сутатты хо — сутытда,
сюнядты хо — сюнялда. Сялта Акел Икийн Хы-
дылэңкия си верат си паматты питсайт. «Хэданта
ясңем, сит одаң дуңатдюм хотэн одаңн. Ньюки
сахан лаңкасыилман, нюки тахты эхтыйн улдаңан
имеңан-икеңан. Дын, дылаң тэрум вэдманан, ну-
шайңан антэм куш вэсңан. Тэп дын сухан-нюран
моиң хоят эвалт шадитты вер тайсаңан. Дын
кэртана моиң хоят ки юхатд, сирн моиң хоята
мет катра, мет вевтам сухдан улты лота верда-
ңан. Мет катра сахн лаңкты моиң ёха вуськад-
дан. Дын сикутн мет ям лотн, ям сухн улдаңан,
лаңкасыялдаңан. Ин си вердат си дынана суты-
тда, дын ситы си мишмалсайңан. Кимит хотаң
утңан сирн ям вушн, ям сухн лаңкасыялман
улдаңан. Си катңан дын дылаң тэрум вэдманан,
хоят кэртана, хотана ки юхатд, омсалтаңал ям лота
омсалдадан, вэдтатаңан ям лота вэдталдан. Тайты
арат ям вушдан худыева моиң ханнэхоята дэсят-
далдан, сирн дын иси ям лотн си улдаңан, ситы
мирн партсайңан.

Хэдмитты. Сит нюр дувшуки кара ювум име-
ңан-икеңан, дын нушайңан антэм куш вэсңан,
дылаңа вэдманны, мет тасяңа вэсңан, ар митхоят
тайсаңан. Си митьёхдан дэды шэкатсалдан, нуша
хоят педа па ант вантсаңан. Сирн дын ил тэрумн
иси миша паватсайңан, си лэлышок дынана ван-
далды.

Нядмитты. Там ясңем, там путрэм весяңа — хурасаңа удты имеңан-икеңан олаңан. Дын иси куш кэсаңа вэсңан, тэп дын па хо, па нэ әр ант худтсаңан, дын-дын ёшдан, дын курдан әрн вэсңан. Нуша хоят, кәняр хоят ки вәитлаңан, дэтути, яньсютан малдан, нётлаңан. Доматсух ки мосд — доматсух малдан симась ханнэхоята. Сирн дын ям лоти весяңа, хураңа си улдаңан иса вэлты сюрсаң ол кеша.

Ветмит ясңем хот нух адмум ики олаңан. Сит дув вэдмалн, хотда нэмхоят ант эсдас. Куш ертаң тәрум ат вэс, куш иськи хатд верас, вәтаң хатд ат вэс. Дув хотд мухты, дув кәртад мухты яңхты ёх ешдад потман, курдан потман яңхиидсат. Сирн си ин ид тәрумн шәка, миша хойсанан, си хатдан си дынана ванлтады, хотд дувела си адмалса.

Си наңена, Хыдые, памтум вет путрэм, вет ясңем. Хәнтты, хантыхо йисаң нуви тывты арти исимась атма вэлты хоятат иситы ат шәкатдайт, тәрумн эдты ат вантдайт, ханнэхойн ат сутытдайт. Яма вэлты ар хоят иситы тәрумн ат шалитда, мирн ат шалитда. Наң, Хыдые, там верат иса нәмман таядан па мира путартадан».

Хыдылэ лупийд: «Акем Ики, наң таңум вет ясңен, вет путрэн ма ант юремадам. Ям сирн вэлты питдум, адум верат йира паватдалдам».

Сядта ким этсаңан, Аки Ики хот суң эвалт хәдум тухлуп картаң нёд вус, так сяруп, так вунтаң әхад вус па Хыдылэда масдэ, сикемн ситы лупийд: «Хыдые, там әхдэн, там нёдэн вусе, нёд юватман мана, ма наңатты юхи тәты сём ант тайдум. Там нёдэн дапатмит юваттэнан, наң юхи си

юхатдан». Хыдылэ Акел, Икийн мосалтасы, эвумдасы. Сялта нёдал юватман юхды си шэшмас. Ина, лапатмит нёдал юватмалн Хыдые юхи си юхтас Имел Ими хуся. Нёдал нух менуммал, сахат дын хотлэнкен иды рохнемас па няр наңк, няр хэд сэхтум вэн хот омсантас. Имел Ими пида елды холматсаңан. Елды манты ар хоят атл юхатлат, хатлатн юхатлат. Акел Ики ясчат нэмман, Хыдылэ ин мир омастаңал ям лота омсалдалдэ, вэлтыдаңал ям лота вэлталдэ. Дын муй мулды тайдаңан, дын муй мулды ант тайдаңан — иса пунум ям нумасн мир пида волдаңан. Тайты хатл — лапатладан, яньсьльсялдан, ант тайты хатл — хошум хот рувн, хошум сам рувн хошмалдалдан.

Атл юхатты ар мирн, хатл юхатты ар мирн Хыдылэ Акел Ики павтум вет ясаң, вет путар арад мув суңа си тосы, арад йиңк элды си манас. Си вуш эвалт моньсь йисат мансат, ар йисат худасат, тэп Хыдылэ Имел пида ин па си влдаңан Акел Ики вет ясаң муңева путарман.

Содержание

МА АРИЕМ, АРИЕМ. Стихат

Сорнең нумсат	4
Ма-юра нэ	5
Сясем ар	6
Аңки сам	8
Якты ки доляс ханты нэңие	9
Аннэ	11
Эвие, эвие!	13
Ешак Петар пилые	15
Урак китл	17
Ярась	18
Ям хантыдам, ям хоятдам	19
Хетта	22
Икен манылумалые... ..	23
Лылдзат лыв	24
Ма арием, арием	27
Ма — най	29
Хашңа хот	31
Тукьякаң кэрт мирие	33
Вор ёх педа	35
Сорни Лопас	36

АЙ НЁРУМ ХО. Ханты мир моньсят

Ими шаншух паты эвалт вэлты Моньсьхо (Моньсяс Варвара Ивановна Вагатова)	44
---	----

Ай Моньсьхо па Лэхолэ (Моньсяс
Петр Степанович Аликов) 56

Воньсюмутсэм нэңие (Моньсят Семен
Иванович Юхлымов) 70

Ай Нёрум Хо (Моньсяс Петр Степанович
Аликов) 73

Вет ясаң, вет путар (Моньсяс
Петр Степанович Аликов) 89